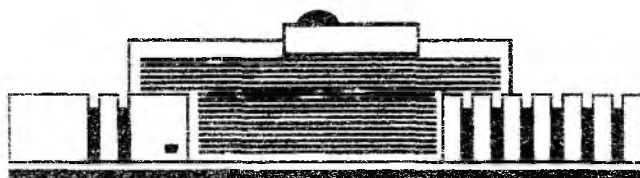

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2004 № 3(33)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар)
С.С. Ануфрыева, С.П. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Варэб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка, І.Л. Лапін,
С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі,
В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, І.М. Прышчэпа,
Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў,
М.К. Талочка, У.Л. Фядотаў

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33.
тэл. 123 і 22-33-79

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года

Выходзіць чатыры разы ў год

2004 № 3(33)

З м е с т

Да 60-годдзя вызвалення Беларусі

Бруцкі А.П. Калі неба глакала крывёю 3

Сацыялогія

—*Русецкий Ю.А., Гащенко Л.А.* Ценностно-мотивационные детерминанты
получения второго высшего образования 11

Гісторыя

Канапацкі І.Б. Становішча татаруў у БССР у 20–30-я гады XX стагоддзя 20

Субботин О.Г. Бавария и рейх: «федеративный конфликт» 1923–1924 гг. 25

Осипович А.И. Научно-технический и информационный обмена между
Великобританией и БССР в 1924–1939 гг. 30

Эканоміка

Байнев В.Ф., Дадеркина Е.А. Теоретические основы полезностной оценки
эффективности инноваций 36

—*Шахнович Е.С.* Эволюция экономических систем: критерии оценки 42

Орлов В.И. Современные концепции предпринимательской деятельности:
концептуальный статус и социальные функции 46

Правазнаўства

—*Борботько П.В.* Правотворческая деятельность фракции СДПГ по вопро-
су принятия конституции в немецком Национальном собрании в 1919 году 54

—*Бочков А.А., Ивашкевич Е.Ф.* Законодательство России и Беларуси в об-
ласти свободы совести и религиозных организаций 58

—*Дерзоед В.В.* К вопросу о сущности доктрины в качестве источника права.. 65

Педагогіка

—*Керножицкая И.Е., Шаркова О.Б.* Дополнительное образование детей в
современной школе 70

—*Адаменко Н.Д., Оганджян О.П.* Подготовка будущих программистов к
работе с сетевыми базами данных 76

Філалогія

Ольшанский О.Е. Лексическое опрошение суффиксальных существитель-
ных в русском языке 82

— Несцяровіч В.І. Дыялектная аснова легенды Мерадж з Кітаба Хасяневіча (1832)	87
— Ляшкевіч В.М. Імя-мянушка як крыніца экстралінгвістычнай інфармацыі	92
— Міхальчук Т.Г. Нацыянальная спецыфіка форм камплімента в руской художественной литературе и в русском общении	96
— Никитевич А.В. Транспозиция в отношении к деривационному анализу. Глагол	101
Літаратуразнаўства	
— Бароўка В.Ю. Міфалагічныя вобразы ў сучаснай беларускай прозе	107
— Хорошко Г.П. Историческое прошлое в драматической поэме «Крево» Н. Орочко	113
— Андреев А.Н., Канторович О.К. Игра как способ реализации дискурса персонажей в пьесах Гарольда Пинтера	121
Матэматыка. Механіка	
— Сурин Т.Л., Шерегов С.В. Об угловой неправильности систем с функционально-коммутативными матрицами коэффициентов	127
— Командина Л.В. Прямой опорный метод решения специальной задачи дробно-линейного программирования	131
Хімія. Экалогія	
— Федотов В.Л. Биогеохимия кальция в ландшафте, сформированном на моренных суглинках Белорусского Поозерья	135
— Гусев А.П. Сукцессионные процессы в антропогенном ландшафте зоны отселения	141
Медыцына	
— Крестьянинова Т.Ю., Николаева А.Г., Прищепа И.М. Опыт применения обучающих программ при реабилитации больных бронхиальной астмой	145
— Василенко С.Г., Нурбаева М.Н., Сорокина С.А. Показатели центральной гемодинамики и вегетативная регуляция сердца у подростков	150
Крытыка	155
Бібліяграфія	157
Перааналізі	158
Хроніка	163
Рэфераты	164
Звесткі пра аўтараў	170

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

А.М. Фенчанка
Г.У. Разбоева
Л.В. Прыстаўка

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 358 ад 30.12.1998.

Папярэдадзена ў друку 10.09.2004. Фармат 70x108 1/16. Папера друкарская. Афсетны друк.

Ум. друк. арк. 13,12. Ул.-выд. арк. 13,20. Тыраж 120 экз. Заказ **67**.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі

«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»

210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

УДК 947.6

А.П. Бруцкі

Калі неба плакала крывёю

Сёстры Хатыні

Гэтыя помнікі не сустрэнеш у гарадах. Не ўбачыш і ў вёсках. Самотнымі вартавымі стаяць яны паблізу бароў, рачных і азёрных берагоў, на зялёным прасторы, на зарослых густой травой лугах, пад шатамі дрэў – там, дзе няма ўжо аніякіх прыкмет чалавечага жытла, і толькі дуплісты стары дуб, сіратлівая купка бяроз ці здзічэлая сухая яблыня яшчэ нагадваюць пра тое, што людзі тут калісьці жылі...

Яны, гэтыя помнікі, падобныя адзін на аднаго, як салдаты. Звычайна гэта невысокая шэрая стэла з чырвонай зоркай і прамавугольнай таблічкай надпісу.

Нярэдка стэлы і абеліскі вячаюць сабой нізкія курганы, сферычная форма якіх сведчыць пра штучнае паходжанне – іх насыпалі людзі.

Слыніся, чалавек, у гэтым месцы, адгані ад сябе на нейкую хвіліну звычайныя турботы, успомні пра тых, хто папярэднічаў табе на гэтай зямлі, хто стаў попелам, які вечна будзе трывожыць людскую памяць... Надпісы на стэлах б'юць электрычным токам, ад якога гасне дзённае святло. Прыслухайся, чалавек, сэрцам – і расколецца раптам купал тонкага, як шкло, спакою, і пачуеш гнеўны крык мужчын, распачнае галашэнне жанчын, горкі плач дзяцей, разлютаваны брэх драпежных аўчарак, звонкія ўдары вінтавых стрэлаў, а пасля – завейны і грозны шум віхурага агню, які нарастае імклівай высокай хваляй, заглушаючы ўсе гукі на зямлі і ў небе...

...Вёскі Казьяны і Роўнае прытуліліся ў вельмі маляўнічым кутку Шумілінскага раёна. Паміж імі – каля дзевяці кіламетраў. І ніякіх іншых паселішчаў. А між тым да вайны ў гэтым прамежку было цэлае гняздо вёсчак – і справа, і злева ад дарогі, уздоўж прасек, што промнямі пранізвалі змрочныя лясны гушчар, багатыя на ягады, грыбы, іншыя шчодрія прыродныя дары.

Цяпер тут стаяць суровыя стэлы, пазначаючы назвы былых вёсак – Дрыжакі, Заазер'е, Зуева, Шчамілаўка, Ямішча... Усе яны – сёстры Хатыні. Пяць вёсак на дзевяць кіламетраў...

Вёскі загінулі ў сакавіку сорок трэцяга, пад час карнай аперацыі, якую гітлераўцы назвалі адпаведна – «Грамавы ўдар». Фашысты правялі яе, каб знішчыць партызанскія злучэнні ў трохвугольніку чыгуначнай дарогі Віцебск – Полацк – Невель. Асаблівага поспеху карнікі не дасягнулі – партызаны выйшлі з баямі з-пад іх удараў, моцна пашкуматаўшы акупантаў.

І фашысты павярнулі зброю на мірнае цывільнае насельніцтва. Сілы нямецкае камандаванне кінула адборныя – цэлую ахоўную дывізію, дадаўшы чатыры ахоўныя батальёны з палка «Брандэнбург», танкавыя ўзводы, артылерыйскія і сапёрныя батальёны. Кіраваў ганебнай акцыяй Якабі – кат з генеральскімі пагонамі.

Вось гэты жорсткі і бязлітасны вал і накаціўся сакавіцкім досвіткам на ціхіх вёсчакі, што спалі апошнім сваім сном... Накаціўся і патрушчыў, нібы чырвоныя лясныя суніцы... Людзі не паспелі схвацца ад лютай раптоўнай навалы, не змаглі ўратавацца ад куляў і агню. Згарэлі жывымі ў падпаленых агнямётамі хатах. Не ўцалеў, не вырваўся з пекла ніхто... І пасля вайны не было ўжо каму, разабраўшы папалішчы і знявечаныя коміны, паставіць са

смалістых зрубаў новыя хаты... Памерлі вёскі, як людзі... У Заазер'і загінула 28 жыхароў, у Зуева – 37, Дражаках – 39, Шчамілаўцы – 23, Ямішчы – 39... [1]. Развееў вецер іх попел...

Кодэкс людзедаў

У сваіх мемуарах уцалелыя гітлераўскія ваякі, каб абяліць сябе, не аднойчы спрабавалі даказаць, што метады партызанскага руху былі нецывілізаванымі, супярэчылі нейкай там ваеннай навучы і нібыта маштабныя карныя аперацыі праводзіліся толькі таму, што немцаў на такія дзеянні наўмысна правакавалі партызаны.

Але хто і на падставе якіх законаў можа адмовіць любому народу ў святым праве змагацца за сваю зямлю і волю?

Гістарычныя факты сведчаць: генацыд у адносінах як да беларусаў, так і іншых народаў акупіраваных краін верхаводы трэцяга рэйху рыхтавалі загадзя і вельмі грунтоўна і педантычна. Вайна яшчэ не пачалася, а фельдмаршал Кейтэль 13 мая сорок першага пасылае ў войскі дырэктыву «Аб ваеннай падсуднасці ў раёне «Барбаросы» і асобых паўнамоцтвах войск», якая фактычна здымае з ваеннаслужачых усялякую адказнасць за злачынствы на акупіраваных землях. Нага нямецкага салдата толькі ступіла на бераг Буга, а Гімлер спецыяльным цыркулярам забараняе акупацыйным уладам займацца судоводствам. Ашалелы фюрэр у патэтычным гневзе крычыць усяму свету: «Хто можа аспрэчваць мае права знішчаць мільёны людзей ніжэйшай расы?» Следам рэфрэнам заклінае атлусцелы Герынг: «Забівайце, забівайце кожнага, хто супраць нас, забівайце, адказваеце не вы, а я».

Гэта быў кодэкс людзедаў, які з пачаткам вайны дапаўняўся ўсё новымі пастулатамі. Гаўляўтэр Беларусі В. Кубэ загадваў падначаленым: «Трэба быць цвёрдым, жорсткім і не задумвацца: расстрэльваць або не расстрэльваць».

І яны не задумваліся. Яны забівалі. З самага пачатку, як толькі з'явіліся, нібы д'яблы, на нашай зямлі. У вёсцы Малая Кавалеўшчына, што пад Мёрамі, схпілі вельмі аўтарытэтнага сярод мясцовага насельніцтва настаўніка Флора Данатавіча Манцэвіча. За польскім часам ён веў сярод сялян актыўную асветніцкую дзейнасць, збіраў этнаграфічны і фальклорны матэрыял, жыў пад наглядам паліцыі. У кастрычніку 1939 года быў абраны дэпутатам Народнага сходу Заходняй Беларусі, выступіў на гэтым форуме з дакладам. Гітлераўцы некалькі сутак жорстка катавалі настаўніка, ён трымаўся з выключнай мужнасцю і годна прыняў пакутніцкую смерць. У Дзісне ўжо на другі дзень пасля свайго прыходу фашысты расстралялі 10 падлеткаў – нібыта за тое, што нехта ноччу перарэзаў тэлефонную лінію.

На Лёзненшчыне акупанты адразу пачалі забіваць жанчын-актывістак. Сярод расстраляных былі дэпутат абласнога Савета працоўных Марыя Апанасаўна Чарнышова, старшыня калгаса Кацярына Піліпаўна Палітычэнка. А таксама простая свінарка Еўдакія Цярэнцёўна Новікава, якая з'яўлялася членам ЦВК БССР. Жанчыне было за 60 гадоў. Не паглядзелі і на ўзрост...

У ліпені сорок першага масавага партызанскага руху на Беларусі яшчэ не было, ён стане такім значна пазней, а фашысты правялі ўжо першую карную аперацыю і спалілі ў Багушэўскім раёне вёскі Галашчокіна, Засценак, Навязкі, Цясы. А праз месяц штаб галоўнага камандавання сухапутных войск вермахта выдаў «Дырэктыву аб барацьбе з партызанамі», дзе выкладаецца тактыка «уціхаміравання» цывільнага насельніцтва.

Немцы, як вядома, даволі сентыментальныя, і ўся паэтычнасць іх рамантычнай натуры злавеснай экземай праступала ў назвах карных экспедыцый. «Зімовы лес», «Шаравая маланка», «Майская навальніца»,

«Веснавое свята», «Маланка», «Рэгата», «Белы мядзвездзь», «Заяц-бяляк», «Зімовае чараўніцтва», «Прагулка на сёмуху»... Якія, здавалася б, прыгожыя назвы. А за імі – чорныя папялішчы, самотныя коміны дашчэнтэ згарэлых хат, пякельныя пакуты людзей, якіх вораг паліў жывымі...

І ўсё гэта называлася спецыфічнымі тэрмінамі – «уціхамірванне» і «фільтрацыя». Ажыццяўлялася татальнае вынішчэнне беларускага народа, і такое жажліва маштабнае, якога гісторыя да гэтага не ведала.

І які ж, аднак, цынізм – усе нялюдскія акцыі па забойству мірнага насельніцтва прыраўноўваліся да франтавых аперацый.

У верасні і кастрычніку сорак трэцяга на тэрыторыі Браслаўскага, Відзаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага, Пастаўскага, Дунілавіцкага і Шаркаўшчынскага раёнаў фашысты правялі карную аперацыю «Фрыц». Камандавалі вельмі высокія ў іерархіі СС чыны – брыгадэнфюрэр Гарм і обергрупенфюрер Мюлер. На народных месціцаў кінулі танкі, авіяцыю, артылерыйскія дывізіёны. Але партызан замкнуць у блакадзе не змаглі, яны прарвалі акружэнне і выйшлі ў суседнія раёны. Без «трафееў», аднак, няўдалыя ваякі не засталіся. Яны падрабязна пералічваюцца ў спецыяльным рапарце – 36 тысяч галоў жывёлы, 1608 цэнтнераў зерня, 4104 цэнтнеры бульбы, 1111 цэнтнераў сена і саломы. Праўда, у дакуменце не ўдакладняецца, што ўсё гэтае дабро гвалтам забрана ў мірных жыхароў. Немцы спалілі 87 вёсак, пагналі на катаргу ў фатэрлянд 12 тысяч чалавек. Усім удзельнікам марадзёрства выплацілі так званыя «франтавыя» і начапілі на брудныя мундзіры медалі «За ўдзел у баях» [1].

Рабавалі карнікі заўзятая, нястомна, ахвотна, з вялікім запалам і вельмі маштабна. Адчувалася, што бачылі ў такім занятку сваё сапраўднае прызвание, лічылі, пэўна, арганічнай праявай тэўтонскага рыцарскага духу. Пасля вайны ўжо, адказваючы за свае злачынствы перад судом, генерал-лейтэнант Іаган Рыхерт, што кіраваў многімі карнымі экспедыцыямі, дэманстраваў пры паказаннях неблагую памяць, дакладна пералічваў, дзе і што яго «войска», як ён казаў, «рэквізавала». Вось запіс з пратакола судовага пасяджэння: «Рыхерт: «У час першай аперацыі мы ўзялі 557 галоў буйной рагатай жывёлы, 710 галоў дробнай, 159 свіней, другой – 186 галоў буйной рагатай жывёлы, 400 – дробнай, 58 свіней, а трэцяй – 900 кароў, 1200 – дробнай, 257 свіней».

Рыхерт камандаваў 208-й ахоўнай дывізіяй. Слова «ахоўная» тут – камуфляж. Яна, гэтая дывізія, была карнай, тут служылі забойцы.

Бухгалтарскі педантызм генерала-карніка асабліва праявіўся, калі ён праводзіў аперацыю «Зімовы лес» у Віцебскім, Гарадоцкім, Мехаўскім і Полацкім раёнах. Ужо ў першыя дні генерал накіраваў вышэйшаму начальству рапарт, у якім прасіў зняць сваю дывізію з забеспячэння тылавымі часцямі вермахта. А неўзабаве дакладваў, яўна жадаючы падкрэсліць свае заслугі перад рэйхам: «Дывізія сэканоміла для вермахта 139880 порцый гародніны, 167460 порцый мяса, 42123 меркі фуражу» [1].

А колькі пры гэтым пралілося чалавечай крыві чужога для яго народа, генерал не ўлічваў зусім. Не было такой графы ў яго пачварнай бухгалтэрыі. Генерала-марадзёра турбавала іншае – адсутнасць якіх-небудзь перспектыв далейшага рабавання сялян у Гарадоцкім раёне. Аказваецца, папярэдне сваю карную аперацыю «Клетка малпы» тут правяла 12-я танкавая дывізія, ператварыўшы раён у мёртвую зону. Рыхерт дакладваў з адчувальнай крыўдай на калег па жудаснаму рамяству, такіх жа катаў, як ён сам: «Немагчыма адшукаць жывёлу і прадукты харчавання, бо танкавая дывізія поўнасю разбурыла вёскі».

Калі па загаду Гімлера ў жніўні і верасні сорак другога праводзілася буйнамаштабная аперацыя «Балотная ліхаманка», што паўночным флангам

ахапіла Лепельскі і Докшыцкі раёны, то ў паліцэйскія палкі, матарызаваныя брыгады, зондэркаманды СС была спушчана катэгарычная дырэктыва: «Дзейнічаць бязлітасна. Усе вёскі, якія знаходзяцца ў раёне аперацыі, падлягаюць поўнаму знішчэнню».

3 не меншай жорсткасцю ажыццяўлялася «фільтрацыя» мірнага насельніцтва і пад час іншых карных аперацый. Ужо згаданыя танкісты з 12-й дывізіі ўсяго за пяць дзён закатавалі 1200 чалавек, зруйнавалі 58 вёсак, знішчаючы і дратуючы ўсё на сваім шляху.

У лютым сорок трэцяга ў Суражскім раёне гітлераўцам удалося ўзяць у палон, калі верыць рапарту, 260 партызан. Іх звязалі калючым дротам, абклалі смалой і дрэвамі і падпалілі. А зямлянкі, дзе хаваліся дзеці і жанчыны, закідалі гранатамі.

Маштабнай была і карная аперацыя «Зімовае чараўніцтва». У лютым сорок трэцяга фашысты загубілі ў Расонска-Асвейскай зоне 3500 чалавек, спалілі 158 вёсак. Потым самі карнікі спахапіліся, прызнаўшы сваю празмерную актыўнасць у забойстве людзей не зусім рацыянальнай. Вось як гэты матыў выкладзены ў рапарце аднаго з эсэсаўскіх камандзіраў: «Для размініравання мінных палёў няма цывільнага насельніцтва». Логіка тут садысцкая: больш практычна спачатку гнаць людзей на міннае поле, а потым ужо, пасля такой «фільтрацыі», забіць тых, каго не разарвала выбухам...

Расонска-Асвейская зона была для фашыстаў тым палігонам, дзе яны даволі інтэнсіўна выпрабавалі і няспынна ўдасканальвалі тактыку «выпаленай зямлі», метадычна спусташалі гэтую тэрыторыю. У дакументах акупантаў зона называлася «партызанскай рэспублікай Расоны, з якой зыходзіць далёка ідучая небяспека для ўсіх камунікацый паўночнага сектара цэнтральнага ўчастка фронту». Толькі летам сорок другога фашысты правялі ў Расонскім раёне шэсць карных экспедыцый. А ў ходзе аперацый «Ота» і «Генрых» на зыходзе сорок трэцяга і пачатку сорок чацвёртага буралі вёскі бомбавымі ўдарамі з самалётаў. І тут зноў партызанскія брыгады з баямі прарвалі блакаду, пасля чаго вывелі з сабой у савецкі тыл дзяцей і жанчын па ўмерзлым у лёд сплаўным лесе праз раку Нішча.

У сваіх рапартах камандзіры карных падраздзяленняў, пазбягаючы прамых указанняў на сутнасць таго, што рабілі, нярэдка ўжывалі слова «апрацаваць». Адзін з іх даносіў пад час аперацыі «Грыф», праведзенай у раёне чыгункі Віцебск-Орша: «Асоба апрацаваны больш як 400 цыган, каля 50 душэўнахворых». Гэтым займаўся, трэба меркаваць, спецыяльны батальён доктара Кнобліка.

Жахлівымі былі вынікі і карнай аперацыі «Маланка». Каля вёскі Шашы Сіроцінскага раёна немцы здолелі акружыць партызанскі атрад з брыгады імя Кароткіна. Разам з партызанамі ў лесе апынуліся тры тысячы мясцовых жыхароў. У народных месціўцаў канчаліся патроны і гранаты. Атрад адышоў да Дзвіны. Становішча здавалася безвыходным. Але і на вайне здараюцца цуды. Якраз у гэты крытычны момант з баявога задання вярталіся савецкія штурмавікі. Лётчыкі заўважылі гітлераўцаў і абстралялі іх з брыючага палёту. Фашысты ў паніцы адступілі. Партызаны фарсіравалі Дзвіну.

Тады карнікі сталі паліць вёскі, забіўшы 567 чалавек.

Чынгіс-ханы дваццатага стагоддзя

Людзі, што перажылі вайну, добра помняць, як здзіўляла іх нямецкая ўражлівасць. Салдат або афіцэр, зайшоўшы па якой патрэбе ў вясковую хату і ўбачыўшы дзяўчынку ці хлопчыка, мог раптоўна расчуліцца, прытуліць малечу да сябе, пшчотна гладзячы па галоўцы. Дастваў з кішэні зялёнага фрэнча фотаздымак, ахвотна паказваў і з прыкметным замілаваннем тлумачыў: «Майн кіндэр». Частаваў збянтэжанага падлетка тонкай пліткай гаркаватага

нямецкага шакаладу, выдуваў на губным гармоніку жаласлівую мелодыю, ад якой вільгатнелі яго вочы...

І куды толькі знікалі ўсе гэтыя звычайныя праявы чалавечнасці, калі вымуштраваны і дысцыплінаваны нямецкі салдат прыступаў да выканання загадаў, інструкцый, цыркуляраў. Жудасны ідыятазм фашызму: звышчалавек як прадстаўнік вышэйшай арыйскай расы павінен быць бязлітасным да непаўнацэнных народаў, таму ніяк не мог заставацца проста чалавекам. Кожны нямецкі салдат меў памятку: «У цябе няма сэрца і нерваў, на вайне яны непатрэбныя, знішчы ў сабе спагаду і спачуванне». Да таго ж сам фюрэр вызваліў сваіх салдат ад сумлення, якое называў хімерай, што прыніжае воіна-арыйца.

Пад час судовага працэсу ў Мінску, у студзені сорак шостага, пракурор дапытваў Ганса Германа Коха, што ў перыяд акупацыі быў афіцэрам гестапа ў Оршы. Гітлеравец прызнаўся, што аднойчы за дзень расстраляў 10 жанчын і 8 дзяцей ад 2 да 10 гадоў. Словы гестапаўца аглушылі залу.

Пракурор спытаўся:

- Няўжо ў дзяцей былі нейкія палітычныя погляды?
- Не, вядома, але ў нас быў прынцып, каб забіваць і дзяцей.
- А ў вас дзеці ёсць? І якога ўзросту?
- Дзяцей трое. Год, тры гады і пяць гадоў.
- Іх можна абвінаваціць у нейкіх палітычных злачынствах?
- Вядома, не.
- Дык па якому прынцыпу вы расстрэльвалі дзяцей?

– Гэта было практычнае ажыццяўленне расавай тэорыі. Знішчэнне другой расы. На пачатку кожнай экзекуцы я асабіста расстрэльваў не менш як трох чалавек, каб паказаць салдатам, што яны павінны быць стойкімі, якімі ў любых умовах абавязаны быць гестапаўцы [2].

Падпалкоўнік Эрнст Фальк камандаваў ахоўным батальёнам. Чорную памяць пакінулі яго карнікі ў Друі, Варапаеве, Дунілавічах, у вёсках Глыбоцкага раёна каля возера Шоша. На пытанне, чаму батальён знішчаў мірных жыхароў, механічна праштампаваў стандартную для гітлераўцаў фразу:

- Я атрымаў загад і выконваў яго.
- Дзяцей таксама забівалі?

– Так, – адказаў спакойна, добра завучаным тонам, якім рапартуюць вышэйшаму начальству, – быў загад знішчаць усё насельніцтва.

Палкоўнік Георг Вайсіг, полк якога спаліў на Віцебшчыне больш за 200 вёсак, таксама спасылаўся на загад: «Я разумеў, што мы паступаем бесчалавечна, насуперак усім маральным нормам, але лічыў і быў перакананым, што такая практыка была хоць і жорсткай, але правільнай» [2].

І пры гэтым – ніякіх пакут сумлення, ніякіх душэўных перажыванняў. Зрэшты, ад нічога і няма нічога. Не фізічна, а маральна яны даўно ўжо былі мёртвымі, даўно перасталі быць людзьмі.

Прыход і крах гітлераўскага фашызму быў вельмі суровым гістарычным урокам. Прэтэнзіі на сусветнае панаванне, цынічнае прысваенне сабе абсалютнага права распараджацца лёсамі іншых народаў, злачынныя глабальныя амбіцыі – усё гэта глыбока супярэчыць і логіцы гістарычнага развіцця, і пастулатам юрыдычнага права, і маральным законам, што выпрацавала чалавецтва.

Ці засвоены гэты ўрок? Генерал-маёр Герф Эбергард быў адным з тых, хто аддаваў загады ўсім гэтым бурхардам, фалькам, вайсігам, кохам.

Але на судзе не згадзіўся ўзяць на сябе адказнасць, перакінуў яе на больш высокую інстанцыю: «Быў загад без подпісу: вайну супраць СССР разглядаць як непадобную на ўсе іншыя войны. Гэтым загадам прадпісвалася паліць

вёскі, гвалтаваць жанчын. Сэнс загаду: савецкі народ знішчаць, а маёмасць адпраўляць ў Германію. Неўзабаве гэты загад быў выняты з сакрэтнай дакументацыі, баяліся, што ён можа трапіць у рукі Чырвонай Арміі».

А яшчэ генерал успомніў, што летам сорак трэцяга Гімлер, сабраўшы ў Берліне тэрміновую нараду, катэгарычна запатрабаваў ад карных кадраў дзейнічаць так, як у свой час Чынгіс-хан.

Таму сцвярджанне, што фашызм – чума дваццатага стагоддзя, зусім не з'яўляецца метафарай. Гэта проста дыягназ.

Апакаліпсіс ужо быў

У студзені сорак шостага Сцяпану Антонавічу Хверанцу было крыху больш за сорак гадоў. Але калі яго выклікалі як сведку ў залу, дзе праходзіў судовы працэс па справе аб злачынствах нямецка-фашысцкіх акупантаў у Беларускай ССР, то людзі ўбачылі згорбленага, зусім сівога, прыкметна стомленага чалавека, з хваравітым і моцна маршчыністым тварам, з патухшымі вачыма. Старшыня ўважліва паглядзеў на яго і перапытаў на конт узросту. Пачуўшы адказ, колькі мінут перабіраў на сталае паперы, каб супакоіцца, і толькі затым прадоўжыў разгляд справы.

Гаварыў Сцяпан Хверанц з цяжкасцю, бачна было, што яму вельмі балюча ўспамінаць той самы чорны ў яго жыцці дзень... Красавіцкім ранкам сорак чацвёртага гітлераўцы акружылі вёску Надзер'е Пліскага раёна. Сцяпан якраз быў у лесе і ўжо збіраўся вярнуцца да хаты, але, пачуўшы распачныя крыкі людзей і заўважыўшы карнікаў, схаваўся ў хмызняку ўскрай балота. Ён бачыў усё: як немцы сагналі вяскоўцаў да канавы і пачалі страляць. Пакінулі жывым толькі мажнага мужчыну. Загадалі яму скінуць забітых людзей у канаву. А калі ён гэта зрабіў, паставілі над схілам на калені і таксама забілі стрэлам у патыліцу.

Сцяпан біўся кулакамі і галавой аб зямлю, праклінаючы сябе за ўласнае бяссілле, за тое, што не змог уратаваць ад смерці дачку, якой было толькі 18 гадоў. На яго вачах цыбаты і худы, як жэрдка, немец-карнік з усяго размаху ўдарыў дзяўчыну па галаве прыкладам вінтоўкі, а калі, як падкошаная, тая ўпала, штурхануў ботам у канаву. Яна некалькі разоў перакулілася і знікла ў чорнай, як сажа, халоднай балотнай вадзе.

Калі немцы па трупах перабраліся на другі бераг і пайшлі да наступнай вёскі. Сцяпан выбраўся з хмызняку і пачаў выцягваць людзей з канавы, складваючы іх на сухім грудку. Для яго ў гэты момант на зямлю абрынулася неба... Доўга ён сядзеў над нежывой дачкой, схопіўшыся рукамі за галаву, стагнаў, плакаў і нема крычаў, шкадуючы, што нарадзіўся калісьці на свет...

У той дзень, акрамя Надзер'я, немцы спалілі Новую Псую, Слабодку, Чашкі, Сшо, Хралы, Асінаўку, Калечполе, Вуглы, Бажкі, Пестуны...

У вёсцы Крылі нямецкія салдаты з дзікім рогатам загналі дзяўчыну ў куратнік, уварваліся следам, згвалцілі яе па чарзе, а затым падпалілі страху. Гаротніца спрабавала ратавацца, але яе аглушылі прыкладам і кінулі ў полымя, якое роем іскраў шуганула ў неба...

Пра гэта сказаў на судовым працэсе настояцель Псоеўскай царквы Іусцін Рыгоровіч Шчасны. Гэта быў мужны чалавек. Доўга хадзіў па спаленых вёсках, падбіраў замучаных людзей ці тое, што ад іх пасля агню засталася, капаў магілы і хаваў...

Так, успаміны аб перажытым востра вярэдзілі душу. Людзі, што трапілі пад жудасны каток карных аперацый, успрымалі ў той момант з'яўленне фашыстаў як сканчэнне свету і, нейкім чынам уцалеўшы, яшчэ доўга жылі пад невыносным цяжарам такога адчування. А многія яго наогул не пазбыліся, пакутліва неслі гэты крыж, жыццё так і не вярнулася ў іх свядомасць з усімі сваімі першароднымі колерамі і фарбамі...

У сорок другім Наталлі Шчарбакавай было толькі дваццаць гадоў – вясна чалавечага веку. І былі ў яе маці, сёстры – двухгадовая Валечка, дзесяцігадовая Вера, Марыя і два браты – Віця і Коля. Усіх іх не стала 24 чэрвеня, калі карнікі аблажылі вёску Барсукі Сіроцінскага раёна. Людзі кінуліся ратавацца. Наталля паспела зашыцца ў густы хмызняк. Адтуль яна і ўбачыла, як доўгая аўтаматная чарга ў адно чорнае імгненне нібы касой падрэзала і маці, і сяцёр, і братоў. Яны разам, як яблыкі з кошыка, пападалі на зямлю. Маленькая Валечка выпала з нежывых ужо матчыных рук і засталася ляжаць нерухомай купінай. Заварушылася толькі Вера. Ёй бы стаіцца, прыкінуцца забітай, патрываць, пакуль забойцы пойдучь далей. Але, відаць, пякучы боль моцна даймаў, і яна застагнала, спрабуючы прыўзняцца. Гэта заўважыў адзін з паліцаяў. Падышоў, брыдка вылаяўся, са злосцю тузануў затвор, прыставіў рулю вінтоўкі да галавы і стрэліў у вуха... Для Наталлі скалануўся свет. яна адразу самлела... Ачуняла толькі пад вечар. Скрозь смуродны дым заўважыла кволую постаць дзяўчынкі. Гэта была 10-гадовая Каця Агрыска. У той дзень і яна страціла ўсю сваю сям'ю – бацьку, маці, дзядулю, браціка і дзвюх сястрычак, адной з якіх было тры месяцы...

Яны ўдваіх – Наталля і Каця – сталі сцягваць забітых людзей у вялізную лагчыну. На другі дзень з'явіліся партызаны. Яны і выкапалі адну агульную на ўсіх магілу...

Як вытрымаць, ды яшчэ падлеткам, псіхалагічны ўдар такой жудаснай сілы? Пекла сапраўды апусцілася на зямлю.

Вёску Баканіха, што ў Расонскім раёне, фашысты забівалі двойчы. Першы раз – у лютым сорок трэцяга, знішчыўшы 40 мірных жыхароў. Гэтага душাগубам здалося мала – здратаваная вёска яшчэ жыла. Тады яны вярнуліся глыбокай восенню, калі наваколле засыпаў снег. Ачапілі вёску і ў першы дзень расстралялі 25 чалавек. А на наступны – сагналі астатніх людзей у самую прасторную хату і падпалілі яе. Агонь хутка паглынаў страху, сцены, у густым дыме вяскоўцы пачалі задыхацца, стала сыпацца з іскрамі столь, і тады мужчыны, з усёй адчайнай сілай упёршыся ў прасценак, пахіснулі і праламалі яго. Імпэтна затахкалі нямецкія кулямёты. Пашанцавала старому ўжо Ахрэму Жыгачову. Ён паспеў кульнуцца ў сумёт, засыпаўшы сябе снегам. А многіх дасталі кулі...

Перачакаўшы, дзед Ахрэм вылез толькі тады, калі немцы з п'яным шумам ад'ехалі і спапялёную вёску накрыла жахлівым крылом мёртвая цішыня. З абгарэлымі тварам і галавой, выставіўшы перад сабой чорныя рукі, пайшоў насустрач злой завеі, якая скавытала і стагнала, кідалася драпежнай птушкай у грудзі, збівала з ног, апякала скуру лютым холадам... Раз-праз спыняўся, падымаў апухлымі нязграбнымі пальцамі заплыўшыя павекі, каб паглядзець, куды ідзе... А куды ісці, не ведаў. Дзе ратавацца ад двухногіх звяроў? І не адразу, але зразумеў, што іншага выйсця, як вяртацца ў родную вёску, у яго няма. Там сярод згарэўшых хат ён можа ўсё ж знайсці нейкую схованку. Ды і немцы, разважаў стары, болей не прыедуць.

У спаленым гумне, дзе да вайны людзі сушылі зерне, забраўся ў ацалелую глінабітную печку. Колькі дзён і начэй праляжаў тут, то губляючы прытомнасць, то вяртаючыся да яе, нібы выплываючы з глыбокага калодзежа і зноў апускаючыся ў яго чорнае прадонне. А аднойчы пачуў чалавечыя галасы. Адзін пазнаў адразу – гэта была дачка... А потым яго доўга і ўпарта лячыла алеем і рознымі зёлкамі родная сястра.

Да вайны вёска Баканіха стаяла на маляўнічай паляне пасярод спрадвечнага баравога гушчару. І была тут сорок адна сядзіба. Пасля вайны адбудаваў сваю на ўзгорачку адзін толькі дзед Ахрэм. На прапанову пераехаць цвёрда адказваў:

– Тут нарадзіўся, тут і дажыву сваё...

Не стала дзеда Ахрэма – і вёску знялі з дзяржаўнага ўліку.

Дрэва памяці

Да вайны ў вёсцы Зоры Лёзненскага раёна шмат было Стралковых – бацькоў і дзяцей, братоў і сясцёр – родных і стрыечных, дзядзькоў, цётак, пляменнікаў... Жылі дружна, у згодзе, ды і месца для паселішча продкі выбралі адмысловае – сярод лясоў, на маляўнічым беразе хуткаплынай рачулки. Але грывнула грозная навала вайны, фашысты тройчы забівалі вёску, палілі і дапальвалі ў сорок другім, і ў сорок трэцім... 3 мужчын загінулі ўсе – хто на фронце, хто ў партызанах, хто згарэў жывым у агні... Байна з каранямі вырвала радавое дрэва... Засталася жывой толькі 20-гадовая Марыя Стралкова. І калі збіралася браць з каханым юнаком шлюб, то зрабіла так, як падказала памяць сэрца, – захавала дзявочае прозвішча. Муж прыняў яе боль.

За гады акупацыі гітлераўцы спалілі і разбурылі на Беларусі 9200 вёсак, 186 з попелу не адрадыліся, з іх 109 – у нас, на Віцебшчыне [3]. Пасля карных экспедыцый цэлыя раёны ператвараліся ў пустыню, вынішчаліся дашчэнту.

У Суражскім раёне з 346 вёсак засталася толькі пяць.

Асвейшчыну фашысты спалілі поўнасцю, людзей знішчылі або вывезлі ў Германію.

У 1972 годзе нашу рэспубліку наведаў вядомы амерыканскі журналіст Майкл Давыдаў. Ад таго, што ён тут пачуў і даведаўся, яму масцітаму публіцысту, стала не па сабе. Свае ўражанні выклаў у інтэрв'ю газеце «Літаратурная Россия»: «Цяжка адчуць поўнасцю глыбіню пакут другога, калі сам не зазнаў бязмежнасць трагедыі. Я прыйшоў да высновы, што дадзеныя аб цяжкіх вытрабаваннях Беларусі выходзяць за межы маёй здольнасці спасцігнуць і ўсвядоміць трагічнае. Чацвёртая частка яе насельніцтва забіта, 80 працэнтаў тэрыторыі ператворана ў попел. Як уявіць такое? Гэта было б падобна да цяжка ўявімай карцыны: больш за 50 мільёнаў амерыканцаў забіта і ўся наша краіна разбурана, за выключэннем яе ўсходняга ўзбярэжжа».

Нам, беларусам, уяўляць такое не трэба. У нас гэта было. І цяпер святы наш клопат – не забыць, помніць.

Філасафы сцвярджаюць, што час і прастора бязмежныя. Дык, пэўна, усе тыя, што адышлі ад нас, не зніклі, як попел на вятры, а апынуліся ў нейкім таямнічым вымярэнні, недаступным нашаму разуменню. І адтуль, з гэтых загадкавых і высокіх сфер, яны, трэба думаць, уважліва і пільна сочаць за намі, толькі не могуць падаць нам ніякага знаку, і ім, вядома, крыўдна і балюча будзе назіраць, калі мы станем спакваля забываць і пра іх саміх, і пра іх пакуты, і пра тое, што гэта ім, прыняўшым такі цяжкі крыж, абавязаны мы жыццём на роднай зямлі...

ЛІТАРАТУРА

1. *Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945*. Энцыклапедыя. – Мн., 1990.
2. *Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года)*. – Мн., 1947.
3. *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі*. Віцебская вобласць. – Мн., 1985.

S U M M A R Y

The factual material collected in various areas of Vitebsk region investigate ominous practice of criminal genocide which was carried out during the Great Patriotic War by Hitler's invaders against Belarusian people, severely exterminating peace inhabitants and committing to the flames cities and villages.

Поступила в редакцию 26.03.2004

Ценностно-мотивационные детерминанты получения второго высшего образования

В советское время получить второе высшее образование было делом довольно сложным и затруднительным. Его могли получить лишь немногие. Оно считалось большой редкостью. Ведь образование (как среднее, так и высшее) было бесплатным, и общество не желало тратить государственные средства на второе высшее. Специалист с высшим образованием мог только повысить свою квалификацию. Именно на это и была в основном нацелена переподготовка кадров. Таким образом, получалось так, что, поступая в вуз, человек выбирал себе специальность на всю жизнь.

В нынешних трансформационных условиях рыночные отношения существенным образом меняют мотивацию деятельности белорусской интеллигенции, значительная часть которой стремится быть востребованной современной экономикой. Многим приходится начинать свою жизнь почти «с чистого листа», расставаться с ранее полученной специальностью, осваивать новые для себя социально-экономические роли.

В этой связи в последнее десятилетие приобретение второго высшего образования получило широкое распространение и популярность. То, что в недавнем прошлом было большой редкостью, стало массовым явлением. За студенческую скамью вновь сели люди (в том числе и «новые белорусы»), решившие получить второе высшее, чтобы достичь более высокого социального статуса и иметь, соответственно, приличное материальное обеспечение.

Таким образом, трансформационные процессы, происходящие в нашем обществе, привели к тому, что само высшее образование все больше и больше стало развиваться по законам рынка, о чем свидетельствует создание различных негосударственных (коммерческих) образовательных учреждений и оказание разнообразных платных услуг в государственных вузах. Очевидно, что «второе высшее» становится наиболее интересным и перспективным направлением белорусского рынка образования.

Для того, чтобы уяснить феномен «второго высшего», следует проанализировать те факторы, которые повлияли на ценностную мотивацию взрослых людей, имеющих высокий образовательный уровень, и которые вынудили их продолжить образование. Подобная постановка проблемы предполагает теоретическое осмысление понятия «мотива», трактуемого в научной литературе неоднозначно [1–3].

Под мотивом чаще всего понимается то, что побуждает человека к деятельности, ради чего она совершается. Мотивы обозначают многообразные состояния, вызывающие активность субъекта. Они влияют на предпочтение и реализацию индивидом тех или иных потребностей, интересов, убеждений, идеалов. Поскольку потребности первичны по отношению к другим детерминантам, определяющим поведение индивида, то мотив следует определять как отраженное в его сознании противоречие между тем, что есть в окружающем мире, и тем, в чем он нуждается.

Иными словами, в мотиве, как и в потребности, но уже на уровне осознания, фиксируется противоречие между тем, что есть и в чем нуждается субъект. В процессе осмысления этого противоречия мотивационная деятельность индивида приобретает определенную значимость и вне ее утрачивает всякий смысл, а, следовательно, и ценность.

Любая человеческая деятельность является полимотивированной, то есть «обслуживается» разными по содержанию и содержательной силе мотивами, образующими стройную иерархию в ценностных ориентациях самой личности. И чем больше иерархизирована система мотивов, тем более цельной она является. Знание ценностно-мотивационных детерминант позволяет дать ответы на вопросы: *Почему выбран именно этот вариант поведения субъекта?; В чем его смысл для данного индивида?; На что направлена его активность?; Какой уровень и вид потребностей удовлетворяется?*

Таким образом, мотивация, побуждения к совершению тех или иных общественно полезных действий и поступков представляют собой сложный социально-психологический акт, требующий анализа и оценки, альтернатив, выбора и принятия решений. Выявлению ценностно-мотивационных детерминант у желающих продолжить образование и было подчинено социологическое исследование, проведенное в Институте повышения квалификации и переподготовки кадров Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. В нем приняли участие студенты, получающие второе высшее образование по специальности «Правоведение».

Всего было опрошено 170 респондентов. Исследование основывалось на применении метода включенного наблюдения как незаменимого источника информации, анализа документов и анкетного опроса на основе сплошной выборки ($n = 248$). Обработка социологической информации проводилась с использованием универсальной программы SPSS.

Демографическая характеристика респондентов такова: 53% – это представители мужского пола, 47% составили женскую половину.

Возрастные параметры опрошенных следующие: среди респондентов преобладают лица в возрасте от 24 до 30 лет (63%), то есть именно молодые люди наиболее остро ощущают инновации, происходящие в нашем обществе и видят острую необходимость в максимальной адаптации к новым рыночным отношениям через получение такой специальности, которая позволила бы им быть общественно востребованными. Достаточно хорошо представляет важность изменения своего социального статуса в обществе и вторая возрастная группа – от 30 до 42 лет (37%).

Социальное положение респондентов (в %) обозначено в таблице 1, из которой видно, что треть обучающихся – это студенты старших курсов витебских вузов, стремящиеся параллельно с основной получить вторую специальность. Главная задача для них – максимально использовать время учебы в вузе, чтобы после его окончания как можно быстрее использовать социальные возможности и реализовать собственные способности и полученные знания. Одна треть респондентов затруднилась определить свое социальное положение, что обозначено индикатором «иное».

Таблица 1

Ваше социальное положение:

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Рабочий	5
2. Военнослужащий	11
3. Студент	33
4. Служащий	10
5. Предприниматель	6
6. Иное	35

Одновременно выяснилось и первое высшее образование респондентов. Результаты опроса (в %) представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ваше первое высшее образование:

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Сельскохозяйственное	6
2. Техническое	6
3. Гуманитарное	13
4. Педагогическое	40
5. Экономическое	35

Анализ таблицы 2 свидетельствует о том, что среди респондентов, как и в предыдущем нашем мониторинге, доминируют лица с педагогическим образованием. Причем наблюдается тенденция роста представителей этой специальности среди других профессий. К примеру, если в 2003 году этот показатель составлял 35% [4], то в 2004 году – уже 40%.

Подобная ситуация находит свое объяснение. Дело в том, что в настоящее время уже ощущается приближение демографического кризиса, одной из сторон которого является резкое сокращение рождаемости в Республике Беларусь. Безусловно, данная ситуация непосредственно затрагивает общеобразовательную школу. Уже сейчас наблюдается сокращение учеников в сельских школах, многие из которых оказались закрытыми или реорганизованы (средняя школа стала базовой, а базовые, в свою очередь, превратились в начальные). К сожалению, аналогичные процессы охватили и городскую систему образования.

В перспективе демографическая ситуация будет еще более сложной, что, естественно, обострит конкуренцию на педагогическом поприще. Именно во многом последний феномен вынуждает довольно значительную часть респондентов с педагогическим образованием приобретать вторую общественно востребованную специальность.

Вторую позицию в таблице 2 занимают респонденты с экономическим образованием (35%), которые также решили получить вторую специальность. Это и понятно. Ведь современные экономические отношения сложны, динамичны и многофункциональны. И чтобы в них хорошо ориентироваться, необходимо владеть всесторонними, интегративными знаниями. В нашем случае таковыми выступают правовые знания (налоговый кодекс, кодекс о труде, торговый кодекс), отражающие, прежде всего, экономические изменения, происходящие в нашем обществе.

Для рассмотрения динамики мотивации респондентов в получении второго высшего образования мы предложили им ответить на следующий вопрос: «Какими мотивами Вы руководствовались при получении первого высшего образования? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 3.

Материал, представленный в данной таблице, говорит о том, что абсолютное большинство респондентов при выборе первой профессии поступали самостоятельно. Они руководствовались собственным рационалистическим видением жизни. Причем в системе их мотивов первое место занимает такой социально значимый показатель, как «стремление стать образованным, культурным человеком» (на это указала половина опрошенных). Кстати, точно такой же результат был получен в наших предыдущих исследованиях [5], что говорит об объективности ответов респондентов. Не менее значимым для респондентов был индикатор «стремление получить любимую специаль-

ность», который высветил их целенаправленность в выборе профессии. Его отметили 45% опрошенных.

В искренности ответов респондентов мы не сомневаемся, поскольку 60% из них после получения высшего образования работают по избранной специальности (таблица 4).

Таблица 3

Какими мотивами Вы руководствовались при получении первого высшего образования?

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Стремление получить любимую специальность	45
2. Главное – получить диплом о высшем образовании, а работать можно и не по специальности	25
3. Реализация своего жизненного призвания	25
4. Стремление стать образованным, культурным человеком	50
5. Поступал, чтобы не служить в армии	16

Таблица 4

После получения первого высшего образования работали ли (или работаю) Вы по избранной специальности?

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Да, работал	20
2. Да, работаю и по настоящее время	60
3. Нет	20

Для выяснения основных мотивов респондентов в получении второго высшего образования мы попросили их ответить на следующий вопрос. «Что побудило Вас к получению второй специальности (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в%) в порядке убывания представлены в таблице 5.

Проанализируем предложенные варианты мотивов. Оказалось, что самыми важными факторами, мотивирующими желание продолжить образование, абсолютное большинство респондентов назвало нехватку конкретных знаний, стремление разбираться в экономических вопросах и принимать грамотные решения. В отличие от студентов, значительная часть которых получает первое высшее образование ради диплома [5, с. 90–102], приобретающие второе образование признают, что для них важнее именно его содержательная сторона, то есть получение современных знаний, способствующих повышению духовного, социально значимого уровня личности. По сути дела опрошенные признают, что их прежние знания устарели, не соответствуют изменившимся социально-экономическим требованиям, поэтому они решили продолжить образование.

Признание студентами приоритетности содержания образования при получении второго высшего над его формальной стороной актуализирует преподавательскую деятельность, позволяет глубже понять ее необходимость и важность в реформировании экономических отношений. Это, в свою очередь, налагает большую ответственность на образовательные структуры, призванные удовлетворять столь высокие образовательные потребности.

Таблица 5

Что побудило Вас к получению новой специальности?

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Нехватка конкретных знаний, стремление хорошо разбираться в экономических вопросах и принимать самостоятельные решения	83
2. Второе высшее образование необходимо для того, чтобы сделать карьеру	68
3. Получив диплом по новой специальности, рассчитываю занять более значимую должность и иметь более высокую зарплату	53
4. В настоящее время работаю не по той специальности, по которой получено первое высшее образование и для того, чтобы «закрепиться» в должности в условиях конкуренции, необходим диплом по новой специальности	43
5. Первая специальность не пользуется спросом в современной рыночной экономике	26
6. Решил продолжить образование, поскольку прежние знания устарели, не соответствуют изменившимся социально-экономическим условиям	21
7. Ныне молодежь имеет преимущества на рынке труда. Я бы не хотел уступать более молодым в условиях конкуренции и готов для этого продолжить образование	11

Причем следует признать, что опрошенные (без каких-либо внешних пропагандистских воздействий) сами осознали необходимость получения новых знаний. Идеологическая регламентация утратила актуальность и значимость для тех, кто закончил вузы в последние годы, имеют об этом весьма смутное, иногда деформированное представление, поскольку им не пришлось испытывать на себе давление прежней идеологии как в образовательном процессе, так и в самой жизни.

Не менее важным моментом в побуждениях респондентов в приобретении второго высшего образования является прагматическая, утилитарная компонента. Именно ее они попытаются реализовать после получения новой специальности.

Содержание этого мотива конкретизируется третьим по важности индикатором: «получив диплом по новой специальности, рассчитываю занять более значимую должность и иметь более высокую зарплату». Ответы показывают, что для большинства наших респондентов не чужд прагматизм и утилитаризм в выборе собственного поведенческого пути, что совершенно естественно в условиях рыночных реформ.

Довольно большое количество респондентов мотивирует свою учебу в ИПК и ПК стремлением удержаться в занимаемой ими должности, которая не соответствует их первой специальности. На это указало 43% опрошенных. Почти одна треть респондентов отметила, что их прежняя профессия не пользуется спросом в современной рыночной экономике.

В целом, результаты нашего социологического мониторинга свидетельствуют о том, что не только соображения выгоды и пользы составляют мотивацию людей, решивших получить второе высшее образование, не только расчет на повышение заработной платы и на возможность занять более высокую должность, но и чисто познавательный, социально значимый интерес, что говорит о понимании ими самоценности образования и его актуальности для развития личности. Происходит дальнейшее развитие самих мотивирующих

факторов, которые постоянно наполняются более содержательным и общественно необходимым смыслом, отражая сегодняшние реалии.

Нам было интересно узнать, по чьей инициативе наши респонденты поступили учиться во второй раз. Мнения опрошенных (в%) представлены в таблице 6.

Таблица 6

По чьей инициативе Вы поступили учиться во второй раз?

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Сделал этот шаг по собственной инициативе	90
2. Предложило начальство на работе	-
3. «Жизнь вынудила»	10

Цифровой материал данной таблицы свидетельствует о том, что абсолютное большинство респондентов учатся во второй раз по собственной инициативе. Это лишний раз подтверждает наши предыдущие выводы: студенты осознанно и целенаправленно выбрали новую профессию. Любопытно, что предложенный нами вариант ответа «Жизнь вынудила» отметили только 10% опрошенных. Данный показатель обозначает спокойное, взвешанное отношение молодых людей (в отличие от лиц более пожилого возраста) к происходящим событиям в нашем обществе. Они воспринимают их как данность, как отношение к тому, что может быть в перспективе.

Мы заинтересовались, как изменилось отношение тех 37% респондентов к получению образования в настоящее время в сравнении с тем, когда они первый раз были студентами в молодом возрасте. Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 7.

Таблица 7

Как изменилось Ваше отношение к получению образования в настоящее время в сравнении с тем, когда Вы были студентами в более молодом возрасте?

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Мое отношение к учебе никак не изменилось	23
2. Раньше я не вполне понимал, зачем мне это нужно	16
3. Сейчас потребности в знаниях диктуются практикой, что заставляет по-новому взглянуть на учебу	61

Любопытно, что 23% считают, что их отношение к учебе никак не изменилось. Самый высокий рейтинг имеет третий индикатор данной таблицы. Теперь потребности в знаниях диктуются практикой. Логично предположить, что у более молодых людей отношение к учебе не претерпело существенных изменений, а те, кто довольно давно получил свой первый диплом, отмечает произошедшие изменения.

Мы решили выяснить мнение студентов и по такому вопросу: «Какие трудности наиболее существенны для Вас при получении второго высшего образования?» (возможно несколько вариантов ответа). Полученные результаты (в %) представлены в таблице 8.

* Мы не экстраполируем приведенный цифровой материал на весь массив опрошенных, а лишь обозначаем проблему.

Таблица 8

**Какие трудности наиболее существенны для Вас
при получении второго высшего образования?**

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Не остается времени на отдых и хобби	51,6
2. Устаю на работе, а учеба добавляет усталость	61,6
3. Страдает семья, не хватает времени для воспитания детей	13,3
4. Приходится отрывать время от работы, хуже выполняю свои служебные обязанности	41,6
5. Реже встречаюсь с друзьями	11,6

Очевидно, сочетать в условиях конкуренции ответственную работу и учебу, семейные обязанности, совмещать многие социальные и экономические роли – безусловно, тяжелый труд, требующий значительных затрат жизненных сил. Вполне понятно, что абсолютное большинство продолжающих «вкушать плоды просвещения», признались об усталости на работе, которую добавляет учеба, нехватке времени на отдых и занятие любимым увлечением. Почти 42% опрошенных самокритично заметили, что им приходится отрывать время от работы, в силу чего они хуже выполняют обязанности на работе. В целом, проведенные социологические замеры подтверждают наше впечатление о том, что многие наши респонденты – активные, волевые, энергичные люди, оптимистично настроенные, умеющие преодолевать трудности, одна треть из которых, закончившая первое высшее образование, параллельно приобретает второе (таблица 9).

Таблица 9

**Приобретая второе высшее образование, закончили ли Вы
в настоящее время учиться в вузе?**

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Да	70
2. Нет	30

По ходу социологических замеров респондентам задавался и такой вопрос: «После получения второго высшего образования будете ли Вы работать (или уже работаете) по приобретенной новой специальности?» Мнения опрошенных (в%) представлены в таблице 10.

Таблица 10

**После получения второго высшего образования будете ли Вы работать
(или уже работаете) по приобретенной новой специальности?**

Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Да	55
2. Я уже работаю	35
3. Нет	—
4. Затрудняюсь ответить	10

Очевидно, что мотивация получения второй профессии носит ценностный характер, поскольку больше половины опрошенных намерены в будущем работать по новой специальности. Если провести сравнительный анализ между студента-

ми, получающими первое высшее образование и приобретающими второе высшее, то у последних показатели выглядят предпочтительнее [5, с. 95]. Большинство наших респондентов – это люди, определившиеся в рыночной экономике, чувствующие реальную почву под ногами. Проведенные социологические замеры убедительно показывают, что они осознанно сделали свой выбор и считают его правильным, несмотря на существующие трудности совмещения учебы, работы и семейных обязанностей.

В ходе опроса выяснилась и нравственно-гражданская позиция респондентов. Им был задан и соответствующий вопрос: «Как Вы считаете, позволит ли получение второй специальности работать Вам на процветание Республики Беларусь с полной отдачей?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 11.

Таблица 11

Как Вы считаете, позволит ли получение второй специальности работать Вам на процветание Республики Беларусь с полной отдачей?	
Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Определенно да	50
2. Скорее нет, чем да	5
3. Однозначно нет	5
4. Затрудняюсь ответить	40

Лишь половина опрошенных считает, что осознанно выбранная профессия позволит им работать с полной отдачей на процветание Республики Беларусь. И удивляться здесь нечему. Колебания респондентов во многом обусловлены постперестроичными причинами. Именно в этот период гражданско-патриотические ценности студенческой молодежи выпали из поля зрения субъектов воспитательного процесса. Патриотическая социализация подрастающего поколения была предана забвению.

Нет смысла анализировать подобный «феномен», поскольку он достаточно основательно рассмотрен в наших предыдущих исследованиях [6]. По ходу рассуждения заметим, что проблемам гражданственности слушателей организаторами учебного процесса в ИПК и ПК УО «ВГУ им. П.М. Машерова» следует уделять более пристальное внимание.

В заключение мониторинга респондентам задавался как бы итоговый вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены преподаванием специальных дисциплин?» Мнения опрошенных (в%) представлены в таблице 12.

Таблица 12

В какой мере Вы удовлетворены преподаванием специальных дисциплин?	
Варианты ответов	На базе высшего образования (второе высшее)
1. Вполне удовлетворен	90
2. Не вполне удовлетворен	5
3. Не удовлетворен	2
4. Затрудняюсь ответить	3

В принципе ответы респондентов лишний раз подтвердили объективность результатов прежнего мониторинга. И прежние, и нынешние социологические замеры высвечивают тот факт, что абсолютное большинство опрошенных удовлетворено преподаванием специальных наук. Мы не конкретизировали детали учебного процесса, так как он достаточно подробно исследован

[4, с. 24–34]. Отметим лишь следующее. Коллективом ИПК и ПК УО «ВГУ им. П.М. Машерова» реализуются необходимые для организации учебы условия: высокий профессиональный потенциал преподавателей, предполагающий соответствующий уровень научной компетентности; владение образовательными технологиями обучения студентов; развитие активных форм обучения через внедрение в учебный процесс современных информационных технологий. Важным условием является также хороший нравственно-психологический климат в коллективе ИПК и ПК.

В заключение сделаем краткие выводы. Большинство респондентов – это состоявшиеся личности, которые обладают добротным высшим образованием, независимым мышлением, имеют широкий кругозор, ярко выраженную ценностно-мотивационную составляющую, не следуют устоявшимся стереотипам, готовы к самостоятельным решениям и способны преодолевать трудности.

Проведенный социологический мониторинг убедительно показывает осмысленность респондентов в своей профессиональной деятельности, которые считают выбор новой специальности правильным. На наш взгляд, они способны выступать в качестве экспертов оценки перспектив развития второго высшего образования. В целом большинство студентов положительно оценивает развитие последнего.

Думается, что тенденция увеличения потребностей получения второго высшего образования будет сохраняться и даже возрастать.

В настоящее время меняется сама парадигма образования, в связи с чем особую роль приобретают новые информационно-педагогические технологии, факторы коммуникабельности и толерантности. Поэтому уже сегодня необходимо понимание того, что «второе высшее» призвано стать не просто еще одним высшим образованием, целью которого является формальная сторона – получение второго диплома по новой профессии, но оно должно представлять собой качественно иной, более прогрессивный уровень образования. А это, в свою очередь, предъявляет более высокие требования ко всем образовательным структурам высшей школы Республики Беларусь, к совершенствованию традиции фундаментального уровня образования и его ярко выраженной практически значимой социальной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ильин Е.П.** Сущность и структура мотива // Психологический журнал, 1998, № 3. – С. 45–56.
2. **Орлов А.Б.** Развитие теоретических схем и понятийных систем в психологии мотивации // Вопросы психологии, 1999, № 5. – С. 27–34.
3. **Бодров В.А., Ложкин Г.В., Плющ А.Н.** Нелинейная модель мотивационной сферы личности // Психологический журнал, 2001, т. 22, № 2. – С. 92.
4. **Русецкий Ю.А., Гащенко Л.А.** Повышение квалификации и переподготовки специалистов как важнейший фактор их социализации // Веснік ВДУ, 2003, № 3(77). – С. 28.
5. **Гащенко Л.А.** Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества. – Витебск, 2003. – С. 93.
6. **Русецкий А.В., Гащенко Л.А.** Патриотические ценности Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска): Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни. – Витебск, 2002. – С. 57–135.

S U M M A R Y

The article deals with the investigations of the motives of getting the second higher education.

Поступила в редакцию 23.03.2004

І.Б. Канапацкі

Становішча татарару ў БССР у 20–30-я гады XX стагоддзя

Пасля заканчэння Першай сусветнай вайны беларускія (літоўскія) татары апынуліся ў складзе трох суверэнных дзяржаў – Польшчы, Летувы і БССР. У БССР знаходзілася амаль 4-тысячная татарская этнічная супольнасць – 3777 чалавек. З іх 558 чалавек (ці 14,9% ад усёй колькасці татарару і 0,01% усяго сельскага насельніцтва рэспублікі) былі вясцоўцамі. 3129 татарару (адпаведна 85,1% і 0,38%) былі гараджанамі [1]. Перад вайной у сталіцы БССР г. Мінску жылі 1146 татар. Паводле перапісу насельніцтва 1923 г. – 1.045 (г.зн. іх колькасць зменшылася на 101 асобу). Мужчын было 474, жанчын – 571. Колькасць жанчын нават павялічылася, але вельмі значна зменшылася колькасць мужчын. Абставіны ваеннага часу адыгралі тут, безумоўна, пэўную ролю [2]. Паводле наступнага перапісу, праведзенага ў 1926 г., татарскае насельніцтва ў горадзе складала 1283 чалавекі, г.зн. за тры гады ўзрасло на 243 асобы [3].

Становішча татарару ў БССР было складаным і супярэчлівым. У 1920-я гады дзяржаўнымі органамі Беларускай ССР рабіліся спробы нацыянальнага будаўніцтва сярод нацменшасцей краіны. Толькі ў канцы дваццатых гадоў гэтыя мерапрыемствы закранулі і беларускіх татар. Прамых сведчанняў стварэння ўстаноў народнай асветы з навучаннем на татарскай мове на тэрыторыі БССР даследчыкамі не выяўлена. Але разам з тым атрыманы ўскосныя сведчання пра арганізацыю (ці першыя крокі на шляху да такой) татарскага школьніцтва. Так, у беларускай польскамоўнай газеце «Орка» за 21 студзеня 1928 г. сярод апублікаваных фотаматэрыялаў, што адлюстроўвалі рэаліі тагачаснага развіцця рэспублікі, выяўлены фотаздымак з надпісам «Дзеці ў татарскай школе». Менавіта ў той час была зроблена спроба арганізаваць першасныя структуры гэтай школы: пачатковыя класы, групы па ліквідацыі непісьменнасці. Татарскімі, між іншым, яны маглі быць не толькі ў сэнсе камплектавання. Увогуле ж пытанне аб мажлівай арганізацыі першасных структур татарскага школьніцтва ў Мінску патрабуе больш глыбокага вывучэння. Вядома, напрыклад, што татарам у Мінску пасля рэвалюцыі 1917 г. па вул. Вызвалення была перададзена сямігадовая школа № 26, якая мела афіцыйную назву «Татарская», але пад час нямецкай акупацыі яна была ў іх адабраная. Аб неабходнасці вяртання яе мінскім татарам пісаў у лісце да Нацкамісіі пры Цэнтральным Выканаўчым Камітэце БССР адзін з лідэраў беларускіх татар у Мінску Ях'я Хасанавіч Гембіцкі [4].

Вясной 1928 г. у Татарскай Слабадзе (іншая тагачасная неафіцыйная назва – Татарскі раён) г. Мінска была адчынена татарская хата-чытальня. На адным архіўным фотаздымку, датаваным чэрвенем 1929 г., шыльда на мінскай хата-чытальні мела беларускі і татарскамоўны надпісы. Апошні быў выкананы татарскім пісьмом [5]. В. Вольскі ў артыкуле «Культурная работа среди татар», змешчаным у газеце «Рабочий», паведамляў, што ўжо больш за два

месяцы працуе ў Мінску першая ў БССР татарская хата-чытальня. Неабходнасць яе арганізацыі адчувалася ўжо даўно, таму што да гэтай пары сярод татарскага насельніцтва Мінска не вялося ніякай культурнай і палітыка-асветніцкай работы. Агульны сход татарскага насельніцтва, які папярэднічаў адкрыццю хаты-чытальні здзівіў сваёй шматлікасцю: невялікае памяшканне па Вялікай Татарскай вуліцы не змагло змясціць усіх прысутных. На гэтым жа сходзе быў абраны Савет хаты-чытальні з 7 чалавек, з іх 5 членаў КП(б)Б і КСМ, і вызначаны план работы на бліжэйшы час. Пры чытальні працуюць гурткі па вывучэнні татарскай мовы і палітычны. Плануецца арганізаваць гурток «Бязбожнік» і лікбез. На днях выйдзе першы нумар газеты «Татарскае слова». Рэдакцыяй збіраюцца матэрыялы па асвятленні жыцця і быту татарскага насельніцтва і работы хаты-чытальні. Для папаўнення яе фонду з Кніжнай палаты было ўзята каля 60 выданняў на цюрка-татарскіх мовах, а з Пушкінскай бібліятэкі – каля 200 рускіх і беларускіх кніг. Выпісваюцца татарскія, рускія і беларускія газеты і часопісы. Характэрна, што, акрамя татар, хату-чытальню наведвае і навакольнае яўрэйскае насельніцтва, асабліва моладзь. У сувязі з гэтым Савет хаты-чытальні прыняў рашэнне выпісаць дадаткова шэраг яўрэйскіх газет і часопісаў. 12 снежня 1928 г. дацэнтам В.А. Сербента была прачытана лекцыя «Імперыялізм і рэвалюцыйны рух на Усходзе». У далейшым плануецца перыядычнае чытанне лекцый. Татарскую хату-чытальню чакае велізарная праца, тым больш, што з 1283 мінскіх татар налічваецца каля 40 адсоткаў непісьменных. Асноўная работа хаты-чытальні павінна ісці па лініі барацьбы з непісьменнасцю і рэлігіяй. Была пастаўлена сур'ёзная і важная задача – вызваленне татарскага насельніцтва з-пад уплыву мячэці» [4, 97, 8].

Але проціпастаўленне гэтай формы тагачаснага нацыянальнага будаўніцтва мячэцям як традыцыйным асяродкам захавання этнакультурнай спецыфікі татар не дало станоўчых вынікаў. Пры фармальнай вонкава-нацыянальнай аформленасці працэсу вялікая беларусізаванасць татараў была, відаць, прычынай непрацяглага існавання мінскай хаты-чытальні як нацыянальнай культурна-асветнай установы. 8 снежня 1928 г. Мінская акруговая нацыянальная камісія, заслухаўшы справаздачу аб рабоце татарскай хаты-чытальні, адзначала «слабы тэмп разгортвання палітыка-масавай работы сярод татарскага і ваколічнага насельніцтва іншых нацыянальнасцей, у прыватнасці, зусім не праведзена работа ў напрамку асвятлення пытанняў нацыянальнай палітыкі і інтэрнацыянальнага выхавання», канстатавала «нацыянальна-шавіністычныя настроі класава-чужых элементаў у савеце хаты-чытальні», указала, што «мэта хаты-чытальні – абслугоўваць разам з татарскім працоўным насельніцтвам і акраіннае жыхарства іншых нацыянальнасцей таго ж раёну, узяць напрамак на асвятленне палітыкі партыі і Саветскай улады ў нацыянальным пытанні, інтэрнацыянальнае выхаванне мас, папоўніць хату-чытальню літаратурай на іншых нацыянальных мовах, у прыватнасці на яўрэйскай і польскай» [4, 94, 2-3].

У канцы 1929 г. татарская хата-чытальня была пераўтворана ў раённую, г.зн. была пазбаўлена нацыянальнага статуса. Не былі таксама рэалізаваны прапановы Белдзяржмузея па стварэнні экспазіцыі, прысвечанай гісторыі і культуры татар Беларусі.

З заняпадам нацыянальна-культурнага будаўніцтва сярод татараў БССР да сярэдзіны 1930-х гадоў адзінай формай нацыянальнага будаўніцтва сярод татараў рэспублікі заставалася нацыянальна-гаспадарчае будаўніцтва. Татарскае насельніцтва БССР, як і іх суайчыннікі ў Заходняй Беларусі, займалася сваімі адвечнымі заняткамі: агародніцтвам, саматужніцтвам, у гарадах пэўная доля асоб займалася «свабоднымі прафесіямі» ці былі служачымі. Сярод татараў яшчэ ў канцы XIX ст. вылучаліся вайскоўцы, служачыя ў прыват-

ных асоб, земляробы. З даўніх часоў саматужныя промыслы з'яўляліся адным з галоўных заняткаў беларускіх татар. Савецкая ўлада рабіла пэўныя захады для пашырэння розных форм кааперацыі: даваліся крэдыты, змяншаліся падаткі і г. д. Нягледзячы на гэта, стварэнне татарскіх саматужных арцелей затрымлівалася. Уладу непакоіла значная «непралетарская праслойка» сярод татараў.

Я.Х. Гембіцкі, адзін з татарскіх грамадскіх дзеячаў, у лісце, накіраваным у Нацыянальную камісію пры ЦВК БССР 11 ліпеня 1928 г., раіў ураду дапамагчы татарскаму насельніцтву стварыць калектывы саматужнікаў па вырабу скур і аўчын. Гэта мера, на яго думку, павінна была палепшыць сацыяльна-эканамічнае становішча татараў у мястэчках Смілавічы, Узда, Капыль, Смалявічы і г. Мінску [4, 63, 7]. У чарговым лісце, напісаным у Нацыянальную камісію пры ЦВК БССР 5 кастрычніка 1928 г. татарскімі грамадскімі дзеячамі І.А. Міськевічам, І.Х. Мурза-Мурзічам і Я.Х. Гембіцкім, прапаноўвалася ўдзяліць асаблівую ўвагу пашырэнню ведаў па агародніцтве, сававодствам, што вельмі зацікавіла б татараў-агароднікаў. Паведамлялася таксама, што аўтары ліста «для правядзення працы па пераходу татараў-агароднікаў ад культуры гародняй да культуры ягаднай і пладовай атрымалі згоду ад прафесара Бурштэйна і аграномаў-саваодаў тт. Турока і Хабэнко». «Акрамя таго, – гаварылася ў лісце, – мы звязваемся са станцыяй Прыкладной Батанікі ў саўгаспадарцы Лошыца для арганізацыі навуковага кіраўніцтва апрацоўкаю гародаў, тым больш, што і станцыя зацікаўлена ў раз'ясненні «татарскай радысы» [4, 60, 35, 35зв]. Аднак нацыянальныя татарскія кааператывы былі створаны толькі ў пачатку 1930-х гг. у Смілавічах і Мінску [4, 101, 6]. Татарскі калгас у Мінску меў назву «Чырвоны агароднік». Яго старшынёй быў член КП(б)Б Сулейман Хасенавіч Джэнаевіч [6]. Сельскагаспадарчыя кааператывы «Чырвоны Профінтэрн» у Смілавічах і «Чырвоны агароднік» у Мінску існавалі на базе традыцыйных заняткаў татар агародніцтвам.

У 1920-я гады дзяржава праводзіла шэраг эканамічных мерапрыемстваў, якія павінны былі палепшыць гаспадарчае становішча нацыянальных меншасцей. Палітыка землеўпарадкавання местачковага яўрэйскага насельніцтва, актыўная прапаганда перасялення на поўдзень Украіны і ў Крым адбіліся і на беларускіх татарах. 21 лютага 1928 г. у ЦВК БССР з заявай звярнуліся прадстаўнікі татарскіх перасяленцаў з г. Мінска і м. Смілавічы Ізмаіл Раецкі і Мустафа Ждановіч. Яны пісалі: «Мы, земледэльцы г. Менска і м. Смиловичи татарской национальности, желаем переселиться в Крымскую Республику на хлебопашество. Считаем себя выходцами из Крыма и желаем переселиться на родину, изучить свой забытый национальный язык... а также желаем организовать исключительно из молодняка молодую коммуну в составе 20 человек. Просим оказать нам помощь в переселении на родину и наделении землей» [4, 63, 33]. З аналагічнай заявай І. Раецкі і М. Ждановіч звярнуліся ў Наркамзем Крыма і Крымскі ЦВК [4, 63, 35]. Наркамзем БССР, у сваю чаргу, 3 сакавіка 1928 г. звярнуўся з запытам «По вопросу о переселении татарского населения в Крымскую ССР» у Наркамзем Крыма. У ім паведамлялася, што «ввиду поступающих у НКЗБ ходатайств от татар (бывших выходцев из Крыма) с просьбой предоставить им право переселения в пределы Крымской ССР с целью заняться сельским хозяйством и учитывая неблагоприятно сложившуюся для них в БССР экономическую обстановку (так как в массе татары занимались, главным образом, кустарным промыслом и мелко-промышленным огородничеством), НКЗБ считает постановку вопроса самим татарским населением о переселении в Крымскую ССР правильным и просит сообщить Ваши соображения по этому вопросу, а также и сведения, необходимые для построения практической программы работ по переселению из БССР татарского населения, желающего переселиться» [4, 63, 32].

10 красавіка 1928 г. сакратар Крымскага ЦВК Мусаніф у лісце прадстаўнікам груп татарскіх перасяленцаў у Беларусі І. Раецкаму і М. Ждановічу паведамляў, што «Крым. ЦИК, в принципе, не возражает против Вашего переселения в Крым при условии, если Наркомзем Белорусской ССР возьмет на себя расходы по Вашему переселению в Крым и водворению Вас на месте. Какой-либо помощи на строительство или на предметы сельскохозяйственного обихода Крым. ЦИКом Вам не может быть оказано из-за отсутствия средств» [4, 63, 31]. Таксама і Наркамзем Крымскай ССР у лісце Наркамзему БССР ад 28 красавіка 1928 г. паведамляў, што «переселение в Крым 20 семейств татар может состояться при условиях, предложенных Крым. ЦИКом Наркомзему БССР, т.е. если последний возьмет на себя все расходы, связанные с переселением указанных 20 семейств в Крым, также с возведением им построек, устройством колодца и снабжением расселенцев сельхозинвентарем на месте водворения. Что же касается предоставления участка для дополнительного переселения 100–150 душ согласно вашего отношения за № 3655, то за отсутствием свободных расселенческих фондов ходатайство Наркомзема не может быть удовлетворено» [4, 63, 44]. Адначасова паведамлялася, што ў адпаведнасці з пастановай ЦВК і СНК СССР ад 18 студзеня 1928 г. перасяленне ў Крым праводзілася Усесаюзным Перасяленцкім Камітэтам у планавым парадку.

3 мая 1928 г. яшчэ 8 сямей татар-гарбароў з г. Мінска і м. Смілавічы падалі заяву ў Нац. камісію пры ЦВК БССР аб дазvole перасялення ў Крым, дзе яны мелі намер працаваць на зямлі. «Желаем переселиться на родину в Крымскую Республику на культурное хозяйство. На переселение на Родину нас толкает как малоземелье, так и забытый свой родной язык». Заяву падпісалі сем'і Алея Канапацкага, Хасеня Канапацкага, Ібрагіма Канапацкага, Мустафы Багдановіча, Асана Александровіча, Мустафы Гембіцкага, Ізмаіла Раецкага, Хасеня Якубоўскага, а таксама маладыя татары з Мінску Мустафа Ждановіч, Мустафа Хасяневіч, Адам Канапацкі і Алей Багдановіч [4, 63, 37].

Нацыянальная камісія ЦВК БССР, заслухаўшы «Хадайначаныя гр-н татар аб перасяленьні іх у Крым на земляробства», задаволіла просьбу 8-мі татарскіх сем'яў, як безземельных, аб перасяленьні ў Крым на земляробства і прасіла «Прэзідыум ЦВК БССР даць распараджэнне Наркамзему аб неабходнасці прыняцця мер да задавальнення гэтых сем'яў у іх хадайнацтве перасяліцца ў Крым на земляробства, адпусціўшы для гэтага сродкі з сум, прызначаных на перасяленьне» [4, 63, 28]. Прэзідыум ЦВК БССР 14 мая 1928 г., разгледзеўшы пастанову Нацыянальнай камісіі ЦВК БССР «Аб задавальненні хадайначання 8 татарскіх сем'яў аб перасяленьні іх у Крым», даручыў Нац. камісіі ЦВК «у планавым парадку вывучыць становішча і патрэбы татарскага насельніцтва, якое пражывае ў БССР і распачаць мерапрыемствы па эканамічным і культурным абслугоўванні татар, а таксама і палепшанні іх быту» [4, 63, 27]. Нац. камісіі было даручана таксама прадугледзець магчымасць надзялення татар зямлёй як у межах Беларусі, так і ў іншых рэспубліках, у тым ліку і ў Крыме [7].

Не палепшыла, а нават ускладніла становішча татар-земляробаў прымушавая калектывізацыя. Яна пагоршыла дабрабыт і асновы іх гаспадарчай дзейнасці. Падчас фарсіраваных сацыяльных пераўтварэнняў шырока праводзілася барацьба супраць так званага нацыяльнага адзінства. Трэба адзначыць, што сярод беларускіх татар амаль што не было вялікай класавай дыферэнцыяцыі. Татары, жывучы сваёй адасобленай абшчынай, былі пасіўныя ў грамадскім жыцці. Сярод дзяцей і моладзі амаль што не было піянераў і камсамольцаў. На пачатак 1930-х гг. сярод татарскай моладзі ў м. Смілавічы налічвалася 3, а ў г. Мінску – 13 камсамольцаў, з 60 школьнікаў у Смілавічах толькі трое з'яўляліся піянерамі [4, 101, 6; 34, 1, 727].

Такім чынам, жыццё татарскай меншасці ў БССР ішло ў напрамку тых сацыяльна-эканамічных, палітыка-грамадскіх змен, якія мелі месца ў краіне. Аналіз прычын непрацяглага існавання шматлікіх формаў нацыянальнага будаўніцтва сярод татар БССР у гэтыя гады паказвае, што яны былі своеасаблівымі прыладамі для разбурэння як жыццёвага ўкладу татарскага насельніцтва Беларусі, так і захавання этнаканфесійнай самабытнасці гэтага народа. Разам з тым намі атрымана своеасаблівае пацвярджэнне вялікай інтэграванасці татараў-мусульман у айчынным кансалідацыйным этнічным працэсы. Аналіз крыніц і дакументаў сведчыць таксама і пра тое, што савецкая ўлада ў БССР зрабіла ўсё для таго, каб змяніць традыцыйны лад жыцця беларускіх татар, а ў выніку гэтага асяродкі захавання этнаканфесійнай спецыфікі гэтага народа былі разбураны. Ужо ў першыя гады савецкай улады былі закрыты мусульманскія школы пры мячэцях. Крыху пазней, змагаючыся з праявамі рэлігійнасці, пачалі таксама закрываць мячэці. У 1936 г. была закрыта мячэць у Мінску. Будынак яе выкарыстоўваўся ў 1936–1941 гг. Беларускай канторай «Гастронам» як харчовая база [4, ф. 952, воп. 1, 17, 224; 18, 245–247]. Лічылася, што прадстаўнікі канфесій процідейнічаюць мерапрыемствам дзяржавы, з'яўляюцца актыўнай контррэвалюцыйнай сілай. Сталін у гутарцы з амерыканскай рабочай дэлегацыяй (верасень 1927 г.) адзначыў, што партыя не павінна быць нейтральнай «у адносінах да рэакцыйнага духавенства, якое атручвае сумленне працоўных мас». Ён выказаў спадзяванне, што антырэлігійная прапаганда з'явіцца тым сродкам, «які павінен давесці да канца справу ліквідацыі рэакцыйнага духавенства» [8]. Антырэлігійная прапаганда на сталінскай мове азначала закрыццё мячэцей і фізічнае вынішчэнне кіраўнікоў мусульманскай канфесіі. Неабгрунтаваныя рэпрэсіі былі пас-таўлены ў цэнтр дзейнасці партыйна-дзяржаўных органаў Беларусі.

У сакавіку 1933 г. у Мінску органамі АДПУ была арыштавана група татарскіх і беларускіх інтэлігентаў, якія абвінавачваліся па сумнавядомых артыкулах 72 і 76 Крымінальнага кодэксу БССР (антысавецкая агітацыя і прапаганда, удзел у контррэвалюцыйных органах). У сфабрыкаваным абвінавачаным заключэнні па справе І.К. Гембіцкага, І.Х. Мурза-Мурзіча, І.Х. Рызвановіча і І.Х. Дашкевіча гаварылася, што «ў сакавіку 1933 г. была ліквідавана контррэвалюцыйная нацыяналістычная татарская групоўка, якой кіраваў былы падпалкоўнік царскай арміі Іван Канстанцінавіч (Ях'я Хасенавіч) Гембіцкі. У склад групоўкі ўваходзілі Ібрагім Халільевіч Мурза-Мурзіч, Хасень Іосіфавіч Рызвановіч, Іосіф Сямёнавіч Дашкевіч, Дзмітрый Іванавіч Даўгяла, Ібрагім Аляксандравіч Мухля. Контррэвалюцыйная татарская групоўка развівала арганізацыйную дзейнасць па стварэнні контррэвалюцыйнай арганізацыі за кошт татарскага рэлігійнага насельніцтва, варожа настроенага супраць Савецкай улады, распаўсюджваючы свой уплыў і на працоўных татар для стварэння контррэвалюцыйнай нацыяналістычнай арганізацыі, якая ставіла сваёй мэтай звяржэнне Савецкай улады і ўстанаўленне рэспубліканска-дэмакратычнага ладу» [6, справа 31371-с, с. 63–69]. І.К. Гембіцкі, І.Х. Мурза-Мурзіч, Х.І. Рызвановіч, І.С. Дашкевіч былі асуджаны на тры гады высылкі ў Казахстан. Там жа, у Казахстане, яны былі паўторна асуджаны да вышэйшай меры пакарання. 10 кастрычніка 1989 г. рашэннем Пракуратуры БССР І.К. Гембіцкі, І.Х. Мурза-Мурзіч, Х.І. Рызвановіч, І.С. Дашкевіч былі рэабілітаваны пасмяротна [6, справа 31371-с, с. 126–129].

ЛІТАРАТУРА

1. *Всесоюзная перепись населения 1926 года*: Белорусская Советская Социалистическая Республика. Т. X. – М., 1928. – С. 9–13.
2. *Цьвяткоў А.* Некалькі слоў аб менскіх татарах // Наш край, 1927, № 6–7. – С. 13.

3. *Гарэцкі Г.І.* Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. // *Полымя*, 1929, № 5. — С. 84–85.
4. *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь*. Фонд 701, вопіс 1, 63, 7, 7 зв.
5. *Каліта А.* Нарысы рабочых акраін // *Чырвоная змена*, 1929, № 136 (805).
6. *Архіў Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі Рэспублікі Беларусь*. Справа 28329-с. — С. 18.
7. *Савецкая Беларусь*, 1928, 5 мая.
8. *Сталин И.* Собр. соч. Т. 10. — М., 1953.

S U M M A R Y

The national building in the 20–30s th didn't improve the state of the tatars in Belarus, as their traditional occupation, culture, right to religious beliefs were not considered.

Поступила в редакцию 10.05.2004

УДК 940.5(430)

О.Г. Субботин

Бавария и рейх: «федеративный конфликт» 1923–1924 гг.

В истории Веймарской республики 1923 г. ассоциируется с периодом серьезных испытаний, поставивших под угрозу единство и целостность немецкого государства. Одним из них стал конфликт Баварии и рейха.

Высокая степень автономии, которая «в своем правовом выражении» намного превосходила качественный уровень взаимоотношений центра с остальными субъектами рейха, являлась признаком особого статуса Баварии в бытность Германской империи [1]. Снискав себе «славу» отчаянного защитника «федеративной идеи», «замешанной» на баварском партикуляризме и скрытой неприязни прусской гегемонии, Мюнхен ревностно относился к любым посягательствам на «собственный суверенитет». Поэтому не было ничего удивительного в том, что с принятием Веймарской конституции, существенно ограничивавшей права немецких земель и предоставлявшей рейху реальные конституционные возможности на пути дальнейшей централизации Германии, отношения между Берлином и Мюнхеном перешли в стадию острых конфликтов. Такие лозунги, как «Федеративный реванш» и «Защита конституционных прав и самобытности немецких земель», на долгие годы стали лейтмотивом деятельности политического руководства Баварии. При этом основные противоречия между центром и регионом затрагивали, по меньшей мере, три сферы: финансовую политику, экономику и «чрезвычайное право» [1, с. 70].

С начала 1923 г. в Баварии наблюдается процесс резкого обострения внутривнутриполитической обстановки. Находившаяся у власти правопоцентристская правительственная коалиция в составе БНП (Баварская народная партия), НННП (Немецкая национальная народная партия), ННП (Немецкая народная партия) и БКС (Баварский крестьянский союз) испытывала постоянное давление со

* В Веймарской республике Берлин выполнял функции двух столиц: рейха и Пруссии. В нашем случае под Берлином подразумевается его федеральный статус.

стороны как левых (СДПГ и КПГ), так и представленных внепарламентскими объединениями правых сил [2]. На территории земли действовали многочисленные организации, не признававшие республиканской системы и руководившиеся национально-консервативными, монархическими и федеративными целями. К числу таковых относились: «Союз Баварии и рейха», Союзы: «Оберланд», «Унтерланд», «Рейхсфлагге», «Викинг», патриотические союзы Мюнхена (под руководством А. Целлера), молодежный немецкий орден «Юнгдо» и др. [2, s. 313–314]. Растущее влияние в регионе (особенно в Мюнхене и сельскохозяйственных районах Баварии) приобретала НСДАП, лидер которой А. Гитлер открыто призывал «покончить с парламентским надувательством» и «установить национальную диктатуру» [3]. В начале 1923 г. ряд вышеперечисленных союзов, включая НСДАП, объединился в «Рабочее сообщество боевых патриотических союзов» на почве «истинного» федерализма, а также неприятия «парламентской системы» и политики правительства Е. фон Книллинга [2, s. 317]. Ситуация обострялась. Росло противостояние «левых» и «правых». 11 мая вследствие спровоцированных в Мюнхене экстремистами первомайских беспорядков и ввиду очевидного политического кризиса в Баварии было издано чрезвычайное постановление. На территории земли устанавливалась предварительная цензура, существенно ограничивалась свобода собраний, предусматривалась регламентация деятельности политических объединений и партий, вплоть до их закрытия [2, s. 321]. К военным преступлениям приравнивалось любое сотрудничество с оккупационными властями. Последнее решение объяснялось активностью сепаратистов в баварском Пфальце.

Мероприятия чрезвычайного порядка оказались своевременными, однако, нормализации общественных отношений так и не последовало. Многие лидеры праворадикалов тесно контактировали с видными политиками и военными, среди которых следует назвать генерала Людендорфа, бывшего главу мюнхенской полиции Пенера, экс-министра юстиции Баварии Рота, а также подполковника Крибеля, обеспечивавшего вместе с Ремом связь с рейхсвером.

В земле начался процесс перехода буржуазной прессы в лагерь партикулярно настроенных патриотических объединений. Так что к сентябрю, отмечает немецкий историк Э.Р. Хубер, противоречия между радикальным и умеренным крылом в стане правых потеряли свою прежнюю остроту; они проявляли все большее единодушие в оценке политического курса правительства Густава Штресемана [2, s. 343]. По словам вюртембергского посланника в Мюнхене К. фон Фильзека, «опасения перед берлинским хаосом неизменно вызывало здесь стремление спасти все то, что еще можно было спасти» [4].

Впрочем, не только внутривнутриполитический курс имперского кабинета порождал общественное недовольство. Внешняя политика Германии также являлась объектом острой критики. Отказ от «пассивного сопротивления» в сентябре 1923 г. был расценен значительной частью общества, и в особенности его националистическими кругами, не иначе как проявление слабости государства, как акт предательства со стороны берлинской правящей элиты. Все отчетливее звучали призывы к смене власти. Так, «Немецкий боевой союз» во главе с А. Гитлером взял курс на ликвидацию «последствий революции» и ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны.

26 сентября в Баварии было издано очередное чрезвычайное распоряжение «стабилизационного характера». Вся полнота исполнительной власти передавалась в руки давнего оппонента рейха – Густава фон Кара, назначение которого на должность генерального комиссара вызвало в Берлине реакцию, близкую к шоку [5]. В фигуре монархиста Кара центр видел, и надо сказать не без оснований, реальную опасность установления региональной диктатуры. Впрочем, перспектива открытой конфронтации устраивала Берлин

еще в меньшей степени. В отличие от Саксонии, подвергнувшейся экзекуции, политический вес Баварии был куда весомее, и любые силовые акции по отношению к ней могли иметь непредсказуемый результат.

Решить проблемы внутривластного порядка, в том числе и «баварскую», рейх рассчитывал с помощью «чрезвычайного положения», введенного в Германии 26 сентября 1923 г. на основании «Закона о защите республики» президентом Ф. Эбертом [5, s. 322–323]. Теоретически такой шаг открывал путь к урегулированию ситуации в правовом ключе. В реальности же, сосредоточив в своих руках обширные исполнительные полномочия, Кар лишил Берлин возможности «правового маневрирования». В изданном им 29 сентября 1923 г. «административном приказе» органам полиции и правосудия Баварии предписывалось руководствоваться в своей деятельности исключительно местным законодательством [5, s. 340–341], что, по мнению Э.Р. Хубера, объяснялось стремлением Мюнхена приостановить или направить в «нужное русло» судебные процессы, проходившие над близкими Книллингу и Кару патриотическими организациями [2, s. 366–367].

Наличие двух чрезвычайных положений, действовавших одновременно, создавало для политиков очевидную дилемму: в то время как президент Германии использовал свою власть в целях защиты парламентско-демократической системы, баварский комиссар не скрывал стремления к «депарламентаризации государства и пересмотру положений Веймарской конституции» [2, s. 350]. Тем не менее, вариант силового решения проблемы по-прежнему рассматривался как крайняя мера.

Существенным моментом, осложнявшим ситуацию, можно считать и т.н. «военно-стратегический фактор». Речь шла не только о формированиях полувойска, действовавших на территории Баварии и готовых к отражению «атаки извне» (в расчет бралась возможность экзекуции), но и о баварских частях рейхсвера, лояльность командующего которых центральному правительству – военного коменданта Баварии и главкома 7 (баварского) военного округа – генерал-лейтенанта фон Лоссова была весьма относительной. Именно вокруг фигуры Лоссова разразился очередной (третий с момента основания Веймарской республики) конфликт Баварии и рейха. Поводом для него стала провокационная статья «Диктаторы Штрэземан – Сект», опубликованная 27 сентября 1923 г. в газете «Фелькишер Беобахтер». Попытки министра обороны Гесслера закрыть издание (решение данного вопроса поручалось Лоссову) не принесли ощутимого результата; выход газеты был приостановлен лишь на период с 4 по 14 октября [5, s. 341]. Отказ подчиняться приказам из центра Лоссов, координировавший все свои действия с Каром, объяснял нежеланием вовлекать рейхсвер в политические распри [5, s. 342–344]. Таким образом, имело место прямое нарушение воинской дисциплины.

9 октября генерал фон Сект – как лицо ответственное за поддержание порядка в войсках – призвал Лоссова, «бросившего тень на единство и дисциплину рейхсвера», добровольно уйти в отставку [5, s. 344–345]. Однако и на этот раз военный комендант Баварии не считал нужным реагировать «должным образом». Мало того, баварский министр-президент предупредил рейх о серьезных последствиях, которые могли повлечь за собой отстранение от должности «опального» генерала. Основываясь на праве непосредственного участия правительства Баварии в назначении командующего баварским военным округом, Мюнхен встал на защиту Лоссова. В адресованном Штрэземану письме Книллинг выразил надежду на взаимопонимание сторон и обратился к канцлеру с призывом «предотвратить необдуманные действия министра обороны» на стадии, когда «ситуация еще находилась под контролем» [5, s. 345–349]. Тем не менее, 19 октября Штрэземан сообщил членам своего кабинета об освобождении Лоссова от всех занимаемых им постов до 31 декабря 1923 г. Исполнять обязанности командующего 7 военным округом

было поручено генерал-майору фон Крессу [6]. В ответ правительство Баварии прекратило служебные отношения с министерством обороны, в одностороннем порядке утвердило Лоссова в его прежних должностях, а баварская дивизия присягнула на верность конституции Баварии [5, s. 357–358]. Действия Мюнхена шли вразрез с конституционно-правовыми обязательствами субъекта по отношению к федерации и потому 22 октября в распоряжении главы Генерального штаба были квалифицированы как незаконные. Тем не менее, руководство земли, по наблюдениям Фильзека, демонстрировало решительность в деле защиты Лоссова невзирая на возможные последствия [4, s. 137].

Пытаясь перехватить политическую инициативу, правительство Штреземана предприняло ряд ответных шагов. В официальном обращении к населению страны звучал призыв к единству и спокойствию [5, s. 358–359]. Кроме того, кабинет заручился поддержкой земель, представители которых собрались 24 октября в столице Германии на экстренное совещание [5, s. 362; 6]. Было бы ошибкой утверждать, что значительно урезанные после революции в своих компетенциях земли не симпатизировали «борьбе» Мюнхена за права «немецких племен». Однако те методы, которыми пыталась действовать политическая элита Баварии, добиваясь децентрализации государственной системы, явно выходили за рамки конституционно-правовых норм и были не приемлемы для абсолютного большинства региональных политиков [7].

31 октября через баварского посланника в Берлине Риттера фон Прегера имперскому кабинету было передано уведомление. Оно гласило, что принятие окончательного решения по ситуации вокруг частей рейхсвера в 7 военном округе целиком и полностью находится в компетенции правительственной коалиции земель [5, s. 362]. Ситуация накалялась и трудно сказать, каков был бы ее исход, не предпринимай Гитлер 8/9 ноября в Мюнхене попытку государственного переворота. 8 ноября президент Эберт возложил на начальника Генерального штаба Секта командование рейхсвером, а также всю полноту исполнительной власти в стране. В качестве возможного варианта решения «баварской проблемы» рассматривался «силовой сценарий». Однако, напуганные путчем местные власти заботились теперь не столько «перманентный федеративный конфликт», сколько преодоление «внезапно» разразившегося внутривнутриполитического кризиса. Распоряжениями Кара на территории земли вводились военно-полевые суды, а также запрещалась деятельность НСДАП, Союзов «Оберланд» и «Рейхскригсфлагге». 11 ноября в правобережной рейнской Баварии была запрещена и распущена КПГ, закрыты принадлежавшие СДПГ и КПГ газеты и журналы [2, s. 417–418]. В течение нескольких дней ситуацию в земле удалось стабилизировать. В то же время усилия Кара объединить правые силы под знамена баварского национального движения уже не приносили успеха, а его претензии на верховную власть в земле многими расценивались не иначе как диктаторские. 13 ноября 1923 г. имперский посланник в Мюнхене Ханиель сообщал о трениях, существовавших в стенах баварского кабинета. Книллинг критиковал «комедию», разыгранную Лоссовым и Каром, и все объяснения последнего о непричастности к планам установления диктатуры считал «формальными» [8].

Анализируя отношения между Баварией и рейхом в начале 1920-х гг., необходимо отметить, что существовавшие противоречия, вопреки слабости «республиканско-демократической субстанции» и напрямую связанным с ней политическим и идеологическим разногласиям, уходили своими корнями в т.н. «федеративный вопрос», в основе которого лежало различное восприятие и толкование конституционно-правовых норм, а также категорическое несогласие Мюнхена с темпами, способами и объемами проводимой в стране централизации. Еще в разгар осеннего кризиса НННП и БНП выступили с призывом реформировать федеративные отношения. Свои претензии руководство

Баварии изложило в памятной записке «К ревизии Веймарской имперской конституции» (январь 1924 г.), главный акцент в которой был сделан на федеративном характере Германии и необходимости более четкой регламентации взаимоотношений рейха и земель. В частности, для субъектов были потребованы: конституционная автономия, гарантии защиты от имперского «конституционного произвола», уравнивание «чрезвычайного права» земель с аналогичным правом рейха, предоставление отдельным немецким государствам возможности заключать международные договоры по предметам, относящимся к компетенции регионального законодательства, повышение конституционно-правового статуса органа представительства немецких земель – рейхсрата, замена названия «земли» на «союзные государства» [9–11]. Мюнхен претендовал также на особый статус в военной сфере.

Памятная записка, с появлением которой, как считал немецкий историк Герхард Шульц, началась политическая атака Баварии на рейх, имела большой общественный резонанс [12]. В сущности, баварские требования означали возврат к основам государственно-правового устройства Германской империи. Некоторые из них нашли понимание и поддержку у определенной части имперского правительства. Тем не менее, рейх отверг претензии на реформирование конституционно-правовой системы, но, в то же время, выразил готовность продолжать диалог с землями по проблеме совершенствования федеративного законодательства.

18 февраля 1924 г. Мюнхен и Берлин подписали «Гамбургские соглашения», содержание которых частично отвечало требованиям памятной записки. Бавария получила право широкого участия в решении вопросов, связанных с назначением и отзывом военных комендантов, а также использованием баварского воинского контингента за пределами ее территории. Присяга дислоцированных в Баварии частей рейхсвера должна была в будущем приниматься не только на верность Веймарской, но и баварской конституции [11, s. 177]. Кроме того, в результате достигнутых в мае 1924 г. между баварским министром внутренних дел и главой соответствующего рейхсминистерства договоренностей Бавария была «избавлена» от имперского контроля и возможной перспективы имперского вмешательства в ее внутреннюю политику. Взамен рейхскомиссар по надзору за общественным порядком должен был регулярно получать от полицейских департаментов в Мюнхене и Нюрнберге/Фюрте сводки о ситуации в земле [6, s. 447].

Уступки в адрес Мюнхена стали слабым утешением для «федералистов». И все же политические перемены в руководстве земли (в начале 1924 г. Кар и Лоссов вынуждены были уйти в отставку) и подписание «Гамбургских соглашений» ознаменовали собой завершение периода острых двусторонних конфликтов, сопровождавших Веймарскую республику на стадии ее становления. Тактика открытого противостояния и силового нажима по отношению к рейху исчерпала себя. Бавария становилась на путь политической обструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Zimmermann W.G.** Bayern und Reich: 1918–1923. Der bayerische Federalismus zwischen Revolution und Reaktion. – Munchen, 1953. – S. 69.
2. **Huber E.R.** Deutsche Verfassungsgeschichte seit dem 1789. Bd. VII: Ausbau, Schutz und Untergang der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1984. – S. 311.
3. **Akten der Reichskanzlei**, Bundesarchiv Koblenz (BAK). R 43 I / 2218. – S. 248.
4. **Politik in Bayern 1919–1933.** Berichte des Wurttembergischen Gesandten C. Moser von Filseck. Hrsg. und komm. von W. Benz. – Stuttgart, 1971. – S. 129.
5. **Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte.** Dokumente der Novemberrevolution und der Weimarer Republik 1918–1933. Hrsg. von E.R. Huber. Stuttgart (u.a.), 1966. – S. 330–339.
6. **Schulz G.** Zwischen Demokratie und Diktatur. Bd. I: Die Periode der Konsolidierung und der Revision der Bismarckschen Reichsaufbaus 1919–1930. – Berlin, 1960. – S. 434–435.
7. **«Das amtliche Communiqué»**, Vossische Zeitung, 25.10.1923.
8. **Akten der Reichskanzlei**, BAK. R 43 I / 2218. – S. 308–309.

9. «*Zur Revision der Weimarer Reichsverfassung*» // BAK. R 43 I / 1877. – S. 95–129.
10. **Biewer L.** Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik. – Frankfurt a.-M., 1980. – S. 71–72.
11. **Heimers M.P.** Unitarismus und suddeutsches Selbstbewußtsein: Weimarer Koalition und SPD in Baden in der Reichsreformdiskussion 1918–1933. – Dusseldorf, 1992. – S. 181.
12. **Deuerlein E.** Föderalismus: Die historischen und philosophischen Grundlagen des föderativen Prinzips. – München, 1972. – S. 174

S U M M A R Y

The relations between Bavaria and Reich are the inseparable part of the history of German federalism. The article is devoted to the Bavaria-Reich conflict of 1923 the essence of which was directly connected with the solution of the federal question.

Поступила в редакцию 24.09.2003

УДК 947.6 «1924–1939»

А.И. Осипович

Научно-технический и информационный обмены между Великобританией и БССР в 1924–1939 гг.

В 1924 году, в связи с началом периода стабилизации западной цивилизации, приходом к власти в Англии первого лейбористского правительства, признанием Советского Союза Великобританией и образованием Общества культурного сближения (ОКС) с СССР в Лондоне начался новый этап в истории англо-советских отношений. В новых условиях появилась возможность для более тесного развития научных и культурных связей Англии и Беларуси. Наряду с обменом делегациями деятелей культуры, науки и искусства, научными стажировками ученых, размещением информации в периодической печати о культурных и научных связях, гастрольями артистов к числу основных форм сотрудничества относился и книгообмен [1].

29 августа 1924 года Объединенное бюро информации Комиссии зарубежной помощи, образованной в первой половине двадцатых годов решением ЦИК СССР при Наркомате иностранных дел, направило в Наркомпрос БССР извещение, в котором сообщалось, что Лондонская университетская библиотека желала возобновить книгообмен с научными учреждениями СССР. В связи с этим Наркомпросу БССР предлагалось предоставить список книг, которые белорусские библиотеки могли бы переслать в Лондон, а также тех изданий, в которых нуждалась белорусская сторона. При этом все расходы по пересылке книг должен был взять на себя Наркомпрос БССР [2]. Книги, полученные по обмену, шли напрямую в столицу СССР. Белорусские библиотеки не могли самостоятельно осуществлять книжный обмен и вести переговоры с зарубежными учреждениями. Они вынуждены были обращаться в Москву, чтобы получать необходимую литературу из Великобритании.

Особенно активную переписку в этом направлении вел Наркомзем БССР. В октябре 1922 года комиссариат послал в Москву заказ на английские книги по организации водоснабжения. Одновременно выражалась заинтересованность в приобретении «каталогов по гидротехнике, гидравлике и мелиорации» [2, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 1287, л. 34]. В августе 1925 года Управление уполномо-

ченного НКВД СССР при правительстве БССР обратилось в Москву с просьбой отправить в Англию для Министерства земледелия книги по обработке земли, животноводству, садоводству, болезням животных и растений и т.д. В это же время Наркомзем БССР предложил для книгообмена, кроме популярных журналов и брошюр, также книгу «Сельское хозяйство Белорусской ССР и мероприятия по его восстановлению» [2, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 1697, л. 16].

23 ноября 1925 года между Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) и Белорусской книжной палатой при БГУ было заключено соглашение о том, что ВОКС «принимает представительство интересов Книжной палаты в деле организации книгообмена между научными учреждениями и библиотеками Белорусской ССР и аналогичными учреждениями заграницы «со взаимными обязательствами» [3].

В феврале 1926 года Белорусская государственная и университетская библиотека имени В.И. Ленина выслала в Бюро книгообмена ВОКС «для дальнейшей пересылки в Англию» книгу П. Тутковского «Геологические исследования на территории бывшей Минской губернии», а также «Труды Белорусского государственного университета» за 1925 год. Эти издания предназначались редакции журнала «Geological Survey of Great Britain» («Геологическое обозрение Великобритании»), Лондонскому англо-русскому литературному обществу, Институту восточных языков, Славянскому институту, библиотекам Кембриджа и Оксфорда [3, л. 11–12].

В июле 1926 года библиотека направила в Англию ряд научных публикаций для Королевского статистического общества («Характеристика сельской гаспадаркі Беларусі» и ежегодник «Итоги статистического обследования населенных мест БССР»), Лондонского географического общества (журнал «Наш край» за 1925–1926 гг.), Лондонского геологического комитета (Я. Афанасьев «Почвенный покров северо-востока Брянской губернии» и «Працы Першай Усебеларускай глебазнаўчай канферэнцыі») [3, л. 52].

Из Англии в адрес Белорусской государственной и университетской библиотеки зимой 1926 года пересылались издание Славянского института «The Slavonic Review» («Славянское обозрение») и «обменный материал» от библиотеки Геологического комитета [3, л. 31, 61]. Помимо этого библиотека выписывала и получала по обмену из Англии журналы «Nature» («Природа»), «Astrophysical Journal» («Астрофизический журнал») «Philosophical Magazine» («Философия»), «Journal of Agricultural Research» («Сельскохозяйственные исследования») [3, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 215, л. 14–17].

В начале 1927 года Белгосбиблиотека направила Славянскому институту новые белорусские издания, как научные, так и художественные (В.Н. Ширяев «Участие общества в борьбе с преступностью», «Працы I З'езду даследчыкаў беларускай археалогіі і археаграфіі», «Беларуская навуковая тэрміналогія. Музычныя тэрміны», «Анатамічныя назвы», «Агляд выкладання на факультэце права і гаспадаркі» за 1926–1927 гг., Янка Купала «Избранные стихотворения») [3, ед. хр. 102, л. 42].

Почти сразу же Бюро книгообмена от имени БГУ предложило Славянскому институту комплект «Летапісы беларускага друку», чтобы тот мог выбрать интересующие его публикации для дальнейшего обмена. Материалы для БГУ предлагалось пересылать на имя ВОКС с пометкой «Университет. Минск» [3, ед. хр. 102, л. 36]. Активно сотрудничали между собой и обменивались ценной информацией в те годы Королевская обсерватория в Гринвиче и обсерватория БГУ [3, ед. хр. 286, л. 16].

Научные учреждения на территории БССР, за исключением Горецкого сельскохозяйственного института, до революции почти не были известны за границей. Этим объяснялось то, что вначале в ВОКС поступало мало ино-

странной литературы для Беларуси и что количество отправленных туда книг превышало цифру поступлений оттуда. В то же время число проходящей через ВОКС литературы для БССР и из нее неизменно возрастало. К примеру, если сопоставить цифры по одним лишь первым месяцам 1927 года с итогами за весь 1926 год, то получался прирост на 130% для полученных и на 150% для отправленных книг [3, ед. хр. 77, л. 25].

На 1 июня 1927 года Бюро книгообмена ВОКС насчитывало по Беларуси двенадцать активных корреспондентов. Среди них такие крупнейшие учреждения, как Белорусская сельскохозяйственная академия и Белорусская государственная и университетская библиотека, которая 1 октября 1926 года выделилась из состава БГУ в самостоятельную единицу [2, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 215, л. 29; 3, ед. хр. 77, л. 25]. Белорусская сельскохозяйственная академия в Горках поддерживала связи со старейшей в мире Ротемстедской опытной станцией в Харпендене. 14 февраля 1928 года ВОКС отослал в Англию два пакета с публикациями Академии [3, ед. хр. 133, л. 11].

В июне 1928 года ВОКС предложил Белорусскому государственному ветеринарному институту в Витебске установить книгообмен с рядом иностранных ветеринарных учреждений, среди которых был и Королевский колледж ветеринарной хирургии в Лондоне [3, ед. хр. 153, л. 1–2]. В сентябре туда, а также в Королевский ветеринарный колледж в Эдинбурге был послан ряд номеров «Белорусской ветеринарии» [3, ед. хр. 153, л. 9].

В конце месяца из Лондона пришел ответ, в котором выражалось сожаление по поводу того, что они не публикуют «никакого научного журнала». Один номер единственного своего издания «The Annual Register of Veterinary Surgeons» (ежегодник «Ветеринарная хирургия») они направили на имя института. Кроме того, в письме подчеркивалось, что библиотека колледжа – это «центральная ветеринарная библиотека всей Британской империи», и они с нетерпением ожидали получить важные публикации по ветеринарии от витебских коллег в дальнейшем [3, ед. хр. 153, л. 10].

В мае 1930 года Белгосбиблиотека имени В.И. Ленина направила в ВОКС книги Н. Щекотихина («Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва», «Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пачатку XVIII стагоддзяў», «Беларускае мастацтва ў гістарычнай і археалагічнай літаратуры», «Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны»), М. Сыркина («Искусство и техника»), Н. Щекотихина в соавторстве с В. Ластовским («Сучаснае беларускае мастацтва») и «другие аналогичные издания по искусству» для Лондонского музея Виктории и Альберта по запросу последнего. В посылке содержалось также пожелание «задержаться с Музеем более широкий обмен» [3, ед. хр. 246, л. 111–112].

Следует подчеркнуть, что большая часть белорусского книгообменного материала для Англии (политико-пропагандистского характера) во второй половине 20–30-е гг. направлялась на имя Лондонского общества культурного сближения с СССР (ОКС), официального представителя ВОКС в Великобритании, через который организовывалось идеологическое воздействие на британскую интеллигенцию [4]. Во многом из-за этого деятельность Общества, стремившегося наладить взаимопонимание между двумя народами, расценивалась в правительственных кругах Англии как «коммунистическая пропаганда» [5].

Белгосбиблиотека с конца двадцатых годов регулярно отсылала для ОКС такие периодические издания как «Маладняк», «Полымя», «Узвышша», «Савецкая краіна», «Чырвоная Беларусь» и другие [3, ед. хр. 341, л. 58–62].

Весной-осенью 1931 года для Общества были отправлены книги А. Ольшевского («Інтэрвенцыянісцкі твар беларускага нацыянал-фашызму»), Д. Богена («Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў»), А. Платуна («За культурную рэвалюцыю»), А. Малевича («Усебеларускі агляд

сацыялістычнага будаўніцтва»), А. Зюзькова («Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі»), Л. Яковлева («Заходняя Беларусь»), а такжэ «Матэрыялы Першай усебеларускай нарады камітэтаў па паліпшэнню працы і быту работніц і сялянак» [3, ед. хр. 153, л. 26, 31, 35, 71].

В начале тридцатых годов Белгосбиблиотека поддерживала связи и с Британским музеем в Лондоне, куда посылались «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску» [3, ед. хр. 376, л. 15, 74].

1933-й год был отмечен похолоданием в межгосударственных отношениях Великобритании и СССР, что негативно отразилось на научно-культурном сотрудничестве общественности двух стран. Сократилось количество получаемой британской литературы [3, ед. хр. 506, л. 2]. С приходом к власти в Германии А. Гитлера СССР стал придавать особое значение оживлению контактов с Англией. Одной из главнейших задач, стоявших перед ВОКС, являлось расширение книгообмена с английской стороной: восстановление прерванных связей и налаживание новых.

Из Советской Белоруссии в адрес ОКС был отослан ряд научных и литературно-художественных изданий. Белгосбиблиотека возобновила обмен материалами с Британским музеем. Установились контакты с Еврейским историческим обществом в Лондоне [3, ед. хр. 739, л. 54, 136]. «В качестве книгообмена» в Бирмингемскую городскую библиотеку с разрешения Главлита БССР были отправлены шесть книг В. Шекспира на белорусском и еврейском языках 1934–1936 годов издания («Трагічная гісторыя пра Гамлета, прынца дацкага», «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Юлий Цезарь», «Генрих IV») [3, ед. хр. 821, л. 41–43]. В июне 1936 года библиотека наладила связи и с Лондонским музеем наук, куда отослала каталоги «Летапіс беларускага друку» за 1926 год, «Перыядычны друк» за 1935–1936 годы, произведения Ф. Фришмана на польском и Н. Рубинштейна на еврейском языках, посвященные польской и еврейской книгам в СССР [3, ед. хр. 821, л. 129].

В мае 1935 года библиотека Белорусской сельхозакадемии в своем письме просила ВОКС проинформировать Имперское бюро генетики растения в Уэльсе о своем желании «установить обмен публикациями на сельскохозяйственную тему» и высылала, в свою очередь, часть материалов [3, ед. хр. 742, л. 5–6].

Однако не всегда посылки в Англию и в обратном направлении доходили до адресата. Так, через месяц из Бюро пришло послание, где было отмечено, что ими получена только «обертка пакета, содержавшего книги; сами же книги («Записки» и «Труды» Академии в восьми томах) доставлены не были» [3, ед. хр. 742, л. 73]. Ввиду большого интереса к материалам Бюро просило вторично выслать их в Англию.

ВОКС регулярно рассылал зарубежные издания по научным учреждениям БССР. В числе его корреспондентов, состоящих в обмене изданиями с заграницей, к середине тридцатых годов значилось 11 учреждений. Крупнейшими из которых были Белгосбиблиотека в Минске, Белсельхозакадемия в Горках, Белгосветинститут в Витебске [3, ед. хр. 376, л. 116]. В мае 1937 года о желании полноценно участвовать в международном книгообмене через ВОКС было заявлено руководством Академии наук БССР, тогда как ранее материалы Академии вместе с публикациями некоторых других учреждений поступали в Бюро книгообмена через Белгосбиблиотеку [3, ед. хр. 857, л. 60–61].

Фонды отечественных научных и учебных заведений пополнялись не только путем книгообмена, но и по заявкам. ВОКС принимал заказы на иностранные издания лишь в том случае, если стоимость их была бы уплачена в иностранной валюте. Иначе выписка производилась через акционерное общество «Всесоюзное объединение «Международная книга – антиквариат» (далее: «Межкнига») [3, ед. хр. 131, л. 10]. В марте 1926 года Ликвидационная комис-

сия Белорусского государственного института сельского и лесного хозяйства получила от «Межкниги» ранее заказанные институтской библиотекой английские журналы: «Journal of Agricultural Science» («Сельскохозяйственный вестник»), «Journal of Ecology» («Экология»), «Journal of Agricultural Research» («Сельскохозяйственные исследования») [2, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 203, л. 136].

В Госархиве Могилевской области есть данные о том, что Горецкий сельскохозяйственный институт выписывал из Англии литературу еще в начале двадцатых годов. Летом 1922 года институт получил оттуда две книги: Р. Бакли «Irrigation Pocket Book» («Справочник по ирригации») и В. Блая «The Practical Design of Irrigation» («Практикум по ирригации»). В период с 1922 по 1924 гг. были выписаны следующие журналы на сельскохозяйственную тему: «Journal of Botany» («Ботаника»), «Journal of Statistic Study of Biological Problems» («Статистические исследования биологических проблем») и другие, а также монография Коултера в соавторстве с Чемберленом «Morphology of Spermatocytes» («Морфология сперматоцитов») [6].

23 июня 1936 года директор библиотеки АН БССР Д. Давгяло информировал директора института философии и права о том, что на 1936 год выписан ряд журналов, которые направлялись ему «под личную ответственность». Среди них были и английские «Journal of Philosophical Studies» («Философские исследования»), «Labor Monthly» (ежемесячник «Труд») за 1933–1936 гг. [7]. В 1937 году «Межкнигой» был принят заказ от АН БССР на заграничную литературу из Англии, США, Германии, Польши, Латвии и Франции. Предварительно в стенах Академии был составлен список от институтов на получение нужных им изданий, которые по тематике охватывали практически все отрасли науки. Из Англии планировалось выписать около трех десятков единиц, среди которых был ряд монографий крупных английских ученых, журналы Королевского антропологического института и Ассоциации сельскохозяйственных химиков [7, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 58, л. 1, 14–19, 20–34].

В свою очередь экспортному отделу «Межкниги» из издательства АН БССР пересылались каталоги своих публикаций с пожеланиями принять меры к рассылке их за границу, в том числе и в Англию [7, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 5]. В материалах НАРБ имеется общий список иностранной литературы, заказанной на 1938–1939 годы белорусскими научными учреждениями, в том числе и из Великобритании. Издания по психологии, философии, естествознанию, математике, биологии, химии, ботанике, металлургии, машиностроению, медицине выписывались для Госбиблиотеки, АН БССР, сельскохозяйственного института, политехнического института, мединститута и института промышленности [2, ф. 546, оп. 1, ед. хр. 22, л. 1–33; ед. хр. 15, л. 1–29; ед. хр. 21, л. 1–15]. Труды ученых Англии и БССР были востребованы научными кругами обеих стран, чему, несомненно, способствовали контакты по линии обмена разного рода материалами. Например, аспирант кафедры осушения земель мелиорационного факультета Горецкого сельхозинститута Д. Кневич в своем исследовании применял разработки англичан Р. Бакли и В. Блая [6, л. 5; ф. 536, оп. 1, ед. хр. 3, л. 17]. Английские ученые имели возможность подробно ознакомиться с переведенными на английский язык работой Т. Годнева по яровизации и двумя научными статьями И. Пиуновича и Н. Ковцевича, специалистов Белорусской сельхозакадемии [3, ед. хр. 810, л. 71–72].

В июне 1939 года директор института химии АН БССР Б. Ерофеев послал в Издательство по изобретательству в Ленинград запрос на пересылку в Минск фотографий ряда английских патентов на изобретения [7, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 50, л. 79, 82]. Он же осенью послал в «Дом книги» в Ленинград запрос на научные труды таких британских деятелей науки, как Д. Бекер, Д. Скинер, Г. Тейлор, Л. Хаулей, Л. Уайз, П. Бриджмен [7, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 50, л. 133–

134, 153–166]. Позже Ерофеев обратился в Государственную публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина в Ленинград с просьбой прислать ряд интересовавших его публикаций Английского общества химиков [7, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 50, л. 153–166]. В 1939 году коллега Б. Ерофеева, младший научный сотрудник института химии Академии наук БССР Черчес при подготовке отчета по теме «Предсозревание алкалицеллюлозы» использовал исследования Гладстоуна [7, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 51, л. 15–35].

В 1939 году в связи с заключением пакта Молотова-Риббентропа углубилась конфронтация между СССР и Великобританией, и научные контакты между Советской Белоруссией и Англией были прерваны.

Анализ показателей, характеризующих степень сотрудничества Великобритании и БССР в области книгообмена, позволяет определить и основной фактор, негативно влиявший на расширение этого процесса. Общество культурной связи Советской Белоруссии с заграницей (БелОКС), образованное в 1926 году, не принимало активного участия в этой сфере научного сотрудничества. В отличие от Украинского отделения, БелОКС не перенял книгообменные операции своей Книжной палаты. Белорусское общество «также и не думало создать свой книгообменный фонд» [3, ед. хр. 506, л. 2–3].

В ходе практического осуществления этих контактов шел процесс взаимовлияния и взаимообогащения культур двух народов. Издания, направляемые из БССР в Англию, знакомили британскую общественность с белорусской историей, достижениями науки и культуры, процессом «белоруссизации». Ученые Великобритании и Советской Белоруссии использовали в своих научных трудах материалы, получаемые по обмену. Таким образом, в 1924–1939 гг. англо-белорусские связи по линии книгообмена приобрели регулярный и устойчивый характер, оформились их организационные основы. Это был первый опыт взаимовыгодного сотрудничества между учреждениями Великобритании и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Осипович А.И.** Англо-белорусские научные и культурные связи в 1921–1933 гг. // *Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі*, Мінск, 25 кастрычніка 2002 г. – Мн., 2002. – С. 210.
2. **Национальный архив Республики Беларусь**, ф. 42, оп. 1, ед. хр. 1303, л. 99–100.
3. **Государственный архив Российской Федерации**, ф. 5283, оп. 10, ед. хр. 47, л. 2–3.
4. **Жилинская И.В.** Всесоюзное общество культурных связей с заграницей и Английское общество культурных связей с СССР в 30-е гг. XX в.: задачи и структура // *Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследавання. Зборнік навуковых прац.* у 2 ч. Ч. 2. Актуальныя пытанні ўсеагульнай гісторыі і гісторыі Беларусі. – Мн., 2003. – С. 129.
5. **Фокин В.И.** Русско-британское общество культурного сближения. (Дружья новой России) // *Великобритания: политика, экономика, история.* – СПб., 1995. – С. 56–57.
6. **Государственный архив Могилевской области**, ф. 536, оп. 7, ед. хр. 224, л. 5, 11.
7. **Центральный Национальный архив Национальной Академии наук Беларуси**, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 3, л. 54–55.

S U M M A R Y

On the basis of archival materials in the article is shown positive and negative experience of scientific-technical cooperation and informational exchange between Great Britain and the BSSR in the years 1924–1939, in which the prominent scientists, governmental institutions and social organizations took part.

Поступила в редакцию 10.09.2003

В.Ф. Байнев, Е.А. Дадеркина

Теоретические основы полезностной оценки эффективности инноваций

XX век «развернул» перед взорами изумленных экономистов столь масштабную панораму грандиозных перемен в социально-экономической сфере, что их теоретическое осмысление, несомненно, еще потребует от исследователей немало времени и интеллектуальной энергии.

К числу важнейших итогов этого насыщенного событиями периода необходимо причислить и в целом неудавшуюся (если, разумеется, игнорировать опыт Китая) попытку построения нерыночного, планово-централизованного, устраняющего извечный антагонизм между трудом и капиталом хозяйства, что в целом следовало бы расценить как подлинный триумф неоклассической (либерально-рыночной) парадигмы экономической теории с ее главным критерием эффективности – максимальной прибылью.

Однако вопиющее социально-экономическое неравенство как отдельных людей, так и целых государств и континентов (сегодня более 1,1 млрд. человек планеты, имея дневной доход менее 1 USD, элементарно бедствуют, в то время как среднестатистический американец более 2 USD в день тратит только на коррекцию фигуры), обострение вооруженной борьбы технологически развитых стран за сырьевые и энергетические ресурсы (сырьевая и энергетическая проблема), беспрецедентный рост терроризма, масштабные трансграничные финансово-экономические и экологические кризисы свидетельствуют о глобальных противоречиях, раздирающих мировое сообщество даже в условиях отсутствия штатной «империи зла» в лице СССР и безоговорочного, ныне никем не оспариваемого господства рыночной, ориентированной на максимальную прибыль концепции хозяйствования.

В итоге по обе стороны Атлантического океана крупнейшие ученые-экономисты во весь голос заговорили о том, что до недавнего времени считавшийся непогрешимым «либеральный капитализм, который сегодня характерен для Запада, фактически показал ряд дефектов» (вывод пролиберального лондонского журнала «Экономист») [1], а по мнению лауреата Нобелевской премии в области экономики за 2001 г., профессора Колумбийского университета (США) Дж. Стиглица, «недостатки неоклассической парадигмы, такие, как явное противоречие прогнозов действительности, иногда настолько вопиющие, что едва ли нуждаются в утонченном эконометрическом тестировании» [2].

В ряде переходных к рынку стран, на себе испытавших последствия глобального «либерального эксперимента» по рецепту так называемого Вашингтонского консенсуса (массовая приватизация, либерализация, иностранные заимствования на фоне искусственного сжатия денежной массы), из-за затяжных экономических кризисов, сопровождающихся беспрецедентным спадом производства и деиндустриализацией, бегством капиталов и растущей долговой кабалой, утечкой мозгов и безработицей, деградацией и депопуляцией населения, былая вера во всеисилие свободного рынка также сильно пошатнулась.

Неслучайно в 2001 г. на страницах российского журнала «Вопросы экономики» развернулась острая полемика по поводу ставших очевидными недостатков неоклассической теории с ее единственным критерием успеха и эффективности – максимальной прибылью. При этом некоторые известные российские экономисты (Р. Нуреев и др.) констатируют, что в итоге реформ контраст между либерально-рыночной экономической теорией и практикой оказался куда более разительным, чем в советскую эпоху, и «...даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании новой идеологической схоластики, ... ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политекономия» [3].

Особо негативные последствия для мировой экономики и предельного обострения вышеупомянутых глобальных проблем цивилизации, на наш взгляд, имеет использование рыночного критерия эффективности при экономической оценке достижений научно-технического прогресса (НТП).

Погоня за быстрой максимальной прибылью нередко побуждает компании внедрять и широко использовать технику и технологии, рыночная эффективность которых основана исключительно на варварской эксплуатации условий окружающей среды при полном игнорировании интересов общества в целом.

Например, с позиций получения сиюминутной прибыли оказываются весьма эффективными технологии добычи только наиболее доступных, лежащих на поверхности и потому более дешевых полезных ископаемых, что весьма часто приводит к некомпенсируемым потерям менее доступных ресурсов (так, в России добыча 1 тонны нефти сопровождается безвозвратным «обводнением» 2–3 тонн этого стратегически важного сырья). В то же время с точки зрения основного рыночного критерия эффективности оказываются неэффективными научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по созданию образцов техники, функционирование которых основано на использовании неисчерпаемых, технически перспективных, но сегодня пока еще более дорогих источников энергии (ветровой, волновой, приливной, солнечной, геотермальной и т.п.).

Другие глобальные проблемы НТП связаны с принципиальной возможностью самоуничтожения цивилизации вследствие роста энерго мощностей и разрушительной силы оружия, распространением генетически модифицированных продуктов и других достижений генной инженерии, смещением экологического равновесия, снижением физической активности людей, негативными технотронными воздействиями (излучением радиотелефонов, компьютеров, бытовой техники, линий электропередачи и т.п.).

По нашему убеждению, противоречивость современного НТП очевидно обусловлена тем, что ныне безоговорочно доминирующий рыночный критерий эффективности технических нововведений неадекватно отражает, а зачастую и полностью игнорирует их общественную полезность. Классический тезис о «невидимой руке» рынка, которая якобы направляет стремящегося к прибыли бизнесмена в сторону удовлетворения общественных потребностей, сегодня всерьез уже никем не воспринимается даже в странах с развитой рыночной экономикой (по словам Дж. Стиглица, «рука может быть невидимой лишь по той причине, что просто не существует» [2, с. 337]).

Действительно, в условиях свободного рынка предприниматели вряд ли станут тратить дополнительные ресурсы на очистку сточных вод, выбрасываемых в атмосферу газов или утилизацию промышленных отходов, считая эти, хотя и имеющие огромную общественную полезность, но снижающие прибыль, издержки нецелесообразными.

В то же время с позиций извлечения быстрой прибыли максимально эффективны (полезны с точки зрения рынка) инновации в сфере наркобизнеса,

торговли донорскими человеческими органами, порноиндустрии, работорговли и некоторых других сомнительных сферах деятельности, хотя и приносящих баснословные прибыли, но вряд ли имеющих соответствующую общественную полезность.

Указанные проблемы возникают по той причине, что, по мнению одного из основоположников современного институционализма Дж. Гэлбрейта, а также Й. Шумпетера, Дж. Стиглица и ряда других весьма авторитетных экономистов, НТП попадает в зону изъянов (другие авторы используют иные термины – «фиаско», «недостатков», «неэффективности» и даже «провалов») рынка, наличие которых обусловлено внешними эффектами и информационной асимметрией. В итоге свободный рынок не справляется с задачей оптимизации объема предложения и цены услуг инновационного характера, что объективно снижает инновационную активность [4].

Таким образом, в условиях, когда НТП не просто уверенно попадает в зону изъянов рынка, становясь недостижимым для его «невидимой руки», но и ставится под сомнение принципиальная возможность существования этой самой пресловутой руки, при оценке эффективности инноваций, несомненно, надо руководствоваться иными (нерыночными, нестоимостными) критериями.

Так, в качестве альтернативы главному рыночному, игнорирующему общественную полезность показателю эффективности – максимуму прибыли, одна из современных школ экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета (В. Ельмеев, В. Долгов и др.) предлагает к использованию другой критерий, объективно учитывающий основное экономическое назначение – потребительную стоимость, общественную полезность – любого, в том числе и инновационного фактора производства. Данная концепция, именуемая *теорией потребительной стоимости*, может быть рассмотрена в качестве дополнения и развития идей К. Маркса в части, касающейся такой экономической категории, как потребительная стоимость, полезность [5, 6].

Как известно, проблема количественного измерения потребительной стоимости (полезности), понимаемой в качестве способности удовлетворять потребности человека, в настоящее время окончательно еще не решена. Считается, что полезности разнородных предметов (например, пальто и самолета) принципиально несопоставимы и, следовательно, не могут быть объективно измерены.

Однако по крайней мере применительно к факторам производства (производственным ресурсам) эта задача, с точки зрения трудовой теории потребительной стоимости, оказывается вполне решаемой.

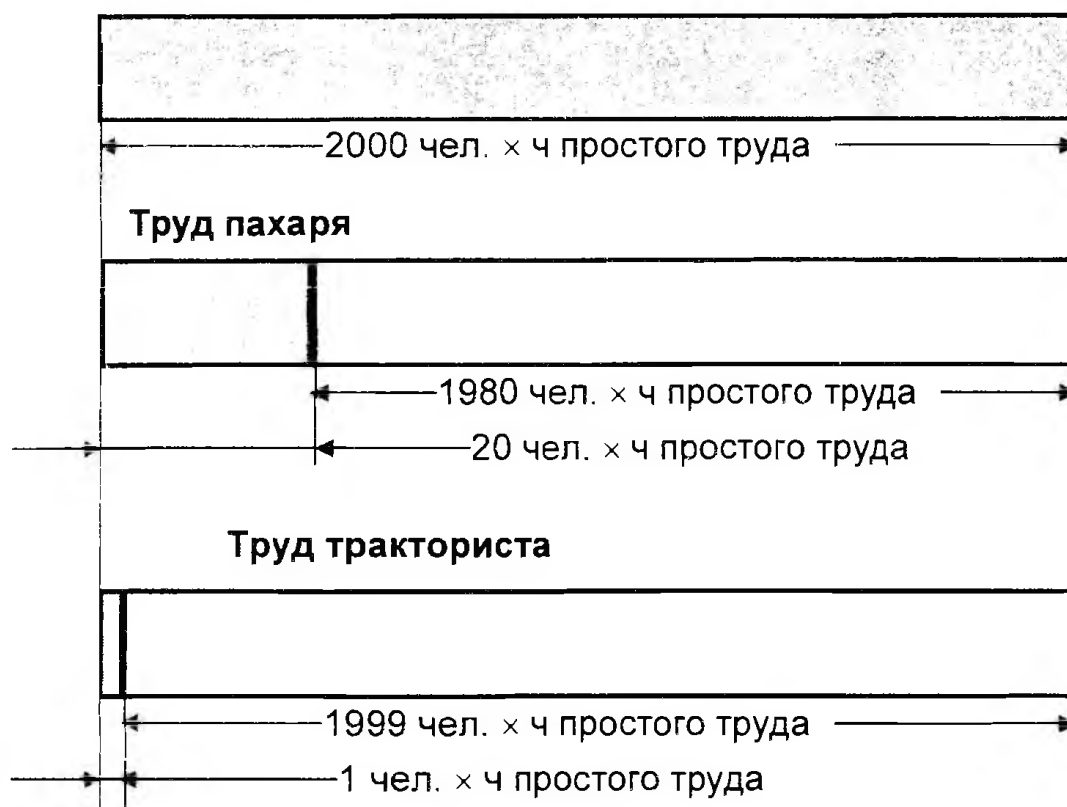
Рассмотрим следующий наглядный пример. Необходимо подготовить под посев (взрыхлить) участок земли. Эту работу можно сделать тремя разными способами (рис.):

- вручную с помощью лопаты за 2000 часов (труд землекопа);
- сохой с помощью впряженной в нее лошади за 20 часов (труд пахаря);
- трактором с плугом за 1 час (труд тракториста).

Приведенный пример доказывает, что по мере НТП доля физического труда работника (объективный фактор рабочей силы) стремительно уменьшается, а роль энергии интеллекта, воплощенного в орудиях труда и разумном поведении работника (субъективный фактор рабочей силы), неуклонно возрастает.

С этих позиций *общественная полезность любого производственного ресурса объективно может быть определена объемом простого (физического, мускульного) труда, который будет замещен (сэкономлен) в производственном процессе этим фактором производства.*

Труд землекопа

Условные обозначения на рисунке:

– объективный фактор
рабочей силы (физическая энергия работника)

-- субъективный фактор
рабочей силы (энергия интеллекта)

**Рис. Энергетические диаграммы подготовки земли
под посев землекопом, пахарем и трактористом**

Так, трактор имеет большую полезность по сравнению с сохой и тем более с лопатой по той причине, что, несмотря на его возросшую стоимость, позволяет сэкономить, заместить гораздо больше простого (физического, мускульного) труда человека. Этот пример, а также исторический анализ всего развития науки и техники позволяют сделать вывод о том, что основным экономическим назначением и стратегическим направлением НТП, в конечном счете, является создание таких средств производства, которые все более и более вытесняли бы из производственных процессов физическую, мускульную энергию (простой труд) человека, заменяя ее энергией интеллекта. Возрастание роли субъективного фактора рабочей силы за счет соответствующего снижения влияния ее объективного фактора – вот фундаментальный смысл механизации, автоматизации и информатизации производственных процес-

сов, т.е. НТП и экономического развития в целом. При этом игнорирование в процессе оценки рыночной эффективности НТП основного экономического назначения техники и технологий, заключающегося в экономии живого труда, – основная, на наш взгляд, причина обострения глобальных противоречий цивилизации в условиях тотального господства либерально-рыночной, ориентированной на быструю и максимальную прибыль парадигмы экономической теории.

Необходимо отметить, что применение полезностного, учитывающего экономию живого труда, критерия эффективности технических нововведений и НТП в целом соответствует наметившейся в конце прошлого века *тенденции к гуманизации* всех сфер человеческой деятельности. Так, известно, что в разработанной ООН в 1990 г. Программе развития (ПРООН) именно развитие человека принято в качестве целевого критерия состояния прогресса всего мирового сообщества и отдельных стран (напомним лишь о таком общеизвестном показателе, как ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала). На необходимость «человеческого» измерения экономической эффективности указывали и А. Эйнштейн, представители Римского клуба, многие другие отечественные и зарубежные ученые. При этом, по мнению сторонников полезностного подхода, критерием «человеческой» эффективности должно стать «свободное время общества, выступающее временем, свободным от непосредственного взаимодействия со средствами производства и служащим для свободного развития человеческих способностей. Безусловно, есть все основания рассматривать свободное время в качестве материального блага. Это благо является экономическим, оно производится. Производство свободного времени состоит в экономии рабочего времени при создании необходимых обществу средств производства и потребительских благ» [7]. Таким образом, переориентация НТП с максимизации прибыли для избранных на экономию живого труда и увеличение свободного времени общества в целом служит делу развития человека и гуманизации экономики, ибо только в свободное от простого (тяжелого физического) труда время индивидум может проявить себя как художник, мыслитель, спортсмен, предприниматель, семьянин.

В настоящее время теоретико-методологические основы потребительно-стоимостного (полезностного) подхода к оценке эффективности НТП достаточно хорошо развиты вплоть до рабочих методик количественного определения полезности и полезностной эффективности некоторых факторов производства. В частности, на основе критерия экономии живого труда нами определена полезностная эффективность использования некоторых видов сельскохозяйственной техники, промышленного оборудования, производства электрической энергии [8, 9]. Ведется работа по оценке эффективности внедрения новой техники в легкой промышленности. При этом в качестве полезностного эффекта выступает абсолютная экономия совокупного (живого и овеществленного) труда, а потребительно-стоимостная эффективность определяется в виде отношения достигнутого эффекта и затрат совокупного труда.

Выводы, сделанные на основе проведенного исследования, убедительно доказывают, что в тех случаях, когда основной рыночный критерий (прибыль) оказывается малоприменим для оценки эффективности инноваций, основанных на принципиально новых достижениях НТП или внедряемых в нерыночный сектор экономики (в разных странах этот сектор создает от 15 до 60% ВВП), целесообразно применение иного, полезностного критерия, связанного с непосредственным учетом потребительной стоимости (полезности) новой техники. Мы убеждены, что при оценке эффективности НТП необходимо учи-

тивать не только стоимостные характеристики, но и основное назначение технического фактора производства – его способность замещать (экономить) в производственных процессах живой труд человека, что и составляет сущность полезностного подхода к оценке эффективности инновационной деятельности. Фундаментальные дефекты свободных рынков, их принципиальная нестабильность и неспособность к саморегулированию, недостатки ориентированных на стабильную и прогнозируемую прибыль традиционных методов оценки эффективности инноваций, а также объективное расширение общественного сектора мировой экономики (в США, Франции, Нидерландах и т.д. за последние 50 лет государственные расходы по отношению к ВВП удвоились и достигли значения от 31% в США до 58% в Швеции [10]) открывают перед потребительно-стоимостной (полезностной) парадигмой экономической теории поистине историческую перспективу.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. The Economist. – London, 2003. 28 June. – P. 13.
2. **Стиглиц Дж.** Информация и изменение парадигмы экономической теории // ЭКОВЕСТ (Экономический вестник). № 3. Вып. 3. – Мн., 2003. – С. 402.
3. **Нуреев Р., Лагов Ю.** Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // Вопросы экономики. – М., 2001. № 1. – С. 96–115.
4. **Хайман Н.Д.** Современная микроэкономика: анализ и применение / Пер. с англ. В 2 т. Т. 2. – М., 1992. – С. 28, 105.
5. **Ельмеев В.** Потребительно-стоимостная тенденция: теория и практика // Экономист. – М., 2002. № 9. – С. 56–66.
6. **Байнев В.Ф.** Полезностная парадигма социально-экономических наук как важнейший этап реконструкции знаний XX в. / UNIVERSITAS: Наука в контексте современной культуры: Междисциплинарный сборник научных трудов ученых СПбГУ. – СПб., 2001. – С. 301–314.
7. **Золотов А.В.** Повышение общественного благосостояния как фактор экономического роста / В сб. Экономический рост и вектор развития современной России: под ред. К.А. Хубиева. – М., 2004. – С. 240.
8. **Байнев В.Ф.** Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительно-стоимостный анализ эффективности производства электроэнергии. – Саранск, 1998. – 92 с.
9. **Байнев В.Ф.** Электропотребление и экономия живого труда: потребительно-стоимостный анализ. – Саранск, 1998. – 88 с.
10. **Сакс Д., Ларрен Д.** Макроэкономика. – М., 1996. – С. 224–225.

S U M M A R Y

This article considers the capability and expediency of application alternatively to main market yardstick of an estimation efficiency innovations - maximum of the profit, usefulness yardstick. Thus in quality of usefulness effect is the absolute economies cumulative (alive and materialized labour) act, and the usefulness-cost efficiency is determined by the way of reached effect and costs of a cumulative transactions.

Поступила в редакцию 24.03.2004

Эволюция экономических систем: критерии оценки

Проблеме эволюции экономических систем, поиску критериев их оценки и подходов системного анализа трансформационных преобразований посвящено немало научных исследований.

Особую известность в исследовании экономических систем общества получили технологический, институциональный, формационный и цивилизационный подходы.

Принципиальные различия в оценке эволюционной последовательности сменяемых экономических систем пролегли между формационным и цивилизационным подходами.

Особенно возрос интерес к изучению закономерностей развития общества, без познания которых невозможно ориентироваться в процессах, происходящих в современном мире (вследствие драматических событий последних лет). Этот интерес проявился, в частности, в том, что «тлевшая» на протяжении многих лет дискуссия о формационном и цивилизационном подходах, как наиболее диаметральных мировоззренческих позициях в оценке объективных закономерностей совершаемой эволюции экономических систем, в последние годы «вспыхнула» с новой силой.

Мощный толчок разворачиванию дискуссии был придан фактом нынешнего «отката» социализма, не вписывающегося в рамки традиционных для советской науки представлений о закономерностях смены общественных формаций, неизбежности гибели капитализма и др.

Более того, с позиций цивилизационного подхода вызывает сомнение и положение об основополагающей роли производительных сил, поскольку главным элементом их выступает человек, а его развитие во многом определяется его местоположением в системе производственных отношений, воздействием надстроечных структур в виде идеологии, религии, законодательства, распределительных отношений, мотивации труда и т.д. Все это с неизбежностью подводит к необходимости уточнения движущих сил и выявления возможных перспектив общественного развития с учетом происходящих перемен.

Небезынтересно отметить, что и сам Маркс в свое время высказывал сомнение в универсальности созданной модели, и эта модель неоднократно им пересматривалась. Причем законченной теории формаций Маркс не формулировал. Пятиступенчатая схема была создана уже после него и канонизирована Сталиным. Маркс говорил о трех общественных формациях: первичной, вторичной и третичной, которые также обозначены им как архаическая, экономическая и коммунистическая. В знаменитом предисловии «К критике политической экономии» Маркс включает в экономическую формацию «азиатский, античный, феодальный и современный» буржуазный способы производства. В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» в раздел «Формы предшествующие капиталистическому производству», включены азиатская, античная и германская формы собственности, то есть формы, не совпадающие со знаменитой «пятиступенчатой» схемой [1].

Современные исследования эволюции экономических систем с позиций объективной логики и действительности подводят к пониманию того непреклонного факта, что важнейшей детерминантой общественного развития выступает труд человека, способ его координации, условия, в которых функционирует данное общество. Немаловажную роль среди этих условий играют природные и другие факторы.

Поэтому анализ эволюционных, а нередко и революционных, изменений, которые претерпевают социально-экономические системы в различных странах, на современном этапе с прежних позиций становится небезупречным. Такое понимание продиктовано не только тем, что эта эволюция не вписывается в строгую пятиступенчатую концепцию формационного развития, но оно необходимо и для выяснения адекватной интерпретации трансформации, которую пережил капитализм XIX столетия, и того, что представляет капитализм сегодня, а также и для того, чтобы дать ответ куда мы идем, создавая современные рыночные структуры, – к уникальной в своем роде экономической системе или универсальной экономической модели, к которой идут многие государства мира.

Однако, чтобы разобраться в этом, достаточно подвергнуть тщательному анализу принципиальные различия, содержащиеся в формационном и цивилизационном подходах, поскольку технологический и институциональный не исключают, а в какой-то мере и дополняют цивилизационный подход. Это связано с тем, что они основываются на анализе и критической оценке капиталистического общества более позднего периода и необходимости усиления государственного воздействия на экономику посредством целого комплекса социальных регулирующих мер, или рассматривают эволюцию экономических систем со стороны технического и технологического аспекта. Поэтому они, в основном, не противоречат друг другу, поскольку здесь речь идет по существу о выборе методологии анализа социально-экономических процессов, не затрагивающей проблемы классового деления общества. А это одна из крайних точек зрения формационного подхода к пониманию эволюции экономических систем.

Но с позиций современных оценок развития традиционное пятиступенчатое классовое деление общества на формации вызывает определенное сомнение и, в частности, потому, что первобытнообщинный уклад изучен крайне слабо и мы имеем о нем весьма нечеткое представление а, с другой стороны, можно ли его вообще считать формацией, если он не был даже обществом в полном смысле этого слова? Неясно также, можно ли считать закономерной и обязательной формацией рабовладение, если по классовому составу оно состояло из патрициев и плебеев, а рабы – это лишь воины, попавшие в плен в результате поражения в военных действиях. Причем, рабовладение для многих государств не стало этапом обязательного экономического развития. Но, если первобытнообщинный строй, рабовладение и, как многие считают, коммунизм не являются обязательными ступенями общественного развития, то вся традиционная формационная система рухнет.

И все же следует отметить, что формационный подход полностью не утрачивает научной ценности, поскольку раскрывает основное содержание экономической системы как способа производства, дает точный оценочный критерий к пониманию истории как ряда сменяемых друг друга общественно-экономических образований, основанных на господстве форм собственности на средства производства, диаметральной противоположности интересов, внеэкономических формах принуждения к труду, является надежным инструментом научного познания предыдущей исторической действительности и выявления наиболее существенных экономических взаимосвязей, лежащих в ее основе. Он име-

ет как ряд достоинств, таких, как простота, ясность, доступность, позволяющих упорядочить различные этапы экономического развития общества доиндустриального периода, так и недостатки, в основе которых лежит отрицание эволюции, преимущественности сменяемых систем, что вступает в явное противоречие с происшедшими фундаментальными преобразованиями основ капиталистической экономики в части собственности, правового регулирования экономических взаимоотношений хозяйствующих субъектов, социальной политики государств с развитой рыночной экономикой и объективно подводит к пониманию непригодности исследований с позиций формационного подхода современных смешанных экономических систем, характеризующихся множеством форм собственности, рассредоточенной в руках различных субъектов рыночных отношений и функционирующих на основе равноправности, системы участия при высоких социальных гарантиях. Поэтому представляется тщетной попытка многих авторов вложить подвергнувшееся значительным изменениям факты современной действительности в прокрустово ложе теории, сформулированной более ста лет назад.

Такая позиция основана на противостоянии, классовой борьбе, разрушении вместо созидания, отказе от сотрудничества между классами, отрицании партнерства, гармонизации интересов как условия успешного развития общества.

Поэтому в современных условиях все более широкое распространение получает цивилизационный подход.

Исследование эволюции экономических систем при этом подходе по траектории движения от прошлого к настоящему и будущему ее состоянию осуществляется с принципиально иных, чем при формационном подходе, позиций. Но обоснованным критерием научной оценки он может выступать, на наш взгляд, лишь применительно к исследованию современных модификаций экономических систем высокоразвитых государств, достигших высокого уровня цивилизации, материальной и духовной культуры (абсурдность его применения к исследованию таких этапов в развитии человеческого общества, как варварство, дикость, становится очевидной).

В школьных учебниках западных стран цивилизация определяется как совокупность исторических, географических, социально-культурных и интеллектуальных способностей тех или иных стран и народов на определенном этапе развития.

Цивилизация – это определенное качество жизни в определенном месте и в определенное время. Тем не менее, понятие цивилизации в публицистической литературе употребляется зачастую в различных значениях. В нашем исследовании речь идет о цивилизации в смысле воплощения цивилизационного процесса, понимаемого как совершенствование общества, и отождествляется, по сути дела, с социальным прогрессом. В этом смысле концепция цивилизации исходит из следующих основных предпосылок:

а) мерилom цивилизационного процесса выступает человек, его свобода, возможность саморазвития, самовыражения, т.е. все то, что способствует реализации общечеловеческих ценностей;

б) предполагается, что всем этим критериям в наибольшей мере отвечает опыт развития западной цивилизации, в рамках которой формировался и развивался капитализм. Как писал И. Шумпетер, «все черты и достижения современной цивилизации прямо или косвенно являются продуктами капиталистического процесса. Они должны быть включены в его балансовый отчет, учтены в приговоре относительно его деяний позитивных и негативных» [2];

в) предполагается также, что концепция цивилизационного процесса основана на вере в возможности возникновения единой мировой цивилизации.

В основе этого подхода лежит признание многовариантности человеческого развития и необходимость перехода от одномерного к многомерно-

му, многовариантному анализу формирующихся социально-экономических систем. Это в полной мере относится и к дальнейшей эволюции капиталистической системы, поскольку капитализм в процессе своего исторического развития прошел ряд стадий, в ходе которых испытал существенную трансформацию как по линии отношений собственности, производственных отношений, так и по линии хозяйственного механизма, то есть механизма регулирования экономической жизни. В ходе этой трансформации менялись его социальные структуры, классовый состав, менялось положение человека в системе общественного производства. Существенные перемены претерпевала позиция государства, оно стало важнейшим регулятором социально-экономической жизни общества.

Следует отметить, что цивилизационный подход требует особого внимания к анализу правовых норм, регулирующих производственно-экономические отношения людей, поскольку именно развитие правовых норм во многом делает общество более цивилизованным. В настоящее время становится очевидным, что дальнейшее развитие экономической системы втягивает мир в какую-то новую стадию, новую цивилизацию, где все возможно будет «ради человека и во имя человека».

Цивилизационный подход предполагает развитие общества с позиции общечеловеческих интересов и ценностей. Он базируется на высоком уровне общечеловеческой и экономической культуры. В его основе – не разрушение и противостояние классов, а их партнерство, сотрудничество, гармонизация интересов.

И хотя и в настоящее время трудно найти общество с абсолютной бесклассовой идиллией, на определенном этапе экономического развития формируются в ряде высокоразвитых государств мира экономические системы, базирующиеся на использовании многообразия форм собственности, высокой духовности, культуры сообщества людей, наличия совершенной правовой основы, четкой регламентации взаимоотношений хозяйствующих субъектов, а также работодателей и наемных рабочих, высокой степени социальной защищенности людей. Анализ таких экономических систем или так называемых государств общего благоденствия, с позиции формационного подхода, теряет свою актуальность. Мир стремительно втягивается в новую систему экономических взаимоотношений, закладываются основы нового миропорядка, формируются черты планетарной экономической системы.

Основой зарождающейся глобальной метасистемы может и должен стать высокий уровень культуры, которая все более становится следствием и условием организации цивилизованных, социальных рыночных, как правило, смешанных, экономических систем.

И в этой связи следует особо выделить роль экономической культуры в современном обществе.

Экономическая культура занимает особое место в развитии человеческого общества и базируется на принципах общечеловеческой культуры.

Экономическая культура – это совокупность материальных и духовных средств экономической деятельности, а также традиций, норм, привычек людей, регулирующих экономическую жизнь. Она имеет сложную структуру и включает в себя культуру труда (производства); культуру обмена (торговли); культуру распределения; культуру потребления; культуру быта; культуру использования свободного времени; культуру управления; экологическую культуру, включая экономическую идеологию.

Сегодня важнейшими функциями экономической культуры выступают: уровень экономической подготовленности личности, экономическое образование, наличие навыков рациональной организации труда, соблюдение

режима экономии времени, творчество и изобретательность в труде, осуществление эффективного оптимального выбора в решении социально-экономических проблем, превращение этих категорий в норму повседневного поведения.

Цивилизационный подход в основе своей базируется на самом широком использовании элементов экономической культуры, с помощью которой по-иному решаются основные хозяйственные проблемы.

Исключительную роль в воспитании и формировании экономической культуры играет образование, изучение основ экономической теории, законов общественного развития, всех необходимых понятий и категорий.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что на современном этапе развития, общественное производство, достигшее высочайшего уровня автоматизации, заменяющей человеческую силу силами природы, а единичный труд кооперированным, связанный единой цепью по всему земному шару – это качественно новое явление, новый момент в эволюционном процессе, новая ступень цивилизованности в формировании современных моделей экономических систем, новая ступень в усилении их социализации. Источником, движущей силой этих процессов является человек, изменяющий характер своего труда и изменяющийся при этом сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42., 1951. – С. 126.
2. Schumpeter R. Capitalism and Democracy. – New York, London, 1942. – P. 125.

S U M M A R Y

The article deals with the critical outline different approaches in researches of economic systems evolution.

Поступила в редакцию 19.01.2004

УДК 334.7

В.И. Орлов

Современные концепции предпринимательской деятельности: концептуальный статус и социальные функции

В современной философской, социально-политической и экономической литературе термин «предприниматель» используется во множестве различных по смыслу значений. И хотя сам термин «предприниматель» (entrepreneur) был впервые введен французским экономистом Р. Кантильоном в книге «Очерк о природе коммерции», в настоящее время столько определений предпринимателя, сколько людей занимается предпринимательской деятельностью. Исключительная полисемия данного термина породила феномен исследования эволюции взглядов на предпринимателя и предпринимательство. В отечественной литературе среди работ подобного

рода необходимо выделить труды В.С. Автономова, А.В. Бусыгина, Л. Колесниковой. Исходя из идеи о том, что с течением времени понятие «предпринимательство» имело различный концептуальный статус в зависимости от изменения реальной роли предпринимателя в социально-экономической жизни общества, данные авторы выделяют четыре «волны» эволюции концепций предпринимательства.

«Первая волна», возникновение которой они относят к XVIII в., связывается с риском как основной функциональной характеристикой предпринимательства. «Вторая волна» эволюции концепций предпринимательства связана с инновационностью как его основной чертой. Общей чертой работ «второй волны» можно считать их концентрацию на личности предпринимателя. И первая, и «вторая волны» развития теории предпринимательской функции были основаны на идее монофункциональности предпринимательской роли, что не могло не приводить к односторонности в толковании проблем предпринимательства. Поэтому, начиная со второй половины XX в., все большее число исследователей делают попытки интегрированного рассмотрения предпринимательства как полифункциональной деятельности во взаимосвязи ее с макросредой.

«Третья волна» отличается вниманием к особым личностным качествам предпринимателя. Она связана с именами Л. Мизеса и Ф. Хайека, идеи которых развил американский экономист И. Кирцнер. Л. Мизес определяет предпринимательство как человеческую деятельность, которая рассматривается исключительно с точки зрения неопределенности, свойственной любой деятельности [1]. Вслед за Л. Мизесом И. Кирцнер показывает, что предпринимательство не является свойством, присущим только коммерсантам или спекулянтам, занимающимся исключительно рискованными операциями. Суть активного предпринимательства, прежде всего, в бдительности к ранее незамеченным возможностям. «Предпринимательство заключается не в том, – отмечает И. Кирцнер, – чтобы схватить свободную 10-долларовую банкноту, которую кто-то уже обнаружил лежащей в чьей-то руке, а в том, чтобы осознать, что она находится в чьей-то руке и ее можно схватить» [2].

«Четвертая волна» возникает с появлением работ П. Друкера и Г. Пиншота. Американский ученый П. Друкер полагает, что предпринимательство нельзя отнести ни к науке, ни к искусству. По его мнению, – это конкретная деятельность, практика, содержанием которой является нововведение во всех сферах, в том числе и в управлении. Работы Г. Пиншота, введшего термины «интрапренер», «интрапренерство» и «интракапитал», положили начало формированию современных концепций «внутрифирменного предпринимательства», укрепили понимание предпринимательства как глобального процессного явления, не обязательно ассоциируемого с понятием собственности.

Наряду с рассмотренной концепцией «четырёх волн» существуют и иные подходы к систематизации различных исторически сложившихся точек зрения на феномен предпринимательства. Так, в работе Л. Колесниковой выделяется два глобальных этапа развития теории предпринимательства. Особенности первого этапа, по ее мнению, являются: 1) рассмотрение предпринимательского процесса в качестве замкнутой системы «предприниматель/предприятие – среда его развития» и 2) разделение предметно-материального и идеально-творческого начал в предпринимательской деятельности человека и организаций [3]. Первый этап эволюции теории предпринимательства, связанный со становлением экономической теории равновесия и ее линейной познавательной парадигмы, охватывает большую часть работ первой, второй, третьей и частично четвертой «волн». Этот этап зало-

жил мощный фундамент для создания теории предпринимательства, синергетической экономической теории, описывающих неравновесное, динамичное эволюционирующее сообщество разнообразных экономических систем.

Второй глобальный этап дал начало развитию данной теории в ряде исследований. Среди заметных работ в этой области выделяются труды зарубежных ученых Х. Велу, Д. Стори, А. Ослунда и российских специалистов А. Авиловой, Т. Алимовой, Е. Бухвальда, В. Виленского, В. Голиковой, В. Радаева, А. Чепуренко. Особенностью этого этапа Л. Колесникова считает «осознание возрастающей степени неравновесности в энерго-массо-информационно-обменных процессах жизнедеятельности организаций, функционирующих преимущественно по принципу открытых систем и изменяющих среду своего обитания до качественно иных форм. На этом этапе, с развитием познавательной деятельности человека, осознание единства предметно-материального и идеально-творческого начал – человеческого и природного – должно стать доминирующей особенностью наиболее жизнеспособных социально-экономических систем» [3, с. 47].

Рассмотренные нами подходы к анализу феномена предпринимательства исследуют проблему в аспекте исторической динамики, то есть показывают, как эволюционировало понимание данного термина под воздействием изменений, происходящих в экономической сфере жизни общества. Наряду с этим существуют иные подходы, и в первую очередь необходимо выделить подход Л. Мизеса, который, на наш взгляд, уместно назвать «структурно-иерархическим». В своей работе «Человеческая деятельность» данный автор выделяет три уровня анализа понятия «предприниматель». К первому уровню он относит чисто экономическое понимание данного термина. «Экономический термин «предприниматель» является строгим понятием, – утверждает автор, – которое в рамках теории рыночной экономики обозначает четко интегрированную функцию» [1, с. 61]. «Эта функция не является специфическим свойством особой группы или класса людей; она присуща любой деятельности и обременяет любого действующего субъекта» [1, с. 239]. Ко второму уровню известный экономист относит идеальный тип предпринимателя, используемый в экономической истории и дескриптивной экономической теории. К третьему уровню Л. Мизес относит юридический термин «предприниматель».

На наш взгляд, наиболее плодотворным является структурно-нуклеарный подход к классификации различных точек зрения на понятия «предприниматель» и «предпринимательство». В рамках этого подхода автор предлагает выделить, во-первых, теории, в которых ключом для понимания данных понятий считаются рыночные отношения. Так, ученик Л. фон Мизеса, американский экономист Израэлл М. Кирцнер в своей работе «Конкуренция и предпринимательство» приходит к выводу о том, что, с одной стороны, движущей силой любого рыночного процесса является стремление предпринимателей получить прибыль. А с другой, рыночная экономика объективно устроена таким образом, что в ней всегда есть место для предпринимательской деятельности. Для понимания рыночного процесса И. Кирцнер вводит понятие *предпринимательского элемента*: «Рынок, состоящий только из экономически рациональных, максимизирующих индивидов, не порождает рыночного процесса, который мы пытаемся понять. Для появления рыночного процесса нам требуется еще один элемент, который невозможно постичь в узких концептуальных границах экономически рационального поведения. Этот элемент рынка лучше всего определяется как предпринимательство» [2, с. 40]. Собственность и предпринимательство рассматриваются И. Кирцнером как совершенно разные функции. «Чистый предприниматель продолжает с помощью своей бдительности открывать и использовать ситуации, в которых он может про-

дать по высокой цене то, что он может купить по низкой цене. Чисто предпринимательская прибыль является разницей между двумя этими ценами. Она получается не в результате обмена того, что предприниматель ценит меньше, на то, что он ценит выше. Она достигается за счет обнаружения продавцов и покупателей чего-то, за что последние заплатят больше, чем требуют первые. Открытие прибыльной возможности означает открытие чего-то, что может быть получено ни за что. Не требуется вообще никаких вложений» [2, с. 57].

Еще одна точка зрения, на основании которой анализ феномена предпринимательства происходит на понимании его детерминированности рынком, представлена в работе «Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» известного экономиста Х. Лейбенштейна. Он считает, что сама возможность предпринимательства возникает вследствие нереалистичности посылок: что производственная функция «четко определена, полностью специфицирована и полностью известна», а также «что полный набор факторов производства точно определен и известен всем действующим или потенциальным фирмам отрасли» [2, с. 55]. Для Х. Лейбенштейна предпринимательство и открывающая простор предпринимательству «х-неэффективность» являются важными игнорируемыми аспектами рынка, в отличие от И. Кирцнера, для которого открывающее простор предпринимательству несовершенство знания и само предпринимательство являются важными элементами в рыночном процессе вообще [2, с. 55].

Во-вторых, необходимо отметить теории, ядром которых являются не внешние условия предпринимательской деятельности, а личность самого предпринимателя. Согласно точке зрения Й. Шумпетера, именно деятельность самого предпринимателя является главным источником всех изменений, происходящих в экономической сфере. Предприниматель, считает Й. Шумпетер, действует, чтобы нарушить существующее положение равновесия, так как предпринимательская деятельность разрывает непрерывный кругооборот, и инициирует изменение, генерируя новые возможности. Он является силой, нарушающей равновесие, хотя, в конце концов, каждый взрыв предпринимательских нововведений приводит к новой ситуации равновесия. Предпринимательство заключается во внедрении новых процессов производства – производства новых продуктов или производства старых продуктов новым способом. Для Й. Шумпетера предпринимательство важно, прежде всего, в качестве искры зажигания экономического развития. Для него это просто «непрерывный шторм созидательного разрушения» [4]. Он считает, что сущность предпринимателя заключается в способности вырваться из рутины, разрушить существующие структуры, сдвинуть систему с траектории равномерного кругооборота потока равновесия, а предпринимательство – это разрушительная, нарушающая равновесие сила, которая выводит рынок из состояния равновесия. Предпринимательская деятельность является источником эволюционного процесса, она зарезервирована за блестящими, одаренными богатым воображением, отважными, изобретательными новаторами. Й. Шумпетер представлял предпринимательство как спонтанное разрушение равновесия. Предпринимательская деятельность, по его мнению, – это не профессия, а уникальная и редко обнаруживаемая способность продвижения инноваций на рынок посредством рискованного бизнеса.

Обратим внимание на то, что согласно Й. Шумпетеру, одним из основных отличительных признаков предпринимателя является инновационный характер его деятельности. В своей работе «Теория экономического развития» он заложил основы данного понимания сущности теории предпринимательства. В дальнейшем эта концепция была разработана с разными акцентами у многих исследователей. Так, например, американский ученый, профессор Р. Хиз-

рич определяет «предпринимательство как процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью, а предпринимателя – как человека, который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым» [5]. Инновационную теорию предпринимательства развил П. Друкер в книге «Нововведение и предпринимательство». Данной точки зрения придерживается известный российский специалист в области предпринимательства В.Е. Савченко. «Предпринимательство, – определяет он, – это особый вид бизнеса. Его целью является получение не прибыли вообще, а сверхприбыли, то есть предпринимательского дохода... Предпринимательство – это особая инновационная форма производства, которая в соответствующих исторических и социально экономических условиях становится преобладающей, что и обеспечивает всему общественному воспроизводству необходимую динамику» [6].

Предпринимательство как особый социальный феномен, по мнению авторов, выполняет определенную функцию в обществе. Предпринимательская функция в процессе своей реализации распадается на ряд подфункций, которые в самых разнообразных сочетаниях включаются в целостный акт предпринимательского поведения. Данные подфункции могут быть как распределены между многими индивидами, так и интегрированы в одном лице. Причем все эти относительно самостоятельные функции тесным образом связаны с инновационным характером деятельности предпринимателя. В качестве таких функций В.И. Верховин и С.Б. Логинов выделяют следующие:

первая – перманентный поиск редких экономических ресурсов (благ, услуг, информации, новых организационных решений, уникальных профессиональных способностей);

вторая – изобретение новых экономических ресурсов (инновационных процессов, продуктов и информации);

третья – накопление и концентрация редких ресурсов (благ, услуг, информации) в собственности отдельных агентов с целью их последующего запуска в предпринимательский оборот;

четвертая – формирование благоприятной рыночной конъюнктуры (через оптимальную комбинацию имеющихся ресурсов, новых организационных решений, контрактных и коммерческих сделок);

пятая – оперативный поиск конъюнктурной ценовой информации с целью выбора тех секторов рынка, где наиболее вероятен успех производства, внедрения и сбыта инновационного продукта;

шестая – защита конфиденциальной информации и других экономических преимуществ от посягательства конкурентов;

седьмая – минимизация конкурентного воздействия тех, кто преследует аналогичные цели;

восьмая – защита номинального и реального права собственности на результаты предпринимательского успеха;

девятая – обеспечение выживания предпринимательских структур в экстремальных ситуациях;

десятая – консервация и передача новым поколениям предпринимательской культуры [7].

Рассматривая предпринимательство как особый вид инновационной деятельности, академик Т.И. Заславская выделяет в качестве исходной три позиции, основываясь на которых можно достаточно продуктивно анализировать данный феномен. Согласно первой, роль базового понятия играет предприимчивость, которая понимается как способность достигать

предпринимательских целей за счет собственной инициативы и изобретательности, а также готовность к риску и принятию нестандартных решений. Согласно второй позиции, предпринимательство рассматривается как «тип деятельности, являющийся базой возникновения и развития соответствующего социального слоя. Конституирующими признаками последнего выступают: деятельность, направленная на получение прибыли; свобода и автономность экономических решений; самостоятельный характер деятельности, выражающийся в личном риске и личной ответственности» [8]. Предпринимательство рассматривается как специфический слой в социальной структуре общества. Согласно третьему взгляду, предпринимательство рассматривается через понятие «предприниматель», под которым понимается человек, действующий в условиях свободной рыночной экономики и преследующий цель максимизации прибыли. При этом имеет место трактовка предпринимательства как типа экономической деятельности, с одной стороны, и социального слоя – с другой. Отметим, что приведенный анализ предпринимательства, в рамках инновационной природы последнего, охватывает самые разные его признаки: экономические (получение прибыли, автономность экономических решений), социокультурные (социальный слой, группа), нравственные (свобода, личная ответственность), психологические (творчество, личный риск, удовлетворенность).

Любой инновационный социальный процесс не может носить жестко детерминированного характера, а следовательно, инновационная деятельность предпринимателя всегда сопряжена с риском. Принимая за базовые характеристики риск и восприимчивость к инновациям, В.Г. Смольков считает, что «предприниматель – это своеобразная антитеза менеджеру, поскольку первый работает в неструктурированном окружении, где быстрые изменения происходят все время... предприниматель имеет возможность своеобразного целеполагания, конструирования цели деятельности» [9]. Похожее определение дает В.Е. Савченко, считающий, что предприниматель – «это субъективный (личностный) фактор воспроизводства, способный на инициативной и инновационной основе, не боясь полной экономической ответственности идти на риск и особым образом соединять другие факторы производства так, чтобы в перспективе получить дополнительный доход» [6, с. 12].

Как мы видим, сущность понятия «предприниматель» тесно взаимосвязана с сущностью понятия «предпринимательская деятельность». Учитывая это, И.М. Модель и Б.С. Модель даже предлагают определять предпринимательство не через призму личности самого предпринимателя, а через видовую сущность первого – как специфического вида человеческой деятельности. Предметом, специфицирующим предпринимательство как вид деятельности, они определяют частный капитал. С их точки зрения, «предпринимательство – это не что иное, как профессиональная экономическая деятельность, направленная на расширенное воспроизводство собственного капитала с целью получения прибыли безотносительно к конкретной сфере производства, материального и духовного» [10]. Авторы полагают, что эта дефиниция отсекает все вторичные признаки, конституирующие не само предпринимательство, как вид профессиональной деятельности, а категорию, органически связанную с последним – «предприниматель». Из данного понимания предпринимательства они выводят определение понятия «предприниматель», предлагая «считать предпринимателем лицо, для которого расширенное воспроизводство собственного или заемного капитала является основным видом профессиональной деятельности» [10, с. 14].

Такое расширенное воспроизводство, вложенное в производство капитала, требует от предпринимателя умения управлять этим производством. Отметим, что последнее – это не только управление людьми, но и всеми иными факторами производства. Вот почему Л. Мизес считал, что «специфическая предпринимательская функция заключается в определении сфер применения факторов производства. Предприниматель – это человек, который находит им какое-либо особое предназначение» [1, с. 274]. В чем сущность этой функции и каким образом происходит ее реализация? Известный немецкий специалист в области бизнеса Р. Шпицнер следующим образом отвечает на этот вопрос. «Суть предпринимательской деятельности. – считает он, – состоит в совокупности интеллектуальной деятельности по расширению знаний о личных возможностях, увязке личных возможностей с новым результатом, сравнении нескольких результатов, выборе предпочтительного результата и реализации его при личном участии» [11].

В уже отмечавшейся нами работе Л. Колесниковой осуществлен синтез двух подходов к анализу понятия «предпринимательство». Подхода, фокусирующегося на предпринимателе и его деятельности в конкретных условиях внешней среды, воспринимаемой исследователем в качестве объективного и не изменяющегося во времени фактора (линейный равновесный подход, исходящий из замкнутости системы «предприниматель/предприятие – среда его развития»); и подхода, акцентирующего взаимосвязь предпринимателя/предприятия и среды его деятельности (интерактивный, нелинейный неравновесный или синергетический подход, исходящий из открытости системы «предприниматель/предприятие – среда его развития»). Сама Л. Колесникова считает, что именно синергетический подход является наиболее продуктивным средством анализа феномена предпринимательства. С точки зрения нелинейного синергетического подхода она определяет «предпринимательство как процесс самообновления и самоорганизации индивидуумов и предприятий, осуществляемый во взаимодействии с микро- и макросредой их функционирования. Этот процесс преследует цель максимизации возможностей предпринимателя удовлетворять комплекс его социально-экономических потребностей в рамках неравновесного динамического баланса противоречивых социально-экономических интересов участников этого процесса – индивидуумов, организаций и общества в целом» [3, с. 47]. Принципиальной особенностью синергетического подхода, по мнению автора, является учет единства предметно-материального и идеально-творческого начал в предпринимательской деятельности. В предлагаемую модель вводится такая важная энерго-массо-информационная (ЭМИ) обменная компонента как энергия, с разделением ее на два подвида – энергию труда и энергию предпринимательской активности. «В целом предпринимательская способность как хозяйственный ресурс, – утверждает Л. Колесникова, – не ограничивается энергией.... а включает также опыт и знания, навыки и умения предпринимателя. Предпринимательская активность является ключевым понятием, помогающим увидеть отличие предпринимательской деятельности от обычной хозяйственной» [3, с. 51]. Предпринимательская активность, по мнению Л. Колесниковой, не является застывшим свойством или характеристикой и может варьироваться с течением времени и на различных этапах развития предпринимательства. На начальном этапе развития требуется больше предпринимательской активности, чем в последующей деятельности. Предпринимательская активность возрастает при обновлении деятельности предприятия. Рост бизнеса и его развитие – не одно и то же. Рост бизнеса сопровождается увеличением основных показателей его деятельности: оборота, числа занятых, балансовой стоимости активов и др. Из данного пони-

мания предпринимательской деятельности можно сделать вывод о том, что предпринимательство отнюдь не ограничено сферой экономики, а является инвариантом различных видов человеческой деятельности.

В заключение нашего анализа различных точек зрения на предпринимательство приведем мнение российского экономиста А.В. Бусыгина, считающего, что «с философской точки зрения предпринимательство может быть охарактеризовано как особый настрой души, как форма деловой романтики, как средство реализации человеком присущих ему потенций... в профессиональном смысле предпринимательство рассматривается как умение организовать собственный бизнес и достаточно успешно осуществлять функции, связанные с ведением собственного дела» [12]. На наш взгляд, А.В. Бусыгину удалось соединить в единое целое как деятельностьную сторону предпринимательства, так и его внутреннюю человеческую сущность (о последней мы будем говорить впоследствии более подробно).

Таким образом, различные точки зрения на понятия «предприниматель» и «предпринимательство» обусловлены, во-первых, наличием разных исходных подходов к анализу сущности данного понятия: экономических (связанных с получением прибыли и сверхприбыли, удовлетворением потребностей общества и отдельных индивидов, независимостью принимаемых решений); психологических (включающих в себя понятие творчества, личного риска, игры, удовлетворенности от самого процесса деятельности); коммуникационно-управленческих; нравственных (связанных со свободой и личной ответственностью; и, наконец, экзистенциально-сущностных (проистекающих из человеческой природы). Во-вторых, различным сочетанием отмеченных нами подходов. Отметим, что у подавляющего большинства исследователей в определении предпринимателя присутствует указание на инновационный характер его деятельности, а также на принципиальную неопределенность обстоятельств, в рамках которых ему приходится действовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мизес Л.** Человеческая деятельность. – М., 2000. – С. 239.
2. **Кирцнер И.** Конкуренция и предпринимательство. – М., 2001. – С. 56.
3. **Колесникова Л.** Предпринимательство: от «максимизации проблем» к синергии социально-экономических систем // Вопросы экономики, 2001, № 10. – С. 46.
4. **Шумпетер Й.** Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.
5. **Хизрич Р., Питерс М.** Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. – М., 1992. – С. 20.
6. **Савченко В.Е.** Современное предпринимательство. – М., 1997. – С. 16–17.
7. **Верховин В.И., Логинов С.Б.** Феномен предпринимательского поведения // Социологические исследования, 1995, № 8. – С. 66.
8. **Заславская Т.И.** Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования, 1995, № 3. – С. 7.
9. **Смольников В.Г.** Предпринимательство как особый вид деятельности // Социологические исследования, 1994, № 2. – С. 19.
10. **Модель И.М., Модель Б.С.** Профессиональная культура предпринимателя // Социологические исследования, 1997, № 10. – С. 13–14.
11. **Шпицнер Р.** Азбука бизнесмена: Практи. пособие. – Мн., 1994. – С. 42.
12. **Бусыгин А.В.** Предпринимательство: Основной курс. – М., 1997. – С. 7–8.

S U M M A R Y

The article deals with the structure nuclear and innovation and other approaches to the classification of concepts of business and its social functions.

Поступила в редакцию 30.01.2004

УДК 940.5(430) «1919»

П.В. Борботько

Правотворческая деятельность фракции СДПГ по вопросу принятия конституции в немецком Национальном собрании в 1919 году

1919 год стал решающим в процессе создания нового немецкого государственного объединения – Веймарской республики. Социал-демократическая партия Германии и ее фракция в Национальном собрании приняли активное участие в разработке не только конституции нового государства, но многочисленных законопроектов. Самые острые дискуссии в 1919 году шли по вопросам новой конституции Германской республики.

Немецкая социал-демократия строила свою деятельность исходя из положений Эрфуртской программы, а также партийного манифеста, использовавшегося во время выборов в Национальное собрание [1].

Если рассматривать сами конкретные требования СДПГ в области государственного (конституционного) права, то следует отметить, что они небольшие по своему содержанию и объему. В данном документе повторялись постоянные требования партийных манифестов, утвержденных в Айзенахе (1869 г.) и Готе (1875 г.).

Среди политических требований, игравших для немецкой социал-демократии исключительно важную роль, выдвигались требования достижения незначительного объема прав и свобод граждан. Среди них – право немцев на свободное народное государство, построенное на принципах демократии; равенство всех граждан перед законом, отмена всех классовых привилегий, право народа на выступление против общественной несправедливости, введение избирательных прав для граждан, достигших 20 лет, на провинциальное и муниципальное представительство; на осуществление непосредственного законодательства; на создание народного сопротивления вместо постоянных армий.

В отдельную группу выделялись проблемы защиты человека от любого вида эксплуатации: установление действенного контроля за расходованием государством средств на помощь производственным социалистическим товариществам. Политическая организация высказалась за право народа решать вопросы о войне и мире; за ликвидацию всех чрезвычайных законов, ограничивающих демократические права на свободу собраний, слова, мысли, создание коалиций; ликвидацию политического неравенства, полное самоуправление рабочих и т.д.

Каких-либо требований, касающихся системы государственных органов власти, их структуры и компетенции, формы государственного устройства и т.д., программные документы не ставили. Данный круг вопросов разрабаты-

вался в полемических брошюрах и на страницах партийной прессы видными теоретиками СДПГ Эдуардом Бернштейном, Антонией Пфюльф, Георгом Граднауэром, Паулем Хиршем и др.

Ситуация, сложившаяся во время выборов в Национальное собрание, привела к тому, что фракции социал-демократов пришлось образовать правительства Филиппа Шейдемана (13.02.1919 – 30.06.1919 г.) и Густава Бауэра (21.06.1919 – 26.03.1920 г.) в коалиции с Немецкой христианской партией Центра (далее Центр) и Немецкой демократической партией (НДП). Создание коалиционного правительства требовало от социал-демократии пойти на уступки союзникам. Центр требовал получения права вмешиваться в разработку конституционных норм, касающихся вопросов взаимоотношения церкви и государства, брака и семьи, воспитания и образования. НДП – предоставить разработку текста конституционного проекта виднейшему теоретику партии, известному специалисту в области государственного права, Гуго Пре́йсу. Оба эти требования были выполнены партией.

С 24 февраля Национальное собрание приступило к обсуждению проекта конституции, предоставленного Г. Пре́йсом. 27-го числа была составлена комиссия из 28 человек, которая занималась его изменением и доработкой в период с марта по июль 1919 года. Ее работа проходила на 42 заседаниях. С первых шагов работы Конституционной комиссии правительство Ф. Шейдемана и фракции правящих партий подверглись давлению со стороны депутатов парламента от Независимой социал-демократической партии (НСДПГ) слева, а также Немецкой народной партии (ННП) и Немецкой национальной народной партии (НННП) справа.

Острейшие споры разгорелись по проблемам построения немецкого государства на унитарных или федеративных основах, о функциях и компетенции Рейхсрата, правах немецких земель, по вопросам прав и свобод граждан.

Не было также единого взгляда на проблемы конституционного права и в рядах самих членов Социал-демократической партии. Так, например, не все предложения фракции находили поддержку у членов организации, действовавших на местном уровне. Так, министр-президент П. Хирш, возглавлявший социал-демократическое правительство Пруссии, в своем письме от 6 июня 1919 года, критиковал статьи 15 и 21 проекта конституции как неприемлемые для его земли. По его мнению, статья 15, определявшая право центрального правительства решать территориальные вопросы, возникающие во взаимоотношениях местных ландтагов друг с другом, ущемляла интересы его региона. Статья 21 уменьшала ее представительство в Рейхсрате вдвое. Это сказалось при выработке общей стратегии фракции в Национальном собрании, приведя к противостоянию депутатов от Пруссии с социал-демократами, представлявшими остальные земли.

В связи со сложностями, вызванными голосованием по проекту, предложенному Г. Пре́йсом, вопрос о деятельности партийной фракции был вынесен на повестку дня съезда организации, состоявшегося в июне 1919 года.

В тот момент, когда 10–15 июня проходил съезд СДПГ в Веймаре, уже стали известны результаты пленарного заседания Национального собрания по вопросу о первом чтении проекта новой конституции. Отчет о деятельности партийных представителей сделал С. Катценштайн. Он обратил внимание делегатов на слабость, просчеты и ошибки, допущенные руководством в предшествующий период и на разногласия в рядах партии по тем или иным вопросам.

Дальнейшей работе правительства Ф. Шейдемана помешали серьезные противоречия, возникшие в Веймарской коалиции по вопросу о заключении Версальского мирного договора. Поэтому основные дебаты по проблемам

конституционного права пришлось на период работы правительства социал-демократа Г. Бауэра, в котором СДПГ имела 7 министерских портфелей.

Второе обсуждение проекта конституции в немецком парламенте, начавшееся со 2 июля растянулось на 13 сессионных дней, закончившись только 22 числа. Оно привело к поражению партии в принципиально важном для нее вопросе. Несмотря на активные выступления социал-демократа А. Кварка за то, чтобы заголовок конституции гласил: «Конституция немецкой республики» было принято название «Конституция немецкого рейха». Произошло это под давлением правых и центристских партий [2].

Разногласия в парламенте вызвал вопрос и о государственной символике. Немецкая национальная народная партия (НННП) и Немецкая народная партия (ННП) выступили с предложением провозгласить государственными цветами черно-бело-красный, что ассоциировалось с прежней империей. Фракция СДПГ предлагала утвердить черно-красно-золотой флаг как символ республики. Несмотря на значительную поддержку предложения правых партий большим числом членов НДП, голосование по данному вопросу привело к несколько неожиданному результату – 211 голос депутатов был подан за черно-красно-золотой цвет. Против этого предложения высказались только 89 депутатов [3].

Жаркие споры вызвало обсуждение статьи 18, касавшейся территориального переустройства Германии. Член СДПГ В. Зольман обозначил два пути территориальных преобразований в стране: принятие обычного имперского закона при наличии согласия заинтересованных правительств отдельных земель или принятие имперского закона вопреки воле «заинтересованных земель», но при наличии воли местного населения и интересов самого рейха. Как уже указывалось выше, по данному вопросу не было единства в рядах самой партии (министр-президент Пруссии Хирш выступал за первый путь, многие члены фракции – за второй). По предложению группы депутатов правящей коалиции партий, прежде всего Г. Лебе (СДПГ), было принято временное компромиссное решение о приостановке действия пунктов 2–5 данной статьи на двухгодичный срок. К этой проблеме предполагалось вернуться, и решить ее окончательно в дальнейшем [4].

После принятия такого половинчатого решения НННП и ННП развернули дискуссию о том, должна ли каждая земля иметь свою собственную конституцию. Вопрос был важным с точки зрения борьбы федералистского и антифедералистского течений в Национальном собрании. Полемика дошла до споров по вопросам предоставления пропорционального избирательного права всем гражданам республики, следует ли подобные основы народного представительства, действующие в землях, распространять также и на выборы в общинах. Данный вопрос затрагивал идеологические основы партийной программы. Фракции СДПГ удалось отстоять свою позицию по данному вопросу. Споры вызвал и вопрос о введении возрастного ценза для избирателей. НННП полагала, что данный вопрос не стоит оговаривать в конституции, а необходимо закрепить его в специальном Законе о выборах, в котором можно будет ценз значительно поднять. ННП выступила за законодательное закрепление ценза в 24 года. Только выступление С. Катценштайна по данному вопросу склонило депутатов Национального собрания к точке зрения социал-демократов.

Острые дискуссии вызвали также вопросы об установлении периодичности выборов в представительные органы власти раз в три года, о праве Рейхстага на объявление войны, заключение договоров и денонсацию тайных договоров, о правах граждан, отмене дворянских привилегий и т.д.

Фракция СДПГ не смогла добиться победы в дискуссиях по данным проблемам. Например, Комиссия установила срок деятельности Рейхстага в пять

лет. Следует отметить, что все правые партии поддержали данное предложение, в то время как социал-демократия неудачно пробовала закрепить трехлетний избирательный период. В итоге большинство демократов проголосовало за избрание Рейхстага сроком на 4 года. Правые партии отклонили многие из предложений, касавшихся прав граждан. Так, за отмену дворянских привилегий проголосовало только 127 делегатов Национального собрания против – 153. Предложение социал-демократов об отмене смертной казни было отклонено 153 голосами против 128.

Более удачной была совместная борьба с фракцией Центра по вопросам расширения правовой защиты матери и ребенка, особенно внебрачных детей. Было принято предложение депутатов партии о передаче полезных ископаемых и природных ресурсов в общественную собственность. Неудачей обернулось голосование социал-демократов за спорное определение, закреплявшее норму о том, что ни один член семьи землевладельца не может участвовать в избрании президента немецкой республики. Это негативно сказалось на поддержке демократических преобразований социал-демократов со стороны левых партий.

Третье обсуждение конституции началось на 69-м заседании 29 июля. Фракция потребовала предоставить Рейхстагу и Рейхсрату право избирать рейхс-президента и установить срок его полномочий в пять лет. Депутаты от партии были вынуждены сами отозвать свой запрос. До этого, еще 29 мая 1919 года, члены СДПГ постарались обратить внимание Конституционной комиссии на срок полномочий Национального собрания и первого президента республики. Ими было внесено предложение о том, что он должен продолжаться до 31 декабря 1921 года. Однако данный проект не был принят. Срок деятельности президента был установлен в 7 лет.

Во время третьего чтения правые партии повторили все свои предложения, о которых сказано выше. Так, член ННП Р. Хайнце добился того, что в статью 17 добавили абзац о том, что право голоса человека в общине должно зависеть от срока пребывания в ней – до одного года [5]. Таким образом, устанавливался своеобразный ценз оседлости для участия в выборах в местные представительные органы.

Вопросы, предложенные к обсуждению СДПГ, о расширении прав внебрачных детей (статья 19) и о передаче земельных богатств в общественную собственность (статья 152), даже несмотря на вмешательство в их обсуждение рейхс-президента, были окончательно отклонены в третьем чтении. «Против» данных проектов проголосовал 141 депутат, а «за» – 118.

В окончательных дебатах о придании конституционному проекту статуса действующей Конституции ННП заявила, что не будет голосовать «за», поскольку «проект недостаточно консервативен». Она высказалась за сильную федералистскую основу с тем, чтобы ослабить в рейхе влияние Пруссии. Национальная народная партия выступила за монархию, которая «симпатична», по ее мнению, народу, в то время как республика ему чужда. Доктор Р. Хайнце объяснил от имени ННП, что их понимание монархии и республики близко ННП. Конституция, по его мнению, показала дух «экстремальной демократии», который ННП отклонила.

В этих условиях СДПГ была вынуждена идти на компромиссы. Она также имела много возражений против принятия данного законопроекта, в связи с чем заявила, что фракция соглашается с данной конституцией только под давлением правого фронта. Но согласие будет дано в надежде, что «жизненные силы развития» будут сильнее, чем бумажные препятствия, которые сооружаются конституцией. 31 июля 262 депутата Национального собрания одобрили конституцию, 75 голосовали против ее принятия. «Против» проголосовали ННП, ННП и Независимые социал-демократы [6].

Итоги полемики в Национальном собрании показывают, что успехи социал-демократии в дебатах были довольно незначительными. Как утверждают исследователи, Германия, начав путь к унитарному государству, так и не смогла пройти его до конца, многие демократические предложения не нашли в конституции своего отражения, по отдельным принципиальным вопросам были достигнуты половинчатые решения. Это привело к необходимости их доработки в отраслевом праве. В силу давления правых и угрозы нарастания революционного кризиса и слабости программных установок, СДПГ была вынуждена пойти на уступки по большинству важнейших вопросов конституционного устройства Веймарской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Deutsche Parteiprogramme* Herausgegeben von Wilhelm Mommsen. Ordentlicher Professor für mittlere und neue Geschichte. – München, 1960. – S. 420–428.
2. *Die Deutsche Nationalversammlung* im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates. Bd. V. – Berlin, 1919. – S. 2845–3970.
3. *Bericht der Sozialdemokratischen Fraktion der Verfassungsgebenden Nationalversammlung des Deutschen Reiches* Mai 1919 – April 1920 // Protokoll über der Verhandlungen des Parteitages abgehalten in Kassel vom 10. bis 16. Oktober 1920. – Berlin, 1920. – S. 93–96.
4. *Субботин О.Г.* Становление основ веймарского федерализма (1918–1920 гг.). – Мн., 2000. – 133 с.
5. *Конституция Германской империи* // Конституции буржуазных государств. – М.-Л., 1936. – С. 83–115.
6. *Die Deutsche Nationalversammlung* im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates. Bd. VI. – Berlin, 1919. – S. 3565–4258.

S U M M A R Y

The article highlights the legislative activity of SDP fraction in the German National Assembly in 1919. The analysis of its achievements and failures is given.

Поступила в редакцию 24.10.2003

УДК 342.731

А.А. Бочков, Е.Ф. Ивашкевич

Законодательство России и Беларуси в области свободы совести и религиозных организаций

Важная роль в деле сближения России и Беларуси принадлежит религии, которая в значительной степени создает духовную основу этого единения.

Проблемы дальнейшей интеграции России и Беларуси, перспективы унификации их законодательства как необходимого условия правового обеспечения успешности данного процесса являются в настоящее время достаточно сложными и противоречивыми. В то же время для православной церкви на территории обоих государств вопрос единства является решенным окончательно и бесповоротно. Однако, если до 1989 г. в БССР существовала одна

епархия, то в октябре 1989 г. ее положение было повышено путем присвоения статуса экзархата Русской Православной Церкви и создания собственно Священного Синода. В 2000 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где излагаются базовые положения ее учения по вопросам церковно-государственных отношений и по многим современным общественно значимым проблемам [1]. На 1 января 2004 года в Республике Беларусь, помимо БПЦ, насчитывалось 26 религиозных конфессий, 149 религиозных организаций, 43 религиозных объединения. Количество религиозных общин за последние 10 лет увеличилось в 4 раза. Согласно социологическим опросам, православные составляют 80%, католики – 14% от общего числа верующих, при этом относят себя к верующим 55% населения Республики Беларусь. Сходная религиозная ситуация наблюдается и в Российской Федерации. Однако, если в Беларуси самыми распространенными конфессиями являются БПЦ и Римско-католическая церковь, то в России доминирующими по количеству верующих остаются православная и мусульманская религиозные организации.

Основными нормативными правовыми актами, определяющими правовой статус религиозных организаций в Республике Беларусь, являются Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями 1996 г.), Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 года и иные нормативные правовые акты; в Российской Федерации – Конституция РФ 1993 г., Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г., правительственные нормативные правовые акты [2–5].

По Конституции Республики Беларусь и Конституции Российской Федерации провозглашается принцип светскости государства, что означает отделение религии от государства, а государства от религии. Таким образом, государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и определение своей религиозной принадлежности, не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, государственных учреждений и органов местного самоуправления; обеспечивает светский характер образования, не допуская создания и анонимной деятельности религиозных организаций, но разрешая на основании письменных заявлений родителей, самих совершеннолетних учащихся во внеурочное время взаимодействие с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций народов России и Беларуси. Государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации.

По ст. 39 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» предусматривается ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях, а именно: за создание и деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, направленную против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряженную с нарушением прав и свобод граждан; создание религиозных организаций в государственных органах и учреждениях, воинских частях и учреждениях образования; за вовлечение несовершеннолетних в религиозные организации вопреки их воле и без согласия их родителей; оскорбление почитаемых в религии предметов, культовых сооружений; нарушение тайны исповеди, возбуждение религиозной вражды или розни либо оскорбление граждан в связи с их религиозными убеждениями.

В Федеральном законе Российской Федерации в ст. 3 также предусматривается возможность ограничения свободы совести и свободы вероисповедания в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако, если в соответствующем законе Республики Беларусь приоритетное внимание уделяется защите государственных интересов в результате деятельности религиозных объединений, а в ст. 8 подчеркивается «недопущение использования государственной символики, проведения собраний, митингов, предвыборной агитации политического характера, ... выступлений, призывов, оскорбляющих представителей органов государственной власти, должностных лиц и отдельных граждан», то в Федеральном Законе Российской Федерации приоритетным остается «запрещение умышленного оскорбления чувств граждан в связи с отношением к религии, пропагандой религиозного превосходства, уничтожением или повреждением имущества, размещением текстов, изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания».

В демократическом обществе с присущим ему религиозным плюрализмом закономерным является закрепление равенства религий перед законом. Однако, если в российском законодательстве оглашается лишь «особая роль православия в истории России» при уважении остальных перечисленных в законе мировых религий, то в преамбуле закона Республики Беларусь речь идет «об определяющей роли Православной церкви» в развитии духовно-культурных и государственных традиций белорусского народа с указанием исторической роли Католической церкви, Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама. В соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь заключен конкордат-соглашение о сотрудничестве государства и Белорусской Православной Церкви от 12.06.2003 г. На 2001 г. БПЦ имела в своем распоряжении 978 храмов (большинство из которых строится и восстанавливается), в которых осуществляет богослужение более 1000 священников.

Представители иных конфессий в Республике Беларусь опасаются, что данное соглашение может быть не только первым, но и единственным, так как государство имеет право, но не обязано заключать такие соглашения с «нетрадиционными» конфессиями. Сама практика деления конфессий на «традиционные» и «новые», по их мнению, создает прецедент неравенства, привилегированного положения отдельных конфессий. Немало обеспокоены и атеисты, которые ожидают, что соглашение станет правовым обеспечением проникновения религиозных проповедников в систему образования.

По структуре названные законы фактически совпадают: глава 1 посвящена общим положениям, глава 2 – религиозным объединениям (организациям в Республике Беларусь), глава 3 – правам и условиям деятельности религиозных организаций (в Законе Республики Беларусь отдельно рассматриваются в главе 4 регулирование трудовых и связанных с ними отношений в религиозных организациях; однако, наличие в главе 4 всего четырех статей ставит под сомнение оправданность выделения данного правового аспекта в самостоятельный раздел), последняя глава посвящена контролю за исполнением законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях.

На наш взгляд, положительным для белорусского законодательства по сравнению с российским является: наличие в Законе ст. 3 «Основные термины и понятия, используемые в настоящем Законе»; а также подробная регламентация правового статуса в ст. 10–11 органа государственного управления по делам религий; предусмотрены обязательное проведение государственной религиоведческой экспертизы при поступлении религиозной литературы в библиотечные фонды, обязательная маркировка с указанием полного на-

именования религиозных организаций и их конфессиональной принадлежности литературы, иных печатных, аудио- и видеоматериалов, выпускаемых религиозными организациями. Данные положения отсутствуют в соответствующем российском Федеральном законе.

Вместе с тем, бесспорными достоинствами Федерального закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. являются более демократичные требования в случае регистрации и регулирования государством деятельности религиозных организаций, а именно:

- согласно п. 2 ст. 8 предусмотрено деление на местные и централизованные религиозные организации;

- при регистрации местной религиозной организации предусматривается четкое разграничение между ее учредителями (только гражданами России) и участниками (не только гражданами, но и «иными лицами, постоянно и на законных основаниях, проживающих на территории Российской Федерации», что относится к иностранным гражданам и лицам без гражданства, получившим разрешение на постоянное проживание и вид на жительство в Российской Федерации (п. 1 ст. 8). Данное положение полностью отсутствует в соответствующем Законе Республики Беларусь;

- при регистрации местной религиозной организации требуется не менее 10-ти ее правомочных участников (в Республике Беларусь не менее 20-ти граждан) при условии существования на территории Российской Федерации в течение 15-ти лет (в Республике Беларусь – не менее 20-ти лет); централизованные религиозные организации состоят как минимум из трех местных религиозных организаций (согласно ст. 15 Закона Республики Беларусь – «при наличии не менее 10-ти религиозных общин единого вероисповедания»);

- предусмотрена безвозмездная передача государству культовых зданий, говорится о праве собственности на имущество за границей;

- закреплено положение согласно п. 7 ст. 3 о невозможности привлечения священнослужителя к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди, оформлено право обращения к Президенту с просьбой об отсрочке от призыва на действительную воинскую службу и замене ее на альтернативную гражданскую, освобождении от воинских сборов;

- имеется отдельная ст. 13 о представительствах иностранных организаций, которые не могут заниматься культовой и иной религиозной деятельностью (совершением обрядов, церемоний, основанием молитвенных зданий, религиозным обучением, миссионерской деятельностью (в Законе Республики Беларусь данные представительства не упоминаются);

- подробно регламентируется содержание устава религиозной организации, в том числе сведения об основах вероучения, о формах и методах деятельности, отношении к семье, браку, здоровью последователей, образованию, об ограничениях для членов религиозной организации в отношении их гражданских прав и обязанностей, но не требуются в отличие от законодательства Республики Беларусь сведения об органах управления, структуре организации, территориальных пределах сферы деятельности, так как «в Российской Федерации государство не вмешивается во внутреннюю структуру религиозных организаций», соблюдая принцип отделения церкви от государства;

- отдельно оговаривается вопрос о применении в названии термина «российский» при условии существования религиозной организации на территории России не менее 50-ти лет;

- согласно ст. 7 Закона Российской Федерации предусмотрены религиозные группы, осуществляющие деятельность без государственной реги-

страции и приобретения правоспособности юридических лиц с уведомлением органов местного самоуправления о создании в дальнейшем религиозной организации;

– в ст. 11 подробно урегулируется вопрос предоставления устава или иного основополагающего документа иностранной религиозной организации, который удостоверен государственным органом государства нахождения этой организации, в случае нахождения руководящего органа образуемой религиозной организации за пределами Российской Федерации.

Предусмотрен надзор, осуществляемый органами прокуратуры, за исполнение законодательства о свободе совести и религиозных объединениях

В то же время требуют дальнейшего законодательного урегулирования вопросы членства гражданина в нескольких религиозных организациях (действующий Федеральный закон такого ограничения не содержит в отличие от законодательства до 1990 г.), территориального ограничения деятельности религиозной организации, возможности создания в одном городском или сельском поселении нескольких религиозных организаций одного вероисповедания (законодательно запрещен отказ в регистрации по причине нецелесообразности образования местной религиозной организации), регистрации религиозной организации в случае совпадения юридического адреса с жилым помещением (что противоречит ГК РФ), создания союза религиозных организаций разных конфессий, не обладающих главным признаком религиозного объединения – совместного исповедания веры. Данные вопросы урегулируются только методическими рекомендациями Минюста Российской Федерации. Остается актуальной проблема по созданию системы согласованных действий в сфере осуществления контрольных функций между Минюстом России и органами юстиции в субъектах Российской Федерации за деятельностью религиозных организаций. Только в методических рекомендациях Минюста Российской Федерации определяются формы доказательства сроков существования религиозной организации в виде данных государственной регистрации и местного учета бывшего Совета по делам религий при СМ СССР, архивных материалов, судебных решений, свидетельских показаний и иных форм.

Особые нарекания со стороны местных религиозных организаций вызывают абзацы 3, 4 ст. 27 об ущемлении прав в случае отсутствия подтверждения 15-летнего срока существования на территории Российской Федерации и необходимости в этом случае ежегодной перерегистрации религиозных организаций до достижения вышеназванного срока. До 15-летнего срока существования на территории Российской Федерации религиозной организации она не вправе создавать образовательные учреждения, обучать детей вне рамок государственной образовательной программы, иметь представителей иностранных религиозных организаций, проводить религиозные обряды в учреждениях здравоохранения, в детских домах, домах-интернатах для престарелых и воинских частях, производить, приобретать и распространять религиозную литературу, аудио- и видеоматериалы. В связи с этим последовал ряд обращений религиозных общин в Конституционный Суд Российской Федерации. В соответствии с Определением Конституционного Суда от 07.02.2002 г. было указано, что законодатель не может лишить определенную часть учрежденных и обладающих полной правоспособностью религиозных организаций до вступления в юридическую силу Федерального закона «О свободе и религиозных объединениях» 1997 г. возможности пользоваться уже принадлежащими им правами на том лишь основании, что они не имеют подтверждения о 15-летнем сроке существования. Однако, учредительные докумен-

страции и приобретения правоспособности юридических лиц с уведомлением органов местного самоуправления о создании в дальнейшем религиозной организации;

– в ст. 11 подробно урегулируется вопрос предоставления устава или иного основополагающего документа иностранной религиозной организации, который удостоверен государственным органом государства нахождения этой организации, в случае нахождения руководящего органа образуемой религиозной организации за пределами Российской Федерации.

Предусмотрен надзор, осуществляемый органами прокуратуры, за использование законодательства о свободе совести и религиозных объединениях

В то же время требуют дальнейшего законодательного урегулирования вопросы членства гражданина в нескольких религиозных организациях (действующий Федеральный закон такого ограничения не содержит в отличие от законодательства до 1990 г.), территориального ограничения деятельности религиозной организации, возможности создания в одном городском или сельском поселении нескольких религиозных организаций одного вероисповедания (законодательно запрещен отказ в регистрации по причине нецелесообразности образования местной религиозной организации), регистрации религиозной организации в случае совпадения юридического адреса с жилым помещением (что противоречит ГК РФ), создания союза религиозных организаций разных конфессий, не обладающих главным признаком религиозного объединения – совместного исповедания веры. Данные вопросы урегулируются только методическими рекомендациями Минюста Российской Федерации. Остается актуальной проблема по созданию системы согласованных действий в сфере осуществления контрольных функций между Минюстом России и органами юстиции в субъектах Российской Федерации за деятельностью религиозных организаций. Только в методических рекомендациях Минюста Российской Федерации определяются формы доказательства сроков существования религиозной организации в виде данных государственной регистрации и местного учета бывшего Совета по делам религий при СМ СССР, архивных материалов, судебных решений, свидетельских показаний и иных форм.

Особые нарекания со стороны местных религиозных организаций вызывают абзацы 3, 4 ст. 27 об ущемлении прав в случае отсутствия подтверждения 15-летнего срока существования на территории Российской Федерации и необходимости в этом случае ежегодной перерегистрации религиозных организаций до достижения вышеназванного срока. До 15-летнего срока существования на территории Российской Федерации религиозной организации она не вправе создавать образовательные учреждения, обучать детей вне рамок государственной образовательной программы, иметь представителей иностранных религиозных организаций, проводить религиозные обряды в учреждениях здравоохранения, в детских домах, домах-интернатах для престарелых и воинских частях, производить, приобретать и распространять религиозную литературу, аудио- и видеоматериалы. В связи с этим последовал ряд обращений религиозных общин в Конституционный Суд Российской Федерации. В соответствии с Определением Конституционного Суда от 07.02.2002 г. было указано, что законодатель не может лишить определенную часть учрежденных и обладающих полной правоспособностью религиозных организаций до вступления в юридическую силу Федерального закона «О свободе и религиозных объединениях» 1997 г. возможности пользоваться уже принадлежащими им правами на том лишь основании, что они не имеют подтверждения о 15-летнем сроке существования. Однако, учредительные докумен-

ты должны быть приведены в соответствии с новым законодательством. Ликвидация религиозной организации в случае не прохождения перерегистрации в указанный срок возможна по решению суда лишь в случае, если будет доказано, что она прекратила свою религиозную деятельность или осуществляет неправомерную деятельность, не совместимую с вытекающими из законодательства обязанностями религиозной организации как юридического лица.

Учитывая исторически сложившийся многоконфессиональный уклад обеих стран, законодатель обязан соблюдать конституционные принципы свободы вероисповедания, свободы создания религиозных объединений и свободы их деятельности на основе принципа юридического равенства согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, заключенным в ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Для того, чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности, если она несовместима с уважением свободы мысли, совести и религии других граждан, сопровождаемой предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде, угрозой применения насилия, государство вправе предусмотреть законодательные преграды. Данные принципы содержатся в Постановлении Европарламента от 12.02.1996 г. «О сектах в Европе», рекомендациях Совета Европы № 1178 (1992 г.) «О сектах и новых религиозных движениях», Постановлениях Европейского суда по правам человека от 25.05.1993 г. и 26.09.1996 г., разъяснивших характер и масштабы обязательств государства, вытекающих из ст. 9 названной Конвенции.

Законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации предусматривает причины отказа регистрации и ликвидации религиозных организаций в случае нарушения общественной безопасности государства и общественного порядка, пропаганды войны, разжигания социальной, расовой, национальной розни, человеконенавистничества, разрушения семьи, посягательства на права и свободы граждан, человеческую личность, склонение к самоубийству или отказу от необходимости медицинской помощи, в случае использования в деятельности гипноза, наркотиков, иных психотропных средств, принуждения к совершению развратных действий, отказу от своего имущества в пользу религиозного объединения, воспрепятствования выходу последователя из религиозного объединения с применением реальных угроз причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, призывов к совершению последователями противоправных действий, отказу от получения обязательного образования.

Таким образом, государство пресекает деструктивную деятельность религиозных объединений, обеспечивая, прежде всего, защиту от посягательств с их стороны на права и свободы личности, защищая интересы общества в целом.

В настоящее время церковь выступает активным участником борьбы за мир, против терроризма, за равноправие народов. Не случайно центральное место в деятельности христианских проповедников занимает проблема устранения войн из жизни человечества, а Всемирный Совет христианских церквей публично осуждает расизм и колониализм, периодически выделяя значительные денежные средства на поддержку антирасистских движений. Религиозные деятели принимают активное участие в решении экологических проблем. Так, Всеевропейская всехристианская ассамблея призвала христиан Европейского континента обратиться к своим правительствам с просьбой сделать все от них зависящее, чтобы предотвратить

хищническое использование природных ресурсов и сохранить окружающую среду. Так, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечается, что православной этике противоречит деление народов на хорошие и плохие, принижение какой-либо нации. Подчеркивается, что в ходе межэтнических конфликтов Православная Церковь не выступает на чьей-либо стороне, за исключением случаев явной агрессии или несправедливости, проявляемой одной из сторон [1].

Религиозные организации выполняют задачи сохранения культурных религиозных памятников, обеспечения психозмоциональной помощи верующим, вправе заниматься благотворительной деятельностью и создавать духовные учебные учреждения. Однако поликонфессиональная структура побуждает религиозные организации к соперничеству за влияние. Это соперничество обусловлено в значительной степени бедной материально-финансовой базой, недостатком высококвалифицированных священнослужителей, миссионерской деятельностью нетрадиционных религиозных организаций, пограничным конфессиональным положением Республики Беларусь и Российской Федерации, недостаточным опытом властных государственных структур, особенно местных исполнительных и распорядительных органов в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций, спорами за право владения культовыми сооружениями и имуществом, вызванными владением данными храмами в разные исторические эпохи различными религиозными конфессиями, а также отсутствием законов о реституции.

Унификация законодательства обоих государств – это сложный и кропотливый процесс, затрагивающий различные сферы. Особое место здесь занимает сближение нормативных правовых актов, регулирующих деятельность религиозных организаций и определяющих свободу совести. Единые подходы, единые оценки, единые рамки сближают наши народы

ЛИТЕРАТУРА

1. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*. – М., 2000.
2. *Конституция Республики Беларусь 1994 г.* (с изменениями и дополнениями 1996 г.). – Мн., 1997.
3. *Конституция Российской Федерации 1993 г.* – М., 1993.
4. *Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»* от 31 октября 2002, № 137-З. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь № 123 6 ноября 2002 г. – С. 4–16.
5. *Федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях»* от 26.09.1997 №125-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации, 29.09.97, № 39, ст. 4465.

S U M M A R Y

The article deals with the analysis of the legislative system of Russia and Belarus in the sphere of freedom of religion and religious organizations.

The author considers the problems of the integration process and ways of their solution.

Поступила в редакцию 15.03.2004

В.В. Дервояд

К вопросу о сущности доктрины в качестве источника права

Термин «юридическая доктрина» имеет известную неопределенность. Рядом с ним вполне можно поставить термины «юридическая наука», «правовая наука», «правовая доктрина», «юриспруденция», которые в самом широком смысле взаимозаменяемы.

В научной правовой литературе под юридической доктриной традиционно понимается система правовых идей, концепций, теорий, взглядов, отражающая правовую действительность и формирующая представления о праве же- лаемом, являясь, таким образом, составной частью правовой идеологии.

Практически все современные ученые в той или иной степени отмечают важную роль юридических доктрин в формировании права. Ведь правовые нормы, содержащиеся в законодательстве, лишь конкретизируют общие на- правления воздействия научных концепций на развитие права. Их можно рас- сматривать как концентрированное выражение политико-правовой идеологии общества, обусловленное характером и уровнем развития общественных от- ношений, социальных потребностей и реальных социальных условий. Крити- куя нормативистскую концепцию права, Р. Давид утверждает, что «смешивать право и закон и видеть в законе исключительный источник права – значит противоречить всей романо-германской традиции» [1]. Другие авторы пола- гают, что именно через идеи, преломляясь в них, экономическая реальность переходит в систему объективированного права, систему норм. Превращаясь в закон благодаря господствующей воле, правосознание обретает норматив- ный характер потому, что отражает в виде идеальных моделей фактические нормы поведения субъектов экономических отношений [2]. «Вядома, што дзеянне права ў часе пачынаецца задоўга да таго, як яно будзе замацавана ў выглядзе пэўных нормаў права ў нарматыўных прававых актах ці іншых крыніцах права. У гэтым сэнсе можна сцвярджаць аб тым, што права як ідэя, прававыя пазіцыі папярэднічае нарматыўнаму прававому акту і што менавіта права «падштурхоўвае» заканадаўцу да замацавання прававых эквівалентаў у нарматыўных прававых актах» [3].

Процесс формирования права определяется многими факторами. Испытывая сильные субъективные влияния, он обусловлен, в первую очередь, социально-экономическими потребностями общества, его политическим положением в дан- ный исторический период. На наш взгляд, субъективное влияние включает в се- бя не только волюнтаристские проявления отдельных индивидов и их групп, но состоит также из научных позиций субъектов, участвующих в формировании права. Происхождение, логика развития и содержание всей правовой действи- тельности неоспоримо свидетельствуют о том, что правовые нормы и системы права в целом являются, так или иначе, результатом «следования» субъектов правосознания и правотворчества за наиболее значимыми социальными про- блемами и противоречиями, за потребностями общественной практики. В.С. Нерсисянц, исследуя проблемы правогенеза, особо подчеркивал, что фак- тический процесс правообразования (формирования норм права) не следует смешивать с формальным процессом законотворчества (с официальным при- знанием и формированием норм права в качестве норм закона, с приданием

нормам права законной силы) [4]. Правовые нормы формируются задолго до их законодательного закрепления, и механизм их формирования как повторяющихся форм взаимодействия людей близок к регуливающей роли правосознания. Юридическая наука позволяет обобщить все те явления, которые призваны обеспечивать достижение поставленных в законодательстве целей, поскольку «...с точки зрения генезиса и в своем непосредственном наличном содержании право (прежде всего, как объективное право) – это явление синтетическое, многомерное в смысле отраженных в нем реальностей» [5].

В целом же единого мнения по поводу сущности доктрины и ее места в системе права до настоящего времени не сформировано. Комплексные исследования этого правового явления не проводились. Вместе с тем определенный интерес ученых к разработке данной проблемы все же существует [6–7]. В связи с этим, не претендуя на полный охват всех свойств данного правового явления, следует более пристально взглянуть на то, что же в действительности представляет собой обозначенное понятие.

Для того, чтобы наиболее качественно выявить сущность правовой доктрины, необходимо в исследовании придерживаться получившего в литературе последних десятилетий определенную разработку комплексного подхода к пониманию права (широкого понимания права или права как системного явления), в рамках которого содержание права не рассматривается как совокупность какой-то доминирующей группы элементов, а представляет собой весь комплекс правовых явлений, объективно существующих и способных влиять на формирование и развитие самого права и определяющих структурные связи внутри этого сложного правового пространства, то есть всех важнейших проявлений его возникновения и функционирования. Это не только нормы права, но и правосознание, правоотношения, субъективные права, акты применения права и т.д. При этом такое понимание права позволяет устанавливать четкие различия между этими явлениями, в частности, между правом и законодательством, системой права и системой законодательства.

В соответствии с таким подходом можно дать следующее определение доктрины в широком смысле – это самостоятельная субстанция, совокупность идей, часть права, которому она сама и дает жизнь, содержащая на основе глубоких и всесторонних исследований сведения о глубинных, сущностных сторонах, связях правовых явлений, процессов и объектов, их возможных состояниях в будущем, способная целенаправленно строить свою деятельность, создавать условия для реализации тех возможностей, которые отвечают целям и потребностям развития общества и которая конкретно выражается в форме:

- понятий и категорий, находящих с течением времени свое закрепление в позитивном праве. Многие правовые понятия, разработанные в доктрине, долгие годы раскрываются и существуют исключительно в теоретическом виде. Несмотря на это обстоятельство, в правореализационных процессах они используются повсеместно;

- мнений, позиций, точек зрения, закономерностей, теорий, научных школ и направлений, содержащихся в различных учебниках, научных трудах, публикациях, монографиях и тому подобных исследованиях, а также в правосознании субъектов, научных коллективов и сообществ;

- получивших в последнее время развитие различных концепций совершенствования законодательства, как чисто теоретического характера, так и санкционируемых государством (например, Военная доктрина Республики Беларусь, Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь);

– формул систематического толкования действующего законодательства, содержащихся в различного рода комментариях, аннотациях, публикуемых в официальных и неофициальных изданиях;

– системы правил обращения с нормативным материалом (что проявляется в разработанных наукой и общепринятых приемах работы с нормативными актами в случае регулирования одного правоотношения разными нормами одного нормативного акта и т.п.), с «набором» источников права, а также методов правового регулирования, что выражается в общей правовой политике государства и способах решения правовых (общегосударственных и частных) проблем;

– принципов права (при этом принцип права понимается как идея, на которой базируется какая-либо правовая система, отрасль или область права). Подобное понимание термина «принцип» предполагает, что он может существовать, не будучи закрепленным в какой-либо конкретной правовой норме нормативного акта;

– результатов работы Конституционного суда Республики Беларусь, закрепляемых в его решениях, не носящих нормативно-правовой характер;

– экспертных заключений, которые делаются на основе достижений современных наук в необходимых случаях на разных стадиях жизни права.

Всякое явление обладает определенным набором, совокупностью признаков отличающих его от другого явления. Эти признаки помогают строить возможные представления об этом объекте и уяснять систему его возможностей, в том числе и правовых. В связи с этим необходимо выделить основные признаки правовой доктрины. По нашему мнению, их суть сводится к следующему.

Правовая наука:

– выражает собой один из юридических способов обеспечения интересов субъектов права, достижения поставленных целей (в этом проявляется социальная ценность данного явления). Это качество проявляется в возможности использования средств правовой науки практически во всех областях и процессах права. И в этом заключается ее отличительная черта от других средств и способов, поскольку правовая наука носит всеобъемлющий характер – все правовые явления несут на себе отпечаток доктрины и, наоборот, – доктрина включает в себя часть каждого элемента права. Поэтому можно говорить о том, что правовая наука является наиболее универсальным средством правового регулирования;

– представляет собой источник права в различном понимании этого термина: источник права в идеальном смысле (когда право развивается на основе развития общественных отношений с корректировкой при помощи науки); в юридическом (формальном) смысле (когда в процессе применения права происходит обращение непосредственно к каким-либо научным трудам либо заключениям всевозможных экспертиз); источник (криница) рождения права (когда фактором, обуславливающим рождение и развитие права служат доктринальные идеи); источник знания о праве, в котором закрепляются достижения всей правовой и других смежных наук; исторический источник права, или памятник права (когда научный труд получает признание у большого количества людей и оставляет заметный след в конкретной исторической эпохе);

– отражает информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает ей направленность на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений. Это также позволяет ей постоянно и динамично развиваться, непрерывно совершенствуясь на основе всего лучшего, выработанного историей права;

— носит воспитательно-разъяснительный характер, позволяет субъектам ориентироваться в действующем законодательстве. Всевозможные методы интерпретации действующих правовых норм упрощают уяснение сути последних, что, в свою очередь, способствует их правильному и полному применению. Такое свойство правовой науки позволяет также воспитывать у субъектов соответствующее отношение к праву, а также формировать и корректировать правомерное поведение;

— имеет интегрированный характер, поскольку связывает в себе всевозможные достижения различных наук, а также практики. Юридическая доктрина должна включать в себя достижения не только правовых дисциплин. Современные задачи, которые ставятся перед правом, невозможно решить при помощи одних только теоретико-юридических поисков. Эффективное правовое регулирование на современном этапе развития общества должно строиться на основе интегрированного подхода с учетом наработок многих отраслей знаний;

— находится преимущественно в сфере возможного, а не должного, ибо не подкрепляется принудительной силой государства и не закрепляется в нормативных правовых актах либо какой-то другой, санкционированной государством объективной форме. Это значит, что использование средств науки предполагает их свободный выбор с соблюдением, однако, определенных правил и принципов;

— выступает в качестве абстрактных моделей, которые только в потенциале и процессе их использования могут привести к достижению поставленных целей. Это значит, что в доктрине содержатся положения, которые находятся в своего рода статическом состоянии, ждут своего часа и включают в себя (часто) самые обобщенные положения;

— имеет размытую объективную форму без четких параметров и очертаний. На первый взгляд такое утверждение покажется удивительным. Однако при анализе вопроса мы исходим из того, что в науке, как правило, имеется целый ряд различных мнений по поводу одной ситуации или явления. Это обстоятельство не позволяет с достаточной твердостью определить единственно правильное очертание истинного суждения. Поэтому часто трудно определить границы возможного отношения ко многим ситуациям. Такое свойство юридической науки многопланово. С одной стороны, при решении конкретных ситуаций и для осуществления правомерного поведения необходимы четко очерченные рамки, с другой, часто случается, что именно наличие разных подходов помогает найти оптимально приемлемое решение применительно к конкретным условиям. Конечно, в последнем случае немаловажную роль будет играть субъективный фактор. Но мы возьмем на себя смелость утверждать, что нет таких возможностей в праве, где бы субъективный фактор не мог найти себе «применение». Другое дело, что должны существовать четкие ограничения, закрепленные в законодательстве (и они во многом существуют), которые должны использоваться совместно с доктриной, а также и с другими источниками. Поэтому и необходима выработка оптимального соотношения между элементами системы источников и возможностями их применения;

— является элементом не только правового регулирования, но и правового воздействия, при котором, как известно, используются как чисто юридические средства, так и некоторые другие. Среди таких средств доктрина использует всевозможные идеологические и психологические возможности, имеющие воспитательно-информационный характер. При их помощи происходит воздействие на правосознание и правовую культуру общества;

— подвержена немалому влиянию со стороны политических сил и групповых интересов.

Приведенные выше некоторые рассуждения, касающиеся сущности доктрины в качестве источника права, позволяют сделать следующие выводы.

Явление, которое мы обозначили понятием правовая доктрина, способно оказывать влияние на многие правовые феномены и ход различных процессов, происходящих в праве. Это влияние часто определяет характер и направления их развития. В частности, формирование правовой культуры и правового сознания во многом обусловлено воздействием доктрины. Немалое влияние испытывают также процессы формирования права, законодательства и правореализационная деятельность. Все эти связи являются взаимообуславливающими и дают обратный эффект, формируя также и доктрину. В конечном итоге в результате постоянного и сложного взаимодействия происходит развитие и совершенствование всей правовой материи, что, в свою очередь, приводит к изменениям в общей массе права. Такое обстоятельство позволяет нам предположить, что доктрина выступает источником права, фактором, обуславливающим изменения в жизни права, его развитие, а, следовательно, и формирование, который сам является частью права, несет в себе информацию о нем, содержит его нормы, и легализован либо может быть легализован государством в качестве такового, а также фактором, обуславливающим изменения в жизни права, его развитие, а, следовательно, и формирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Давид Р., Жоффре-Спинози К.** Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М., 1999. – С. 104.
2. **Туунова Л.Б.** Системные связи правовой действительности: Методология и теория. – СПб., 1991. – С. 30–31.
3. **Сільчанка М.У.** Праблемы вызначэння межаў дзеяння нарматыўных прававых актаў // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь, 2003, № 1. – С. 69.
4. **Нерсисянц В.С.** О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 7. – С. 14.
5. **Бережнов А.Г.** Теоретические проблемы правопонимания и формирования содержания права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 1999, № 4. – С. 6.
6. **Сильченко Н.В.** О новой правовой реальности в правовой системе Республики Беларусь // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь, 2003, № 4. – С. 70–76.
7. **Бошно С.В.** Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003, № 12. – С. 70–79.

S U M M A R Y

The article describes the concept of legal doctrine in essence, the existing forms of jurisprudence as a source of law in the Republic of Belarus. A full description is given to basic characteristics of a doctrine, due to which this legal phenomenon holds quite an ambiguous place in the whole system of Belarusian law and puts an impact both on legislative and executive processes.

Поступила в редакцию 1.10.2003

УДК 371.39

И.Е. Керножицкая, О.Б. Шаркова

Дополнительное образование детей в современной школе

В традициях отечественной школы закрепилось требование: чтобы создать ребенку условия для разностороннего развития личности, недостаточно ограничиваться проведением только урочных занятий, даже самых интересных. Необходимы внеурочные занятия. Однако в конце XX в. обозначилась опасная тенденция самоустранения школы от участия в организации занятости детей социально-полезным и личностно-значимым делом в свободное от уроков время. На волне вытеснения из воспитательного процесса дел и мероприятий, пронизанных формализмом и идеологическими штампами, из жизни многих школ стала уходить любая внеурочная деятельность. Возник значительный разрыв между защищенной и в значительной степени регламентированной жизнедеятельностью детей на уроке и ее полной неорганизованностью и неуправляемостью после уроков.

Ослабление воспитательного потенциала школы, свертывание деятельности многих внешкольных учреждений в силу слабого финансирования, недостатков на телеканалах детских и молодежных познавательных-развивающих передач и в то же время увеличение сцен насилия жестокости, убийств, эротики в средствах массовой информации, засилье в кинотеатрах зарубежной низкокачественной продукции, создание ночных клубов, дискотек, игровых азартных учреждений – все это стало стремительно давать свои негативные результаты. В связи с чем у многих подростков складывается установка, что в жизни все определяют вещи, деньги, власть. В школьных классах все больше появляется детей, которых психологи и педагоги называют проблемными.

В сегодняшней ситуации ощущается острая потребность в усилении педагогического влияния на растущего человека. В этом плане дополнительное образование представляет реальную возможность для создания в школе среды развивающего общения и деятельности, так как оно органически сочетает многие виды организации содержательного досуга (творчество, спорт, развлечения) с различными формами образовательной деятельности (А.К. Бруднов, Е.Б. Евладова, И.И. Зарецкая, М.И. Чеков).

По мнению Е.Б. Евладовой, дополнительное образование детей – это целенаправленный процесс воспитания, обучения и развития личности с помощью дополнительных образовательных программ и услуг и информационно-образовательной деятельности за пределами основных образовательных программ [1].

Основу современного дополнительного образования составляет масштабный образовательный блок, компенсирующий удовлетворение когнитивных, коммуникативных и иных детских потребностей, нереализованных в рамках предметно-школьного обучения.

Дополнительное образование в школе, как правило, включает в себя различные направления деятельности учащихся (научно-техническое, спортивно-оздоровительное, туристско-краеведческое, экологическое, лингвистическое, художественно-эстетическое и др.) и осуществляется через работу предметных кружков, факультативов, клубов по интересам, спортивных секций, творческих мастерских, «детских академий», исследовательских лабораторий, радиостудий. «Основной акцент, – отмечает Л.И. Маленкова, – делается на многопрофильность, разнообразие, неформальность, на учет индивидуальных потребностей и интересов детей» [2].

Осуществляя дополнительное образование, школа пытается разрешить существующее противоречие между необходимостью, с одной стороны, осваивать образовательный стандарт, а с другой – создавать развивающую среду, нравственно благоприятную и эмоционально насыщенную, необходимую для личностного развития каждого школьника. Как справедливо пишет Е.А. Ямбург в своей книге «Школа для всех», «органичная гармонизация двух образовательных парадигм, интеграция урочной и внеурочной работы – требование времени. ...Выстраивая педагогическую среду с ее разнопрофильностью, мы, разумеется, не покроем ею все потребности развития ребенка, но расширим по возможности целостное воспитательно-образовательное пространство» [3].

Действительно, школа дает общее образование, но многогранному развитию личности, раскрытию ее способностей, ранней профориентации, способствует именно дополнительное образование. «И если школьное образование все обучающиеся получают в приблизительно одинаковом объеме, что определяется государственным стандартом, то нестандартизированное дополнительное реализуется индивидуально в силу его многообразия, разнонаправленности, вариативности. Дети выбирают то, что близко их природе, что отвечает их потребностям, удовлетворяет интересам. И в этом – смысл дополнительного образования: оно помогает раннему самоопределению, дает возможность ребенку полноценно прожить детство, реализуя себя, решая социально значимые задачи» [4].

С точки зрения Г.А. Мартыновой и С.Г. Рогальской, «дополнительное образование – условие для личностного роста, которое формирует систему знаний, конструирует более полную картину мира и помогает реализовывать собственные способности и склонности ребенка, обеспечивает органическое сочетание видов досуга с различными формами образовательной действительности, формирует дополнительные умения и навыки в опоре на основное образование» [5].

Анализ исследований А.К. Брудного, И.И. Зарецкой, О.Е. Лебедевой, З.А. Литовой, О.В. Озерской и других ученых позволяет выделить характерные особенности и основные ценности дополнительного образования в школе. Так, главной особенностью дополнительного образования является его опора на содержание основного образования и тем самым создание единого образовательного пространства, необходимого для полноценного личностного развития каждого ребенка. Другая важная особенность дополнительного образования – его воспитательный потенциал, поскольку именно в сфере свободного выбора видов и форм деятельности можно рассчитывать на «незаметное», а значит, и более эффективное воспитание.

Мы разделяем мнение З.Л. Литовой о том, что в условиях школы дополнительное образование дает ребенку реальную возможность выбора своего индивидуального образовательного пути. По сути дела, дополнительное образование увеличивает пространство, где ребенок осваивает новые направления деятельности, демонстрирует те знания и умения, которые зачастую остаются невостребованными в системе основного образования, а также раз-

вывает те способности, которые не всегда получают поддержку в учебном процессе. Как справедливо отмечает В.П. Сазонов, «не все дети рождаются с способностями ума, не все могут проявить себя в учебе. У некоторых дарования лежат в других психофизических сферах личности... Подлинно гуманно отношение к ребенку возможно лишь тогда, когда признают, уважают все области самопроявления человека, а не только хорошую успеваемость на уроках» [6]. Благодаря дополнительному образованию ребенок не только и не столько включается в занятия по интересам, сколько в иной способ существования – безотметочный, но обеспечивающий достижение успеха в соответствии с собственными способностями, независимо от уровня успеваемости по обязательным учебным дисциплинам. Так, демонстрируя невысокие учебные успехи на уроках, он может оказаться в числе лидеров в художественной студии или экологическом клубе, что помогает в изменении его статуса.

Эмоциональная насыщенность – еще одна особенность развития дополнительного образования детей в условиях общеобразовательного учреждения. Это объясняется необходимостью противостоять регламентированности учебного процесса, где преобладают вербальные способы коммуникации, где логика учебных занятий может привести к подавлению эмоционально-образного восприятия мира, столь значимого в детском возрасте. Занятия по интересам расширяют педагогические ресурсы воспитательных влияний, позволяют в организации совместной деятельности использовать такие эмоциональные стимулы, как проблемные и игровые ситуации, коллективный поиск истины, элементы романтики, импровизации, творчества, взгляд на себя с позиции художественного образа, жизненного героя и т.д.

Дополнительное образование расширяет культурное пространство школы. В этой сфере знакомство ребенка с ценностями культуры происходит с учетом его личных интересов, национальных особенностей, традиций микросоциума. Культурологический подход к образованию дает возможность противостоять перенасыщению ребенка нежелательной информацией и, как следствие, обнищанию его души, распаду всей системы наследования культурно-исторического опыта, разобщению поколений, утрате традиций. Речь идет не о навязывании растущему человеку тех или иных образцов культуры, а о создании адекватных условий, в которых знания, ценности, образцы будут «присваиваться» и «переживаться» как собственные достижения и открытия [7].

Как показывает практика, в настоящее время многие педагогические коллективы, вырабатывая собственную позицию в построении образовательно-развивающего пространства, обращают внимание на ценности и функции дополнительного образования. Современный этап освоения школой потенциала дополнительного образования связан с созданием теоретического фундамента, определением принципиальных идей, содержания и условий организации деятельности педагогов и детей, а также с разработкой программно-методического обеспечения. В этом плане интересным, на наш взгляд, представляется опыт средней школы № 25 г. Витебска, которая гибко реагирует на складывающиеся тенденции в системе образования и ищет пути компенсации недостатков, присущих основному образованию, заполнения вакуума, образовавшегося в последнее время во внеурочной сфере.

Становление системы дополнительного образования в данной школе – процесс эволюционный, опирающийся на богатый опыт внеурочной деятельности учащихся, накопленный с момента открытия школы. Клубные формы работы, творческие возможности «неформальных» занятий по художественному труду, живописи, резьбе по дереву, традиционным промыслам и ремеслам, годами складывающиеся традиции в организации предметных недель, фольклорных

праздников, экологических акций, музыкальных фестивалей – все это коллектив школы сохраняет как фундамент дополнительного образования.

В последние годы система дополнительного образования в школе формируется и развивается как многомерное образовательное пространство, которое:

- создает общекультурный фон для позитивного восприятия ценностей основного образования и более успешного освоения его содержания;

- компенсирует отсутствие в основном образовании тех или иных учебных курсов, которые нужны школьникам в определении своего пути в образовании, конкретизации жизненных и профессиональных планов, формировании личностных качеств (например, народные промыслы и ремесла, психология взаимодействия, история искусств и др.);

- обеспечивает дополнительные возможности для реализации познавательных интересов школьников, раскрытия и развития их способностей в различных видах деятельности;

- приобщает школьников к системе культурных ценностей, к нормам гуманистической морали;

- содействует самореализации личности ребенка и педагога.

Дополнительное образование представлено целым рядом направлений (художественно-эстетическое, культурологическое, спортивно-оздоровительное, эколого-биологическое, гражданско-правовое, психолого-педагогическое) и разнообразными формами организации, которые отражены в таблице.

Таблица

Анализ системы дополнительного школьного образования позволяет отметить ее следующие особенности:

- обращение к образовательным областям, проблемам, темам личностно-значимым для детей того или иного возраста и недостаточно представленным в основном образовании;

- преобладание практико-деятельностной основы обучающей деятельности педагога и познавательной деятельности школьников;

— активизация позитивных сил самого ребенка, выражение доверия к его возможностям, создание ситуации успеха;

— готовность педагогов к гибкой практике общения и взаимодействия с детьми, умение почувствовать, что в данный момент является для ребенка смыслообразующим и предоставить ему возможность выбора.

В качестве примера можно привести организацию работы драматического кружка «Театр» (руководитель Владимир Валентинович Гронский), членами которого являются подростки 11–13 лет.

Владимир Валентинович считает, что в последнее время в школу приходят дети, умеющие и знающие гораздо больше, чем их ровесники, обучавшиеся 10–15 лет назад. Они успешно решают логические задачи, учат иностранные языки, бегло читают, но значительно реже восхищаются и удивляются, возмущаются и сопереживают, все чаще проявляют равнодушие и черствость.

Самый короткий путь эмоционального раскрепощения, снятия зажатости, заторможенности, развития фантазии и воображения – это путь через игру и театрализованную деятельность.

Руководитель не рассматривает детский театр только как средство достижения некоего художественного результата, т.е. создания спектакля. Очень важно, чтобы занятия театральным искусством активизировали у детей мышление и познавательный интерес, развивали фантазию, учили сочувствию и сопереживанию.

Занятия в кружке ведутся по программе, включающей несколько разделов. Раздел «Театральная игра» предусматривает не столько приобретение ребенком профессиональных навыков, сколько развитие его игрового поведения, эстетического чувства, умения общаться со сверстниками и взрослыми в различных жизненных ситуациях. Раздел «Ритмопластика» включает в себя комплексные ритмические, музыкальные, пластические игры и упражнения, призванные обеспечить развитие пластической выразительности телодвижений, снизить последствия учебной перегрузки. Раздел «Культура и техника речи» объединяет игры и упражнения, направленные на развитие дыхания, правильной артикуляции, четкой дикции, логики речи и т.д. В раздел включены игры со словом, развивающие образную речь, умение сочинять небольшие рассказы и сказки, подбирать простейшие рифмы.

Несмотря на то, что создание спектаклей не является для детского коллектива самоцелью, эта деятельность, по мнению В.В. Гронского, способствует овладению детьми навыками общения и коллективного творчества, учит объективному оцениванию себя, анализу успехов и неудач друг друга.

Беседы со школьниками, их родителями, учителями убедительно свидетельствуют о том, что занятия в различных творческих объединениях привлекательны и полезны. В современной ситуации, когда по разным причинам далеко не все дети могут посещать спортивные, музыкальные, художественные школы, у них сохраняется потребность «попробовать» себя в как можно более разнообразной деятельности во внеучебное время. В школьных кружках, факультативах, клубах нет слов «Набор окончен», «Свободных мест нет». Места есть всегда и прийти на занятия может каждый. Здесь нет строго заданной программы, пропуск части которой повлечет за собой невозможность участия в дальнейшей работе.

Анализ учебного воспитательного процесса школы, изучение разнообразных программ обучения и воспитания учащихся, знакомство с применяемыми воспитательными технологиями позволяют считать, что учащиеся в СШ № 25 живут эмоционально насыщенной, интересной жизнью. Всего в системе дополнительного образования участвуют более 60% школьников и около трети учителей, совместная деятельность которых с применением современных технологий и с широким использованием методов исследовательских проек-

тов дает высокий положительный результат. Прежде всего, он выражается в том, что большинство учащихся школы вовлечены в творческую работу, осваивают или уже освоили навыки коллективной деятельности, получили возможность раскрыть и развивать свои способности.

Об уровне этой работы говорят победы учащихся на олимпиадах, конкурсах, фестивалях для детей разных возрастных групп. Художественные работы учащихся различной тематической направленности практически постоянно экспонируются на выставках достаточно высокого уровня как в Беларуси, так и за ее пределами (Германия, Франция, Израиль).

Из беседы с директором 25-й средней школы С.П. Никитиным определились ближайшие задачи школы по развитию дополнительного образования – создание условий, необходимых для удовлетворения познавательных потребностей растущего человека, приобщения его к системе моральных ценностей. Особое значение педагогический коллектив придает детям «группы риска». К сожалению, не все они вовлечены в дополнительное образование, хотя педагоги прекрасно понимают, что это лучший способ уберечь их от негативных и асоциальных поступков.

В планах школы создание хорового коллектива, литературного объединения «История и современность», разработка школьной программы по теме «Развитие природной индивидуальности ребенка средствами изобразительного искусства».

Следующая задача состоит в налаживании более тесного контакта и сотрудничества с родителями. Если обе стороны этого взаимодействия осознают, что только совместными усилиями можно создать необходимые условия для развития и воспитания ребенка, помочь ему найти свое место в базовом и дополнительном образовании, то успех будет достигнут.

Сегодня система дополнительного образования выступает как педагогическая структура, максимально приспособляющаяся к запросам и потребностям учащихся; обеспечивающая им психологический комфорт и личностную значимость, дающая шанс каждому открыть себя как индивидуальность, предоставляющая возможность творческого развития по силам, интересам и в индивидуальном темпе

ЛИТЕРАТУРА

1. **Методологические рекомендации по развитию дополнительного образования детей в общеобразовательных учреждениях** // Народное образование, 2003, № 2. – С. 273–281.
2. **Маленкова Л.И.** Воспитание в современной школе. – М., 1999. – С. 48.
3. **Ямбург Е.А.** Школа для всех. – М., 1997. – С. 41.
4. **Буйлова Л.Н., Кленова Н.В.** Дополнительное образование детей в современной школе // Образование в современной школе, 2002, № 4. – С. 15.
5. **Мартынова Г.А., Рогальская С.Г.** Дополнительное образование – активный инновационный поиск развития личности // Классный руководитель, 2002, № 2. – С. 7.
6. **Созонов В.П.** Организация воспитательной работы в классе: Методическое пособие для классного руководителя. – М., 2000. – С. 114.
7. **Зарецкая И.И.** Дополнительное образование детей в контексте развития культуры личности и общества // Школа, 2002, № 2. – С. 9–15.

S U M M A R Y

The article is devoted to topical problem, i.e. strengthening of school influence on its pupils through the use of supplementary education potential. The authors suggest modern approaches to the definition of the nature of supplementary education at school, consider its functions and the role in the development of pupil's personality, analyse the teaching staff's experience in solving supplementary education problems at Vitebsk school № 25.

Поступила в редакцию 26.01.2004

Н.Д. Адаменко, О.П. Оганджян

Подготовка будущих программистов к работе с сетевыми базами данных

Учебным планом подготовки студентов по специальности 1-31 03 03-02 14 «Прикладная математика. Методика преподавания математики и информатики» предусмотрен спецкурс «Сетевые БД». Для проведения этого курса необходима разработка соответствующего методического обеспечения. В данной статье обосновывается отбор содержания учебного материала и методы обучения способам создания информационных систем на основе баз данных с распределенной обработкой.

В условиях широкого распространения корпоративных информационных систем в различных областях деятельности нельзя ограничиться изучением локальных СУБД с монопольным доступом. Насущной задачей становится подготовка специалистов в области разработки баз данных с сетевым доступом. Современный программист должен иметь представление об основных проблемах, решаемых в процессе создания современных многопользовательских систем обработки информации, таких, как параллельная обработка транзакций, согласованность данных, хранящихся и обрабатывающихся в разных местах, но логически друг с другом связанных, защита данных от несанкционированного доступа, поддержка целостности данных и т.д.

Разработчик информационных систем должен владеть языком описания и манипулирования данными – SQL, иметь представление о технологиях обмена данными между различными СУБД, знать возможности современных серверов БД – Oracle, MS SQL Server, SYSTЕМ, Sybase, SQL Base и др., уметь разрабатывать многопользовательские системы обработки данных на базе современной архитектуры.

Учитывая ограниченный объем времени, выделяемый на спецкурс в учебном плане, необходим оптимальный отбор содержания обучения, который обеспечивал бы эффективное усвоение студентами основных концепций, методов проектирования баз данных и способов разработки программного обеспечения для создания корпоративных систем обработки информации.

Рассматривая содержание обучения работе с серверами баз данных, мы исходим из того, что содержание обучения не сводится к триаде – знания, умения, навыки, а включает в себя опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-ценностного отношения к действительности. При этом учебный предмет (в нашем случае спецкурс «Сетевые базы данных») должен проектироваться не просто как знаковая система плюс деятельность по ее усвоению, но и учитывать содержание будущей профессиональной деятельности. Тогда усвоение знаний с самого начала будет осуществляться в контексте этой деятельности, где знания будут выполнять функции ориентировочной основы деятельности, средство ее регуляции, а формы организации учебной работы студентов – функции форм воссоздания усваиваемого содержания.

Теоретическое обоснование содержания курса потребовало выполнения следующих процедур:

1. Анализа предметного содержания будущей профессиональной деятельности в сфере создания и применения баз данных.

2. Отбора совокупности базовых понятий, которые должны быть усвоены студентами для работы с базами данных в многопользовательских информационных системах.
3. Выявления основных способов деятельности в процессе создания и функционирования многопользовательских баз данных и определения совокупности основных умений и навыков, необходимых разработчику информационных систем (администратору БД, администратору приложений).
4. Определения эффективных методов, форм и средств, обеспечивающих формирование знаний и способов деятельности.

Реализация процедур

1. Учитывая, что в современной информационной технологии системы БД занимают ведущее положение, выпускники специальностей, связанных с ЭВМ и программированием, должны быть подготовлены к выполнению многообразных функций администратора БД. Администратор базы данных является центральной фигурой в процессе создания и использования информационных систем. Основные функции администратора БД заключаются в следующем:

- анализ предметной области, выявление ограничений целостности. Проектирование структуры БД: определение состава и структуры таблиц, описание БД на языке DDL.
- Задание ограничений целостности при описании структуры БД и процедур обработки данных: определение динамических ограничений целостности в процессе изменения информации, хранящейся в БД; определение ограничений целостности при параллельной работе пользователей.
- Защита данных, включающая определение системы паролей, принципов регистрации пользователей
- Разработка средств фиксации доступа к данным и попыток нарушения системы защиты.
- Разработка организационных средств архивирования и принципов восстановления БД.

Для выполнения перечисленных функций специалист должен владеть определенным набором понятий и способов деятельности.

2. Понятия, связанные с проектированием баз данных, с методами поддержания целостности данных рассматриваются в базовом курсе «Модели данных и СУБД». Приступая к изучению спецкурса, студенты уже имеют представление о методах создания инфологической модели данных, средствах поддержания целостности данных и связей в процессе создания и функционирования информационных систем. В рассматриваемом спецкурсе эти понятия углубляются и развиваются [1]. Учитывая, что при разработке крупных корпоративных ИС проект базы данных является тем фундаментом, на котором строится вся система в целом, студенты должны приобрести опыт проектирования БД, предназначенных для нескольких пользователей, решающих разные задачи на основе общей модели данных.

В процессе эксплуатации многопользовательских баз данных перед разработчиками возникают специфические проблемы, отсутствующие при использовании БД с монопольным доступом. Например, проблемы, связанные с параллельной обработкой транзакций, выполнение которых не должно нарушать согласованности данных. Особую роль при работе с корпоративными базами данных приобретают проблемы защиты данных от несанкционированного доступа. В связи с этим многопользовательские СУБД предоставляют механизмы, обеспечивающие доступ к данным только тех пользователей, которые имеют соответствующие права.

Все эти задачи успешно решаются серверами БД, такими, как ORACLE, MS SQL Server. Современные серверы поддерживают возможность параллельной обработки данных, содержат средства администрирования БД с реализацией общей концепции средств защиты данных, обеспечивают создание и функционирование базы данных на основе различных моделей архитектуры клиент-сервер.

К основным понятиям, которые должны быть усвоены студентами для эффективной работы с базами данных в сетевых информационных технологиях, мы отнесли следующие:

- компьютеризованная информационная система.
- предметная область системы и ее объекты.
- распределенная база данных и СУБД.
- распределенная обработка данных,
- трехуровневая архитектура СУБД, языки БД, классификация моделей данных,
- инфологическая модель «сущность-связь»,
- сущность, связь, атрибут,
- категоризация сущностей.
- типы связей,
- ограничения целостности,
- представления,
- запросы,
- хранимые процедуры,
- курсоры,
- триггеры,
- параллельная обработка транзакций.
- безопасность данных и привилегии.
- экспорт и импорт данных, каскадное обновление и удаление данных.

Эти понятия важны как для теоретической, так и для практической подготовки студентов, они дают представление об этапах создания ИС и позволяют разрабатывать ИС средствами конкретной СУБД.

3. Для эффективного усвоения основных понятий, методов, средств проектирования и управления базой данных с распределенной обработкой студенты должны освоить следующие способы деятельности:

- разработка концептуального представления и логической структуры базы данных; построение ER-диаграммы и реляционной модели.
- Физическое проектирование и выбор конкретной целевой СУБД.
- Создание базы данных и пользовательских типов данных в SQL Server.
- Создание объектов базы данных: таблиц, индексов и первичных ключей таблицы с помощью языка определения данных (DDL).
- Ввод данных в таблицу. Модификация данных таблиц.
- Создание запросов на выборку и модификацию данных; сортировка результатов запроса; подчиненные и вложенные запросы.
- Создание представлений, триггеров, хранимых процедур.
- Администрирование баз данных; управление привилегиями и правами доступа; использование системного каталога; резервное копирование данных.

4. Исходя из целей и содержания обучения проектированию и созданию многопользовательских баз данных, необходимо было выбрать адекватные методы, формы и средства раскрытия содержания. При этом за основу были взяты идеи психолого-педагогической концепции контекстного обучения. Это обучение, в котором с помощью всей системы дидактиче-

ских форм, методов и средств моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалиста. Усвоение обучаемым абстрактных знаний, как знаковых систем, наложенное на канву этой деятельности, называют знаково-контекстным или контекстным обучением [2]. Согласно концепции контекстного обучения, информация для получения статуса знания с самого начала должна «примериваться» к действию, усваиваться в его контексте (т.е. в контексте потребностей будущей профессиональной деятельности).

Выделяют три вида деятельности студентов при обучении их в контексте будущей профессиональной деятельности. К ним относятся:

- 1) учебная деятельность академического типа (собственно-учебная деятельность) с ведущей ролью лекции и семинара;
- 2) квазипрофессиональная деятельность студентов (воспроизведение в аудитории условий и процессов, схожих с будущей профессиональной деятельностью, в нашем случае – вычислительная и учебно-исследовательская практика (практикум) по проектированию и разработке распределенной базы данных и ее использованию в сети);
- 3) учебно-профессиональная деятельность (выполнение индивидуальных заданий, курсовое проектирование).

Учитывая, что умения должны усваиваться в контексте будущей профессиональной деятельности, важно, чтобы примеры, с помощью которых формируются эти умения, были максимально приближены к реальности. Предлагаемые задания должны быть направлены на развитие творческих способностей студентов, готовить их к самостоятельной разработке сложных информационных систем. Поэтому оптимальным видом заданий является словесное описание предметной области, перечня задач, решение которых должна обеспечивать информационная система и набора основных функций пользователей системы. При этом следует максимально приблизить формы организации учебно-познавательной деятельности к формам профессиональной деятельности.

В процессе выполнения творческих заданий происходит формирование у будущего специалиста эмоционально-ценностного отношения к профессиональной деятельности. Опыт эмоционально-ценностного отношения возникает и передается в процессе общения студентов друг с другом, с преподавателем. Установлено, что почти у всех студентов на лабораторных занятиях возникает потребность обсудить друг с другом ход выполняемых за компьютером действий, затруднения, возникающие в процессе обучения. Потребность в общении обусловлена как необходимостью разрешить проблемы, так и стремлением утвердиться в учебном коллективе группы.

Среди методов обучения способам и программным средствам разработки информационных систем распределенной обработки данных следует также выделить методы проблемного обучения и самостоятельной работы студентов. Суть проблемных методов заключается в организации обучения путем самостоятельного добывания знаний в процессе решения учебных проблем, в развитии творческого мышления и познавательной активности обучаемых [3]. Известно, что учебный материал становится знанием студента только посредством его мышления.

В рассматриваемом спецкурсе методы проблемного обучения имеют первостепенное значение. В разработанном нами учебно-методическом обеспечении курса «Сетевые базы данных» студентам предлагаются индивидуальные задания по разработке и проектированию информационных систем для различных сфер деятельности. В заданиях дается словесное описание предметной области, формулируются требования к информационной системе.

Опираясь на собственный опыт, общаясь со специалистами, работающими в соответствующей предметной области, студенты выполняют доопределение недостающих для разработки данных. Им необходимо самостоятельно выполнить системный анализ и выделить объекты предметной области, определить сущности и их атрибуты, построить инфологическую модель данных (с учетом ограничений на информацию), преобразовать ее в реляционную модель. Исходя из возможных задач пользователей, подготовить запросы, представления, хранимые процедуры, реализующие обработку информации на сервере и триггеры для поддержания целостности данных.

Результаты практической работы показали, что применение методов проблемного обучения повышает интерес к учебному процессу, способствует формированию прочных знаний, умений и навыков по изучаемому курсу.

Немаловажным является правильный выбор форм обучения на различных этапах усвоения учебного материала. На первом этапе используются фронтальные формы обучения. Студенты одновременно работают на своих рабочих местах и выполняют единое для всех задание, направленное на освоение основных способов деятельности, связанных с созданием основных объектов базы данных. Дидактическое назначение этого этапа – закрепление лекционного материала, изучение способов создания базы данных, составляющих ее таблиц, ограничений, типов данных, запросов, процедур, триггеров и т.д.

На втором этапе каждый студент получает индивидуальное задание, которое выполняется в течение нескольких занятий, включая выполнение части задания вне аудиторных занятий. Цель данного этапа – отработка умений и навыков, полученных при изучении всех тем курса, контроль усвоения знаний. Эти два этапа обязательны для всех студентов.

Особенностью курса «Сетевые базы данных» является возможность включения студентов не только в квазипрофессиональную, но и в профессиональную деятельность. Освоив курс, студенты вполне готовы к самостоятельной разработке реальных информационных систем, автоматизирующих различные сферы управления вуза. Такую работу в рамках курсового и дипломного проектирования выполняют студенты, проявляющие интерес к разработке баз данных и связанных с ними приложений. При этом важен не только результат – программный продукт, имеющий практическое применение, но и процесс, в котором студенты проходят все этапы разработки – от постановки задачи и разработки модели данных до внедрения результатов. Работа, как правило, выполняется микрогруппой – 1-2-3 разработчика. Студенты приобретают важный для их будущей профессиональной деятельности опыт внутригруппового и межгруппового общения при разработке нескольких приложений, использующих одну и ту же базу данных; опыт работы с заказчиками и пользователями информационной системы.

Задача выбора программных средств обучения – системы управления базой данных, содействующей успешному усвоению материала студентами, представляется нам особенно важной. Мы ориентировались на изучение профессиональной СУБД, соответствующей целям обучения. Одной из СУБД, которая удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к системам распределенной обработки информации, является Microsoft SQL Server. Эта СУБД поддерживает создание и обработку больших баз данных на недорогих аппаратных платформах, тиражирование данных, параллельную обработку, отличается простотой управления и использования, обеспечивается совместимость различных клиентских приложений при работе с сервером. СУБД снабжена мощным языком программирования – Transact-SQL, обеспечивающим поддержку декларативной целостности данных и позволяющим создавать сложную логику триггеров и хра-

нимых процедур. Другие серверы баз данных, которые рассматривались нами как возможные альтернативы – MySQL и Oracle.

MySQL, в отличие от Microsoft SQL Server, представляет собой свободно распространяемую компактную реляционную СУБД, построенную на технологии клиент-сервер. Существенным недостатком ее, с точки зрения использования как средства обучения, является отсутствие встроенных средств поддержания декларативной целостности связей. Недостатком этого сервера также является отсутствие средств создания хранимых процедур и триггеров, то есть вся нагрузка, связанная с поддержанием целостности данных, ложится на клиентское приложение, а также то обстоятельство, что она не позволяет создавать подчиненные и вложенные запросы.

Перечисленных недостатков лишена СУБД Oracle, которая реализует мощный механизм декларативных и процедурных ограничений целостности (вплоть до каскадных операций), позволяет создавать хранимые процедуры, триггеры, функции, пакеты процедур и функций, задавать расписание для автоматического выполнения работ. В качестве процедурного языка 4GL используется расширение языка SQL, называемое PL/SQL, а в поздних версиях – Java. Однако Oracle традиционно славится как поставщик СУБД для крупных инсталляций, а для небольших систем Oracle слишком тяжеловесен, сложен и дорог.

Таким образом, Microsoft SQL Server 7.0 позволяет наглядно продемонстрировать суть изучаемых понятий в отличие от MySQL и оптимально подходит для установки в учебных компьютерных классах (в отличие от Oracle).

Теоретические положения, изложенные выше, позволяют построить содержание и методику обучения понятиям и способам деятельности, необходимым для разработки многопользовательских баз данных. Планомерное целенаправленное применение этой методики, вместе с методикой дисциплины «Модели данных и СУБД», в которой изучаются основные модели данных, принципы нормализации баз данных, рассматриваются средства разработки персональных баз данных и технология работы с СУБД Access, обеспечивает формирование у студентов специальности «Прикладная математика» устойчивых знаний и умений проектирования, построения и использования баз данных в будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Адаменко Н.Д., Оганджян О.П.** СУБД MS SQL Server: Практикум. – Витебск, 2003.
2. **Вербицкий А.А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М., 1991.
3. **Матюшкин А.М.** Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М., 1972.

S U M M A R Y

On the basis of the context-signal approach the article reveals the contents of the special course «Net databases» for speciality 1-31 03 03-02 14 «Applied Mathematics. Mathematics and Computer Programming Teaching» providing for effective mastering the principal conceptions, the methods of databases designing and the means of elaborating the software used for creating corporative systems of information processing.

Поступила в редакцию 1.03.2004

Лексическое опрощение суффиксальных существительных в русском языке

Превращение производных основ в непроизводные (опрощение) происходит в результате изменения реального значения производящих и производных слов, фонетических и лексических преобразований в языке. Наблюдается и взаимодействие языковых факторов [1–3].

В статье рассматривается лексическое опрощение суффиксальных существительных. При этом отмечаются и случаи взаимодействия языковых факторов.

Особенностью лексических изменений по сравнению с семантическими является то, что они могут быть зафиксированы, главным образом, лишь при сопоставлении фактов значительных исторических отрезков в развитии языка.

Поскольку лексические изменения в ряде случаев тесно связаны с семантическими и фонетическими процессами, выявить их в чистом виде довольно трудно, тем не менее можно выделить следующие факторы: I. Исчезновение образующего слова. II. Архаизация исходного слова, распад гнезда родственных слов. III. Изменение именительного падежа имен существительных. IV. Превращение заимствованных производных слов или собственно русских производных от заимствованных слов в непроизводные.

I. Исчезновение образующего слова.

Опрощенные суффиксальные существительные, возникшие в результате исчезновения образующего слова, относятся к разным эпохам:

а) общеславянские: *луч, лоск, лебеда, нива, ведро, ягода, голубь*, особую группу здесь составляют суффиксальные существительные индоевропейского характера, типа *день, дрова, ребро, серна, сын, племя* и др.;

б) восточнославянские (возникли в древнерусском языке и представляют собой восточнославянские): *радуга, льгота, коршун, знахарь, зяблик, ложка* и др.;

в) собственно-русские слова, возникшие в эпоху раздельного существования восточнославянских языков: *раковина, папоротник, улитка, булыжник, вьюга* и др.

Процесс архаизации исходного слова может стать фактором опрощения только в том случае, если в языке окончательно исчезают из употребления не только соотносительное образующее слово, но и все другие слова, так или иначе осознающиеся, как родственные [1, с. 198].

Такие опрощенные суффиксальные существительные широко представлены в русском языке. Ср., например, этимологически родственные однокоренные образования: *долина – длина – долонь; колесо – калач – кольцо-кольчуга; лебедь – лобода – лебеда; лопата – лопух – лопасть* и др.

Если же образующее слово в языке сохранилось, то между исторически родственными суффиксальными существительными могут прерваться семантико-грамматические связи. Например, суффиксальные существительные *рубель – рубеж; кора – корыто* и под. пережили интеграцию морфем основы,

однако образующее слово, глагол и существительное, сохранилось в русском языке (*рубить, кора* и др.).

Суффиксальные существительные общеславянского периода могут иметь соответствия без суффиксов или с иными суффиксами в славянских языках и других языках индоевропейской семьи. Ср., например, существительные *мизи-нец, ягода, болото, дно, спица* и др. Количество таких слов в русском языке невелико. Данные сравнительно-исторического языкознания, словообразовательный анализ позволяют предположить, что процесс опрощения основы существительных этой группы произошел в эпоху восточнославянского единства.

Слово *ягода*, например, с этимологическим суффиксом собирательности впоследствии стало восприниматься как обозначение одной ягоды, наличие корневой морфемы *aq-* (*jaq*) в сербохорватском и словенском языках дает основание предполагать, что интеграция морфем основы деривата *ягода* произошла на восточнославянской почве.

В современном русском литературном языке имеется значительное количество опрощенных суффиксальных существительных, исходный коррелят которых прослеживается в словарном составе древнерусского или в современных диалектах русского языка, а также в современном украинском языке. Сопоставление генетически родственных слов в русском, украинском и других славянских языках помогает определить причину интеграции морфем в суффиксальных существительных и других производных. К этому разряду можно отнести существительные *галка, венец, бревно, ястреб, черемуха* и др.

Данные русских диалектов и украинского языка помогают определить образующую основу опрощенных суффиксальных существительных *ястреб, кисть, слякоть, батог* и др.

Ястреб, пережившее опрощение на границе корня и суффикса, имеет соответствие в диалектах украинского языка: *ястер* «ястреб». В литературном украинском языке, как и в русском, слово *ястреб* пережило демотивацию и опрощение.

Общеславянское суффиксальное существительное *ястреб* (*astrь – евь*), следует считать, пережило опрощение на восточнославянской почве: в древнерусских памятниках образующее слово не отражено. Закрепил явление опрощения фактор семантического характера. Первоначальное значение слова *ястреб* «птица, обладающая быстрым полетом». Исходным звеном деривационного рода является индоевропейское *as* «быстрый».

С лексико-семантической стороны опрощенные дериваты не представляют единства, что позволяет выделить среди них 4 наиболее многочисленные группы.

1. Имена существительные с предметным значением, типа *кошелек, ящик, ложка* и подобн.

Кошелек – собственно русское, было образовано с помощью суффикса *-ек-* от *кошель*, отмеченного в памятниках с XV века (*кошь, кошль, кошница*), в свою очередь производного от общеславянского *кошь* «корзина» с помощью суффикса *-ель-*. Опрощение существительного *кошелек* в результате исчезновения образующего слова *кошель* было закреплено фактором семантического характера. Слово *кошелек* и этимологически однокоренное *кошелка* не воспринимаются в синхронном плане как родственные слова.

В разговорном украинском языке древний корень *кош* наблюдается в сочетании с разными суффиксами (*кошик, кошль*); ср. с *киш* (кошелка побольше). Корневая морфема *кош* в строе украинского языка оказалась связанной.

2. Суффиксальные существительные с уменьшительным значением [4].

Опрощенные по лексическим причинам деминутивы имеют различное происхождение:

а) общеславянские: *месяц, венец, лавка, хижина, внук, спица* и др.;

б) восточнославянские: *кромка, кольцо, сорочка, косынка, колобок* и др.;

в) собственно-русские: *будка, огурец, варежка, ящик, ласточка, лепесток, одуванчик* и др. Наиболее многочисленна последняя подгруппа.

У ряда существительных этой группы в диалектах и родственных языках сохранились образующие слова: *кочка* (диал. *коча*), *лодыжка* (диал. *лодыга*), *варежка* (диал. *варега*), *ласточка* (сербо-хорватский язык *ласта*), *одуванчик* (диал. *одуван*) и др.

Огурец, собственно русское, было образовано от *огурь* посредством суффикса *-ец-*. Образующее *огурь* пришло к славянам из Византии. Ср. с дериватами в других языках: польск *ogurek*, укр. *ogіrok* (обл. *gіrok*) в русских диалектах – *огуро́к*. Опрощение основы на границе корня и суффикса в деминутиве *огурец* было вызвано исчезновением образующего слова *огурь*. Аналогичный процесс опрощения основы произошел и в деривате *огірок* в строе украинского языка.

3. Суффиксальные существительные с предметным значением, исторически возникшие на базе просторечного образующего слова. К этому разряду относятся существительные типа *буханка*.

Буханка было образовано путем суффиксации диалектно-просторечной основы *бухонь* (*бухонь* > *бухань*) «род хлеба»: *бухонь* -к -а > *буханк* -а. В русском просторечии и народные говоры слово *бухонь* проникло из польского языка, в котором существительное *bochen* оформилось в результате усложнения заимствованного производного *bocheniec* – восходит через посредство ср.-в. нем. языка к латинскому *foecius* «печеный хлеб». В украинском языке имеются два производных слова для выражения одного понятия: *буханка* и *буханець*. Слово *буханка* имеет в украинском языке, в отличие от русского, членимую основу, корень *бухан* – связанный.

4. Существительные с этимологическими суффиксами субъективной оценки или значением предметности типа *вереница, котомка, палка, платок, стручок, ящерица, сорочка, лукошко* и др. – хронологически разные производные. Явление опрощения наблюдается и в общеславянских словах типа *ящерица*, и в восточнославянских типа *сорочка*, и в древнерусских типа *палка*.

Исчезновение из русского языка образующего слова объясняется, следует считать, и общей тенденцией суффиксации нетематических слов, и определенной стилистической особенностью слов с суффиксами субъективной оценки, и большой продуктивностью именных дериватов с предметным значением.

Исторические деминутивы активно пополняют разряд имен существительных с предметным значением и, как корневые слова, дают новые словообразовательные ряды, новые уменьшительные слова: *колобок* – *колодочек*; *веревка* – *веревочка*; *ромашка* – *ромашечка* и т.д. В русском языке появились деминутивы «второго слоя». Вторичные уменьшительные слова с суффиксом *-очек-, -ечк-, -ичк-, -очк-* и др. (*ложечка, лепешечка, мисочка, кошелочка, огурчик*) стали формами субъективной оценки деминутивов, переживших опрощение и демотивацию в результате выпадения из языка образующего слова. Вторичные деминутивы в определенной мере закрепили явления лексикализации и опрощения образующих слов.

II. Архаизация исходного слова и распад гнезд родственных слов.

В данном случае наблюдаются две разновидности процесса, обусловленные степенью устарелости образующего:

1. Исходное слово исчезло из лексики современного языка и может быть восстановлено в результате этимологических разысканий. Причем процесс архаизации исходного слова, как уже отмечалось, может быть фактором опрощения только при условии исчезновения из употребления не только соотносительного образующего слова, но и других слов, так или иначе осознающихся как родственные. Например, интеграция морфем основы существительных типа *колесо*

была вызвана не только исчезновением образующего слова *коло*, но и «разрушением» семантической соотносительности производных слов (*колесо-кольцо*, *колесо-калач* и др.). Ср. с украинским языком, в строе которого процесс архаизации слова *коло* сравнительно позднего происхождения.

Распаду ряда родственных слов могут способствовать факторы звукового и семантического характера (*жерло-горло*; *шмель-комар*; *дятел-долото* и др.).

Опрошенные таким образом суффиксальные существительные широко представлены в русском языке: *долина-длина-долонь*, *лебедь-лобода-лебеда*; *венец-венок-веник*; *низ-нива*; *лоск-луна-луч*; *лопата-лопух-лопасть* и др.

Разрыв семантико-грамматических связей между исторически родственными суффиксальными существительными может происходить при условии существования в языке образующего слова. Например, суффиксальные существительные типа *дача-дар-дань*; *жир-жито*; *рубль-рубаха-рубеж*; *знамя*, отыменные суффиксальные производные *корица-корыто*; *черепица-черепаха-черепок*; *клубок-клубень*; *кубок-кубышка* и подобн. пережили интеграцию морфем основы, однако образующее слово, глагол или существительное сохранились в строе русского языка (*рубить*, *кора*, *череп*, *куб* и др.).

2. Исходное слово – архаизм в составе современной лексики, причем определяющим фактором демотивации явилась не стилистическая особенность образующего слова, как утверждал Л.А. Булаховский [5], а фактор смыслового расхождения между образующим и производным словом.

Такой семантический разрыв между исторически коррелятивными словами и вызвал демотивацию деривата и опрошение его основы. Несомненно, лексическими архаизмами являются генетически разные слова типа *град* «город», *уста* «губы» и подобн., однако в ряде дериватов, простых слов и сложений, они вычленяются как корневые морфемы независимо от их стилистических особенностей: *охладить*, *устный*, *очный*, *отрочество* и подобн.

Вычленение или невычленение морфем основы в производном слове не зависит от степени архаизации образующего слова. Трудно согласиться с выводом Л.А. Булаховского о том, что демотивация (деэтимологизация) в словах типа *окно*, *булавка* и подобн. была вызвана архаичностью образующего слова [5]. Одна и та же образующая основа, стилистически архаичная или выпавшая из словарного запаса современного русского языка, сливается с аффиксами в составе основ производных или вычленяется как самостоятельная морфема в зависимости от семантико-структурных корреляций между образующим и производным словом (при условии, если образующее слово имеется в современном русском языке, а также между производным словом и родственными дериватами). Ср. слова *окно*, *окунь* и подобн., пережившие опрошение в результате семантического разрыва между исходным и производным словом (*око-окно*, *око-окунь*), и исторически однокоренные производные типа *очный* (*оч-н-ый*). Выпавшие из словарного состава русского языка лексемы в одних дериватах синхронно вычленяются (*белка* и подобн.), в других – сливаются с суффиксом производного слова (*лодка*, *кринка*, *миска* и др.) [6].

III. Изменение именительного падежа существительных.

Как известно, современный именительный падеж единственного числа существительных типа *камень*, *кровь* является собственно формой винительного падежа единственного числа. К этой группе опрошенных суффиксальных существительных можно отнести слова *бровь*, *кровь*, *ячмень*, *церковь*, *тыква*, *буква*, *камень*, *брюква* и подобн. В словах этого разряда в древности вычленялись суффиксы -*ьв*- (типа *церковь*), -*ен*- (типа *камень*)

Интеграция морфем основы таких производных произошла в результате того, что суффиксальная морфема, выступающая в косвенных падежах, слилась с корнем вследствие унификации форм данного типа склонения. Слово

утратило коррелятивность как с былой безаффиксной формой именительного падежа, так и с образующим словом. Членение основ существительных типа *свекровь*, *любовь* сохраняется вследствие их соотносительности с родственными словами: *свекровь-свекор*; *любовь-любить*.

IV. Превращение заимствованных производных или собственно русских производных от заимствованных производящих в непроемные.

К этой группе опрощенных слов можно отнести существительные типа *кабачок* (*кабачки*), *будка*, *кружка*, *ляпка* и подобн. Рассмотрим примеры.

Будка, русский дериват, образован с помощью суффикса *-ък(а)* от *буда*, заимствованного через польский язык из ср.-в. – нем. яз., в котором *boude* «шалаш, постройка» является отглагольным производным (ср. с современным немецким *bauen* «строить»). Слово *буда* «плетеный шалаш», «плетенка» отражено в древнерусских памятниках. Дериват *будка* в памятниках не наблюдается. Суффиксальные производные (*бутка* «караульня», *будка* «сторожка» и другие значения) фиксируются лексикографами с XVIII столетия. Изоляция деривата в результате исчезновения образующего слова-заимствования и вследствие отсутствия иных производных определила его демотивацию и полное опрощение. Способствовало явлению опрощения и сравнительно быстрое пополнение данной лексической единицы новыми значениями.

Заимствованное образующее безаффиксное слово *буда* встречается в русских диалектах, в польском и чешском языках. В украинском языке существительное *будка* опрощения не пережило: в литературном языке имеются слова *будка-буда* (ср. с параллельными украинскими словами *лава* и *лавка*).

Заимствованную образующую основу имеет суффиксальное производное уменьшительно-ласкательного характера *кабачок* (*кабачки*) «овощ из породы тыквенных». Оно было образовано как уменьшительное с суффиксом *-ок-* от заимствованного из тюркского языка существительного *кабак* «тыква, кабачок» (*к* чередуется с *ч*). Отсутствие в русском языке иноязычного образующего слова и родственных производных определило опрощение основы существительного *кабачки*. Производное утратило также уменьшительно-ласкательное значение. В древнерусских памятниках слово *кабачки* не отражено. Опрощенным уменьшительным словам *будка*, *кабачок*, русским дериватам на базе образующего иноязычного слова, можно противопоставить уменьшительные слова типа *бублик*, *кортик*, *карлик*, *бричка* и подобн., заимствованные из других языков. Эти и другие уменьшительные слова, как и заимствования иных структурных типов, оказавшись изолированными в словарном составе русского языка, пережили опрощение *иногo характера*. Существительные типа *бублик*, *кортик* с самого начала, с момента их проникновения в русский язык, стали немотивированными наименованиями предметов и явлений, претерпели лексикализацию и опрощение основы [7].

Анализ 297 слов показывает, что опрощение часто происходило в результате взаимодействия лексических факторов с семантическими и фонетическими, однако изменения в словаре могут быть *единственной* причиной превращения производной основы в непроемную.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968. – С. 203–209.
2. *Ольшанский О.Е.* Фонетическое опрощение суффиксальных существительных в русском языке // Филологические науки, 1995, № 3. – С. 80–85.
3. *Ольшанский О.Е.* Интеграция морфем основ производных вследствие взаимодействия факторов различных ярусов языка // Единицы языка в функционально-грамматическом аспекте. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 165–170.
4. *Ольшанский О.Е.* О морфемном строении существительных с утраченной уменьшительностью // Русский язык в школе, 1993, № 3. – С. 98–100.

5. **Булаховский Л.А.** Дезтимологизация в русском языке // Труды института русского языка. Т. 1. – М.-К., 1949. – С. 159.
6. **Ольшанский О.Е.** Опрошение основ имен существительных в русском языке (монография). Учебное пособие для студентов филологических специальностей педагогических институтов и университетов. – Славянск, 1993. – С. 88.
7. **Ольшанский О.Е.** Лексическое и фонетическое опрошение в русском языке. Учебное пособие для студентов филологических специальностей педагогических институтов и университетов, учителей русского языка. – Славянск, 1995. – С. 20–22.

S U M M A R Y

The lexical intergration of the suffixal nouns are analysed in the article. Side by side with this the cases of interaction of the language factors are noted and pointed out.

Поступила в редакцию 21.10.2003

УДК 808.86 = 927(09)

В.І. Несцяровіч

Дыялектная аснова легенды Мерадж з Кітаба Хасяневіча (1832)

Сярод асноўных помнікаў мусульманскай літаратуры знаходзіцца ўсходняя легенда Мерадж. Татарскія кніжнікі лічылі за гонар уключаць змест гэтага славутага твора ў кітабы. Ёсць яна, як вядома, у пяці кітабах, даследаваных А.К. Антановічам [1], а таксама ў кітабах Абрагіма Хасяневіча (1832) [2], Мустафы Міськевіча (1853) [3] – арабскаалфавітных рукапісах, знойдзеных у апошнія гады. Легенда падаецца на цюркскай мове (гарызантальны радок) і сінхронна – беларускай (міжлінейны радок). Цюркскі варыянт тэксту ў сваю чаргу быў створаны з арабскага, пра што сведчаць не такія ўжо і рэдкія арабізмы як у мове цюркскай, так і беларускай копіі.

Легенда Мерадж (ад араб. *ступенькі, лесвіца*) з Кітаба Хасяневіча апавядае пра два эпізоды начнога падарожжа Мухамеда. Адноўчы, калі Мухамед спаў, яго разбудзіў Джабраіл. Анёл прывёў з сабою незвычайнага каня па імені Бурак, які вазіў папярэдніх да Мухамеда прарокаў. Паветрам Бурак перанёс Мухамеда ў Іерусалім, дзе ён сустрэў Ібрахіма, Ісу і іншых прарокаў, кіраваў іх малітвай. Потым яму прапанавалі выпіць з аднаго з трох куфляў – з вадой, віном і малаком. Мухамед выбраў малако, і гэта, як аказалася, быў правільны выбар, цяпер яго суполка, уммет, пойдучь правільнай дарогай. Раніцай Мухамед вярнуўся дамоў.

Гэтае перанясенне па волі Бога ў *Бейті аль-Мукэддысь* (літаральна: *Святы Дом*), г.зн. Іерусалім, згадваецца ў 17-й каранічнай суры «Аль-Ісра» («Перанёс ноччу»): «Хвала таму, хто перанёс ноччу Свайго раба з заповеднай мячэці ў мячэць найадаленую, каб паказаць яму Нашы адкрыцці...» Абодва тэксты, 17-я сура і легенда, тэкстуальна супадаюць часткова, дапаўняюць адзін аднаго. Аднак арабісты не схільныя лічыць 17-ю суру крыніцай легенды Мерадж. Тэкст легенды храналагічна ўзнік раней [4].

У КХ падаецца і другі эпізод знаходжання Мухамеда ў Іерусаліме, але пра яго ў Каране не гаворыцца. Пасля таго, як Мухамед памаліўся з прарокамі, да

яго спусцілася лесвіца незвычайнай прыгажосці, аздобленая золатам і дарагімі камянямі, па якой ён у суправаджэнні Джабраіла ўзнёсся на сем нябёсаў. Падымаючыся з неба на неба, ён зноў сустракаў прарокаў Адама, Ісу, Йусуфа, ідрыса, Харуна, Мусу, Ібрахіма. Мухамеду паказалі пекла, і ён бачыў страшныя пакуты грэшнікаў. Потым ён наведваў рай, дзе назіраў за асалодай і раскошай веруючых, бачыў райскіх паннаў. Затым з Мухамедам гаварыў Бог, Мухамед бачыў толькі аблічча Яго, бо свецкія вочы не могуць бачыць Бога. Потым Джабраіл вярнуў Мухамеда на зямлю, дзе на прывязі стаяў аль-Бурак, які і перанёс яго ў Мекку.

Гэтая фантастычная і, здавалася б, неверагодная гісторыя мае некаторыя ўпаўне рэалістычныя пацвярджэнні [5–6]. Цікава, аднак, тое, што легенда, якая як літаратурны твор аказала ўплыў на мусульманскую містыку, буйнейшыя ўсходнія літаратурныя творы [4, с. 251] і, магчыма, на станаўленне сюжэта «Боскай камедыі» Дантэ [5, с. 163], была перакладзена на многія іншыя мовы, у прыватнасці цюркскія, а таксама – гучыць амаль парадаксальна – на беларускую.

Але парадоксу тут і няма. Гэты твор уваходзіць разам з іншымі перакладамі ў кітабы – беларускамоўныя арабскаалфавітныя рукапісы, якія з XVI ст. ствараліся на Беларусі татарамі-мусульманамі. Твор заслугоўвае ўсебаковага аналізу як арабістаў, цюрколагаў, так і беларусазнаўцаў, паколькі з’яўляецца надзейным сведчаннем не толькі стану тагачаснай беларускай мовы, але і выяўляе багатую спадчыну вобразна-выяўленчых сродкаў як беларускай, мовы-рэцэптара, так і ўсходніх моў, якія паслужылі крыніцай для гэтай копіі.

А.К. Антановіч, знаёмячы з вынікамі сваіх назіранняў за графіка-арфаграфічнай сістэмай арабскаалфавітных рукапісаў XVII–XIX стст., часам прыводзіць дыялектныя асаблівасці таго ці іншага з іх. Даследчыка цікавіла пытанне пра месца ўзнікнення тэкстаў, у якіх, як правіла, адсутнічала апошня, самая інфарматыўная, старонка пра перапісчыка і месца перапісвання. У такім выпадку дыялектныя дадзеныя з’яўляюцца адзіным надзейным «пашпартным» паказчыкам стварэння. «Хаця мы і лічым, – піша ён, – што беларускія тэксты, напісаныя арабскім пісьмом, павінны былі існаваць ужо да сярэдзіны XVI ст., аднак, дзе яны ўзніклі і якая іх *дыялектная аснова* [выдзелена аўтарам], мы не знаём» [1, с. 37].

Вывучэнне *дыялектнай асновы* мае, па крайняй меры, некалькі абгрунтаванняў. Па-першае, яно дае падставы для меркавання аб тым, на якой тэрыторыі ствараўся пераклад легенды і колькі разоў гэты тэкст перапісваўся. Любое дыялектнае наслаенне процілеглых ці ўзаемавыключальных моўна-дыялектных рыс якраз і сведчыць пра колькасны паказчык капіравання. Па-другое, высвятленне характару ўплыву мясцовых гаворак на літаратурна-пісьмовыя нормы перакладнога паводле паходжання пісьменства дапамагае вызначыць і характар арфаграфіі ў цэлым. Па-трэцяе, устаноўка татарскіх кніжнікаў на «мясцовыя асацыяцыі» дазволіла зафіксаваць тагачасны стан беларускай мовы на ўсіх яе ўзроўнях. Па-чацвёртае, выкарыстанне дыялектнай беларускай мовы было эфектыўнае з пазіцыі пошукаў і выкарыстання яркіх, выразных сродкаў уздзеяння на пачуццёвы бок чалавечай свядомасці, паколькі выкарыстоўваліся аналагічныя прыёмы гутарковай мовы. А яны ў гутарковым асяроддзі шліфаваліся стагоддзямі і мала паддаваліся знешнім тэндэнцыям асіміляцыйнага характару. Па-пятаяе, для вывучэння асобных моўных з’яў, напрыклад – адлюстравання марфалагічных нормаў і марфалагічных варыянтаў, патрэбна выдзеліць у асобную групу тэксты адной дыялектнай прыналежнасці, у другую – іншай і г.д.

Выразна прасочваюцца *дыялектныя рысы* на фанетычным, лексічным і марфалагічным узроўнях.

Сярод фанетычных рыс надзейна перадаюцца выпадкі разнастайнага акання і якання, адсутнасць прыстаўных зычных перад *о*, *у*, а таксама і перад пачатковым *а* (з этымалагічнага *о*). Пры гэтым поўнае недысімілятыўнае аканне, уласцівае гаворкам цэнтральнай часткі Беларусі – Мінскай, Гродзенскай, паўднёва-заходняй часткі Магілёўскай, усходу Гомельскай і паўночнай часткі Брэсцкай абласцей [7], адлюстравана шырэй: *багатыё, прадавали, малако, байаца, гаклоны, пад дзеравам, свайіх, с канца, направа, налева, голас, звонка, прасіў, варота, многа, аднаго, пакланиўсе, стайаў, дзейаласе, адзіноства, гаспадара, страшна, дарагога, галоднага, валасоў, дарогу, вады*.

Няпоўнае недысімілятыўнае аканне, характэрнае гаворкам паўднёвага захаду Гродзенскай, Мінскай і ўсёй Брэсцкай вобласці [7, с. 41], ілюструецца прыкладамі з канцавым *о*: *йаўно, ціхо, тылко, стало, тайемно*. Праявіўся гэты тып акання і ў канчатку *-аго* ў словах займеннікавага тыпу: *іншаго, адзінаго, галоднаго, дзіўнаго, суднаго, праваго, леваго, каштоўнаго, йаўнаго, чыстаго*. Такіх формаў, дарэчы, болей, чым з канчаткам *-ага*: *пекелнага, чырвонага*.

Не выключана, канешне, што ў КХ адлюстраванне слоў займеннікавага тыпу на *-аго* прадыхтавана крыніцай, з якой спісвалася гэтая легенда. Тым больш, што словы менавіта з такім канчаткам пранікаюць у беларускую пісьмовую мову рэлігійных твораў XVII ст. з кніжнаславянскіх крыніц, не маючы кантролю з боку народнай мовы [8]. Але калі гэта і так, то іх выкарыстанне падтрымліваецца тыпам няпоўнага недысімілятыўнага акання.

Ёсць некалькі рэдкіх прыкладаў поўнага недысімілятыўнага якання, і гэта дазваляе меркаваць пра перапісванне легенды і на тэрыторыі Гродзенскай (Астравецкі, Ашмянскі, Навагрудскі і некат. інш. раёны), Мінскай (Дзяржынскі, Уздзенскі, Капыльскі), часткова Гомельскай абласцей, дзе яно распаўсюджана: *тойа, растопл[я]на*.

Дысімілятыўнае яканне, уласцівае гаворкам паўночна-ўсходняга дыялекту, у прыватнасці гаворкам Віцебшчыны, паўночнай частцы Мінскай і інш., перадаецца дастаткова часта: *ні пазнайіш, майіш, нимаіш, у серэдзіні, будзііш, биды, зарадуіцца, радуіцца, перын[ё]с, эбицаў*.

Словы з націскнымі пачатковымі *о*, *у* не маюць у большасці выпадкаў прыстаўнога *в*: *очы, уш, озьмеш, олава, озьму, окна, заочне, науку*. Адсутнічае прыстаўны зычны і перад *а* з этымалагічнага *о*: *азьмі, ачэй, ачыма*.

Можна адзначыць толькі некалькі напісанняў з прыстаўным *в* у словах *вушы, вужы, вужоў*, але ў двух апошніх словах напісанне *в* падтрымліваецца і марфалагічным прынцыпам.

Прыстаўны *в* характэрны гаворкам Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай (апрача паўднёвых ускраін), Гомельскай. Адсутнасць прыстаўнога – асаблівасць Гродзенскіх, паўднёва-заходніх раёнаў Брэсцкай, паўночна-ўсходніх раёнаў Гомельскай абласцей [7, с. 66].

Ужо гэтыя лінгвістычныя дадзеныя выяўляюць некалькі дыялектных наслаенняў, якія ўзніклі ў выніку шматразовага капіравання легенды. Але відавочна: найчасцей трапляюць у пералічэнне гаворкі Гродзеншчыны, радзей – усходняй Віцебшчыны, Міншчыны і Брэстчыны.

Мяркуючы па колькасці адлюстраваных слоў, у якіх адсутнічае прыстаўны *в*, можна думаць, што тэкст легенды мае большае дачыненне да гаворак Гродзеншчыны. Яшчэ адным доказам гэтага з'яўляецца фіксацыя слоў з падаўжэннем зычных, якіх у тэксце толькі некалькі: *стварэнне, багацце, кэрэннем*. Бытуюць яны ў гаворках Віцебшчыны, Полаччыны, Міншчыны, паўднёва-ўсходняй часткі Брэстчыны, паўночна-ўсходняй Гомельшчыны.

Найчасцей жа падаўжэнне не адлюстроўваецца. На яго месцы знаходзіцца толькі адна літара: *хадзене, з расказанем, зміловане, камене, жадан[ю], аз-наймене, паткане, аблича, абличэ, напиця*.

У іншых выпадках на месцы падаўжэння пішацца спалучэнне «зычны + й»: *каменье, прыкэзанье, крылья, крыльоў, а прабачэньи, жэданье, кэрэнье*. Такая арфаграфічная норма была ўласціва свецкаму, дзелавому і рэлігійнаму кірылічнаму пісьменству ў XVII ст. [8, с. 355] і магла трапіць у арабскаалфавітнае пісьменства і потым капіравацца на працягу доўгага часу. З другога боку, назіраецца велізарны ўплыў народна-дыялектнай мовы на правапіс і нельга не толькі не выключыць, а нават можна меркаваць, што ў напісаннях тыпу *карэнье* праявілася менавіта дыялектнае ўздзеянне. Падоўжаныя зычныя ўжываюцца непаслядоўна ў гаворках Гродзеншчыны, паўднёва-заходняй часткі Мінскай і Гомельскай абласцей, асобных раёнаў Віцебскай вобласці (Браслаўскі, Міёрскі, Шаркаўшчынскі) [7, с. 63].

Іншая справа, як чытаць спалучэнне *-нйе*? Можна так, як напісана. Тады [н] – цвёрды. Аднак у адзначаных гаворках яно вымаўляецца з мяккім зычным [н']. Арабская графіка ў гэтым выпадку бяссільная, бо яна ад пачатку не стваралася для размежавання апазіцыі *цвёрды – мяккі*: у арабскай мове такой апазіцыі проста няма. Адсутнічаюць таму і графічныя традыцыі абазначэння парных мяккіх зычных. Ды і сам А. Хасяневіч, адчуваючы ў гэтым недасканаласць арабскага пісьма, ідзе следам за папярэднікамі, пішучы літару *ي* пасля мяккіх зычных, якая не абазначае тут [й]: *چلیي* чэледзь. Але гэта адзін са спосабаў абазначэння як [i], так і [ы] [1, с. 316]. Так што ў КХ спалучэнне *нй* у інтэрвакальнай пазіцыі ёсць падставы чытаць як [н'је]. Гэтак сама, як і [л'і]: [ц'і]: [весел'іе], [піц'іа].

Пры адлюстраванні ў адным тэксце фанетычных дыялектных рыс узаемавыключальнага ці палярнага характару дыялектную аснову суаднесці з якім-небудзь адным рэгіёнам немагчыма. Выкарыстанне статыстычнага метаду, безумоўна, дае пэўную інфармацыю, але ў выніку вызначаецца толькі колькасць фіксацый тых ці іншых з'яў. Тэрытарыяльная ж прыналежнасць твора можа быць вызначана толькі па комплексу прымет. Вось чаму для высвятлення дыялектнай асновы мэтазгодна супаставіць не толькі фанетычныя, але, дадаткова, лексічныя і марфалагічныя рысы.

Да яркіх лексічных асаблівасцей належаць словы *азьми, озьмеш* (Смаргонскі, Пастаўскі раёны), СБГ, т. 1, с. 70; *помач* (Пастаўскі, Верхнядзвінскі), СБГ, т. 4, с. 46; *усегды* (Вілейскі, Верхнядзвінскі, Валожынскі), СБГ, т. 5, с. 139; *німаш* (Зэльвенскі, Пружанскі), СБГ, т. 3, с. 246; *абачу* (Іўеўскі), СБГ, т. 1, с. 29; *мейсцэ (мейсца)* (Пастаўскі, Смаргонскі, Вілейскі, Астравецкі), СБГ, т. 3, с. 56; *прыйму* (Драгічынскі), СБГ, т. 4, с. 147.

Да марфалагічных асаблівасцей трэба аднесці:

словы займеннікавага тыпу на *-і (-ы)*: *прароцкі, велкі, кожны, смутні, пекелні, грэшні, моцні, судні, векоісты, геты, першы, праўдзівы, фіжмовы*. Такія формы ўласцівы паўднёва-заходнім (за выключэннем паўднёвых раёнаў Брэсцкай вобласці), сярэднебеларускім гаворкам. Некалькі слоў маюць канчаток *-ый*: *божый, гетый*, што можна разглядаць у якасці дыялектнага паказчыка, напрыклад, паўночна-ўсходніх раёнаў Віцебскай вобласці, дыялектныя рысы якіх ужо адзначаліся ў мове легенды;

прыметнікавыя формы з канчаткам *-айу* ў Він. скл., адз. л.: у *праўдзівайу дарогу; кажнайу крапл[ю]*;

сцягнутыя формы прыметнікаў у Н. скл., мн. л.: *пасьцел[я] цепла б[ы]ла: божэ іме; твары йасні і харошы; сталі поўны сьветласьці; гэта ноч*, характэрныя гаворкам Мінскай, Гродзенскай, Брэсцкай і часткова Гомельскай абласцей [7, с. 90];

словы займеннікавага тыпу ў М. скл., адз. л. з канчаткамі *-ом (-ём), -ым, -ем, -ам*: *у адном, а ўсём, у кожным, пад тым, у трэцем, у кажнам*.

Сродкамі арабскага пісьма ненадзейна перадаецца гук [а], калі абазначаецца *фатхай*. Пагэтаму з разгляду выключаюцца словы тыпу *на кажнем*. Літара *е* тут абазначана менавіта *фатхай* і можа быць расчытана дваяка: *на кажнем* і *на кажнам*. Але рызыкаўна сцвярджаць што-небудзь адно. Што да флексійнага мноства ў М. скл., то канчатак *-ім (-ым)* уласцівы большасці беларускіх гаворак, *-ам* – гаворкам паўночна-ўсходняй часткі Беларусі, *-ом* – усім гаворкам Брэстчыны, большасці Гродзенскіх, паўднёвай часткі Мінскай, асобным гаворкам Гомельскай [7, с. 94–95].

Шырокае адлюстраванне атрымалі асабовыя формы дзеясловаў у цяп. і буд. ч. у 3-й ас., адз. л. з канчаткамі *-а, -э (-е)*: *пиша, хочэ, можэ, распастрэ, гла-не, перэстане, гулайе, узыйдзе, ідзе, асьвечайе, будзе*. Літара *э* ў словах *хочэ, можэ* можа быць расчытана і як [а]. Рэдкія ўжыванні назіраюцца з канчаткамі *-ець*: *ідзець, схавайець, расьцець*. Ізагласа, якая раздзяляе гэтыя формы, праходзіць па лініі, якая закранае гродзенскія і мінскія гаворкі: Астравец – Смаргонь – Маладзечна – Лагойск – Барысаў... – Добруш [7, с. 107].

Форма загаднага ладу на *-ыце* ў 2 ас., адз. л. *берице* трапіла ў мову легенды хутчэй за ўсё з гаворак Віцебскай вобласці, якім яна ўласціва. Аналітычныя формы будучага часу з дзеясловам *маіе (што маіе чыніць)* уласцівы гаворкам Гродзеншчыны і паўднёвага захаду Мінскай [7, с. 109].

Формы загаднага ладу дзеясловаў у 1 ас., мн. л. на *-ма* фіксуюцца толькі двойчы: *ўспамінайма, рэкзама*. Іх паходжанне можа быць звязана з гаворкамі Брэсцкай, Гродзенскай, паўднёвай часткі Мінскай і Гомельскай абласцей [7, с. 111].

Такім чынам, калі ўлічыць, што апошнім месцам перапісвання Кітаба 1832 г. былі Смілавічы [2, с. 81], цэнтральная частка Міншчыны, то ўзяўшы гэты населены пункт у якасці зыходнага, можна выдзеліць наступныя дыялектныя пучкі: 1) Смілавічы – Драгічын – Пружаны; 2) Смілавічы – Слонім – Зэльва; 3) Смілавічы – Шчучын – Іўе; 4) Смілавічы – Смаргонь – Ашмяны; 5) Смілавічы – Вілейка – Браслаў – Верхнядзвінск. З гэтага вынікае, што ў мове Кітаба Хасяневіча адлюстраваліся дыялектныя асаблівасці не менш як пяці дыялектных пучкоў. Кратнасць перапісвання неабавязкова павінна супадаць з колькасцю пучкоў. Але, трэба думаць, кожнае новае перапісванне абавязкова адзначалася пранікненнем мясцовых дыялектных рыс, паколькі татарскія кніжнікі свядома выкарыстоўвалі ў мове рэлігійных тэкстаў рысы сваіх гаворак. Відаць, адбывалася гэта не выпадкова, бо менавіта мясцовым гаворкам належыць «увогуле вызначальная роля ў фарміраванні і станаўленні сучаснай беларускай літаратурнай мовы» [9]. Арабскаалфавітныя рукапісы, як закрытае пісьменства, хоць і не аказвалі прамога ўздзеяння ў I пал. XIX ст. на выпрацоўку літаратурна-пісьмовых нормаў новай беларускай літаратурнай мовы, але яны надзейна перадаюць пісьмовую практыку таго часу ў асяроддзі татарскіх кніжнікаў, якія былі часткай усяго беларускага грамадства.

Скарачэнні

КХ – Кітаб Хасяневіча (1832).

СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй часткі Беларусі і яе пагранічча. – Т. 1–5. – Мн.: «Навука і тэхніка», 1979–1986.

ЛІТАРАТУРА

1. **Антонович А.К.** Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. – Вильнюс, 1968. – С. 37.
2. **Несцяровіч В.І.** Кітаб 1832 года: змест, палеаграфія, графіка, арфаграфія // Веснік ВДУ, 2001, № 2(20). – С. 81–90.
3. **Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татар:** Каталог выставы / Да 600-годдзя татарскага асідніцтва на Беларусі. Укладальнікі: **Л. Доўнар, Т. Самайлюк, Т. Дзем'яновіч.** – Мн., 1997. – С. 8–9.
4. **Демидчик В.П.** Памятники белорусской литературы, писанной арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада // Проблемы арабской культуры / Памяти академика И.Ю. Крачковского. – М., 1987. – С. 247.
5. **Пиотровский М.Б.** Коранические сказания. – М., 1991. – С. 163–164.
6. Паводле традыцыйных поглядаў, перанясенне з Меккі ў Іерусалім лічыцца чудам, хаця ў іншых месцах прарок цуды адмаўляе. Відаць, Мухамед хацеў расказаць пра сон. Але мусульманская традыцыя ўсё роўна аб'ядноўвае гэтыя два эпізоды. Гл.: Коран // Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. 2-е изд. – М., 1990. – С. 569.
7. **Блінава Э.Д., Мяцельская Е.С.** Беларуская дыялекталогія. – Мн., 1980. – С. 39.
8. **Жураўскі А.І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. – Т. 1. – Мн., 1967. – С. 316.
9. **Крывіцкі А.А.** Дыялекталогія беларускай мовы. – Мн., 2003. – С. 3.

S U M M A R Y

The dialectal basis of the legend Meradge from Khasenevich's Kitab (1832) is presented with the dialects of the central and northern-western parts of Belarus.

Поступила в редакцию 4.02.2004

УДК 808.26-3

В.М. Ляшкевіч

Імя-мянушка як крыніца экстралінгвістычнай інфармацыі

Дасканала апісаць і высветліць паходжанне імён-мянушак XVI–XVIII стст. у наш час – задача няпростая. Калі грамадства знаходзілася на пачатковых стадыях развіцця, адносна нешырокая наменклатура імён дазваляла адрозніваць людзей у невялікіх кангламератах. Пазней, з развіццём грамадства, спатрэбіліся дадатковыя вылучальныя называнні. Уласныя імёны, якія надаваліся дзіцяці пры нараджэнні (да прыняцця хрысціянства – людскія свецкія, а потым – хрысціянскія), пачалі дапаўняцца мянушкамі, якімі характарызаваў асобу калектыў. Акрамя прамога выкарыстання лексікі, што існавала ў той час, шляхам розных перабудаванняў ствараліся асобныя словы, найбольш прыдатныя для называння. Падобныя спецыяльныя ўтварэнні, на наш погляд, можна лічыць паўнацэннымі ўласнымі імёнамі мінулага. У адрозненне ад прозвішчаў, мянушкі – афіцыйна не замацаваныя, юрыдычна не значныя называнні. Яны знікаюць разам з носьбітам, а не працягваюць існаваць і перадавацца нашчадкам, як прозвішча. Па матэрыялах даследаваных намі помнікаў мясцовай дэлавой пісьменнасці мы можам пацвердзіць агульнапрынятую думку, што старажытныя ўласныя імёны не выходзяць з ужытку, а працягваюць існаваць нават у XVIII ст. разам з хрысціянскімі.

Зразумела, што менавіта рэальны факт кладзеца ў аснову ўзнікнення імені-мянушкі. Перш за ўсё знешнасць, паводзіны ці характар чалавека з'яўляецца падставай для ўзнікнення імені-мянушкі, таму ў іх шырока адлюстроўваюцца ўсе бакі сямейнага, грамадскага і палітычнага жыцця чалавека. Невыпадкава мы можам назваць імені-мянушкі своеасаблівым позіркам у мінулае, таму звернем асноўную ўвагу на лексіку, што ўвайшла ў іх склад.

Большая частка іменаў-мянушак захоўвае ў антрапааснове лексемы, якія абазначаюць асобу па якой-небудзь прымеце ці дзейнасці. Мянушкі, утвораныя ад апелятываў, у аснове якіх характарыстыка чалавека, налічваюць 27,8% ад усіх мянушак. У помніках мясцовай дэлавой пісьменнасці Віцебшчыны і Магілёўшчыны XVI–XVIII стст. знаходзім імені-мянушкі, якія даваліся па росце, памерах чалавека, асаблівасцях яго канстытуцыі: *Величка; Великотны; Кароткий; Малей; Малюка; Немелкий; Сухачь; Сухан; Сухапарь; Тонковидь; узросце: Малец* – малец рэг. 'хлопец, падлетак' [1]; *Малютник* – малюцік рэг. 'дзіця, малое дзіця' [2]; *Старлетый; колеравай прымеце: Белоножка; Белоусь; Буробоки; Буры; Рудой; Рудак, Рудько* – рудак, рудзька рэг. 'чалавек з рудымі валасамі', 'жывёліна з рудою, рыжаю шэрсцю' [1]; *Рыжы; Рыжыкь; Сивоха; Синявоки; Чарнець; Чарнякь* – магч. 'смуглы, чарнявы чалавек'; *Чарнячакь; асаблівасцях частак цела, фізічных недахопах: Дубанось* – дубанос рус. 'насаль, насаты чалавек' [3]; *Хромы; Карзунь* – карзун рус. 'без пярэдніх зубоў, шчарбаты' [3]; *Лабань* – лобан рус. 'чалавек ці жывёліна з вялікім ілбом' [3]; *Салагубь* – салагубы рэг. 'чалавек з тоўстымі заўсёды мокрымі губамі' [1]; *Варапай* – рэг. 'спяпы чалавек' [2]; *Лысы; Калека; Крывы; Мурза* – 'мурзаты, запэцканы чалавек', магчыма цюрк. мурза, рус. смал. 'запэцканае дзіця' [1]; *асаблівасцях гаворкі, маўлення: Бак. Бака* – рус. 'гаварун' [3], параўн. бел. бакуліць 'пустасловіць' [2]; *Лепецюх* – магч. 'лапатуха, балбатуха', параўн. рус. лопотать, лепетать; *Шабуня* – магч. рэг. 'невывразна гаварыць' [1]; *Szawirdzia* – шавярда рэг. 'шапялявы' [1]; *рысах характару, асаблівасцях паводзін: Астрейка* – магч. 'востры на язык, жартаўнік'; *Шурва* – вырва, параўн. рэг. вырвас 'вісельнік, сарвігалава' [2]; *Галуза* – 'свавольнік'; *Гулець; Dabryk; Дюндя* – дзюндзя рэг. 'п'яніца', 'гультай' [2]; *Калитник* – магч. рус. 'валакіта, ухажор' [3]; *Кислы; Убогий*.

Нязначная колькасць імен-мянушак адлюстроўвае ўнутраныя якасці чалавека: *Остолопъ; Мысливецъ; Тулица; Танок* – магч. рус. тананы водить 'біць байды, хадзіць без работы' [3]; *Робацень* – магч. 'працавіты чалавек'.

Зразумела, што менавіта фізічныя адхіленні, асаблівасці маўлення і паводзін чалавека прыцягваюць да яго ўвагу. Таму мянушкі, матываваныя знешнім выглядам, значна дамінуюць над тымі, што характарызуюць чалавека па яго ўнутраных, разумовых якасцях, пра якія даведацца было значна цяжэй. Асноўная маса агульнабытавых імен была нейтральнай. Імені-мянушкі, што зараз нам здаюцца зневажальнымі (*Гарбачь, Кривашей, Клишъ*), у мінулым не ўспрымаліся так эмацыянальна, яны здаваліся натуральнымі, проста канстатавалі факт.

Звяртае на сябе ўвагу назіральнасць і дасціпнасць беларускага народа. Найменняў з адмоўным значэннем на парадак больш, чым са станоўчым. На нашу думку, у выніку анімістычнасці мыслення старажытнага чалавека, вера ў магічную сілу выкарыстоўвалася пры наданні імені: імя павінна было абараніць свайго носьбіта. «Адмоўнае» імя адводзіла ўвагу «нядобрых сіл». Магчыма таксама, што пры ўтварэнні іменаў-мянушак не абыходзілася і без жывога народнага гумару.

У даследаваных намі крыніцах вылучаецца каля 350 іменаў-мянушак, утвораных ад 90 апелятываў, якія ўказваюць на рамёствы і промыслы. Некаторыя з іх ужываюцца ва ўсіх вывучаных пісьмовых помніках, а рас-

паўсюджанне іншых абмяжоўваецца тэрыторыяй і нават часам. Так, напрыклад, імёны-мянушкі *Аргун*, *Бортник*, *Добошъ*, *Жакъ*, *Жарнасекъ* фіксуецца адзінкава, а *Казак*, *Кравец*, *Каваль* сустракаюцца даволі часта. Магчыма, менавіта заняткам адрозніваліся некаторыя людзі, таму назва промыслу становілася трапным імем-мянушкай, якое і атрымліваў чалавек.

Па характарыстыцы распаўсюджвання тых ці іншых «прафесій» можам зрабіць некаторыя вывады пра побыт беларусаў у XVI–XVIII стст. Больш за ўсё намі засведчана імён-мянушак, якія паходзяць ад апелятываў, што характарызуюць вайскоўцаў: *Аскер*, *Аскерка* – араб. аскер 'войска', 'воін, салдат' засвоена многімі цюрк. мовамі [1]; *Казакъ*; *Стрэльник*; *Шаула* – літ. *šaulys* 'стралок', параўн. тат. шаулы 'бурны, бурлівы' [1]; *Харужы* – ад харунжы пры спрашчэнні групы зычных [нж]. Гэта можна патлумачыць гістарычнымі асаблівасцямі развіцця дзяржаўнасці таго часу. Пэўная частка антрапонімаў паходзіць ад апелятываў, што характарызуюць рамеснікаў: *Алейник*; *Васкабойник*; *Ганчар*; *Дайлідъ* – ст.-бел. дойлід 'цясляр, будаўнік' [4]; *Кажемяка* – 'аўчыннік, майстар, які вырабляе шкуры'; *Кацельникъ*; *Коваль*; *Калачник*; *Колесникъ*; *Кравец*; *Кухта* – рэг., уст. 'прыслужнік, вучань повара' [4]; *Маляр*; *Млинник*; *Пирожникъ*; *Пономаръ*; *Шапавал*. Найбольш часта сустракаюцца лексемы, якія называюць тых, хто вырабляў бочкі, калёсы, адзежу і абутак, воск і дзёгаць, гуту і шкло, піва і віно, муку і крупы, хлеб і мёд, апрацоўваў футра, скуру і аўчыну.

Гісторык М.В. Доўнар-Запольскі мяркуе, што нават у XVIII ст. дробны шляхціч вёў сваю гаспадарку па прынцыпе безабменнай: сам вырабляў муку і прылады працы, рамантаваў абутак і адзенне, набіваў бочкі [2, с. 137]. Гэта можа пацвердзіць нашу думку, што прыналежнасць да прафесіі ў той час з'яўляецца яркай прыметай, якая дапамагае вылучыць чалавека з кола іншых.

Нягледзячы на тое, што даследавалася шмат дакументаў, у якіх разглядаюцца менавіта «зямельныя пытанні», намі амаль не засведчаны імёны-мянушкі, якія б адлюстроўвалі сельскагаспадарчую працу і жывёлагадоўлю. Думаем, гэта тлумачыцца тым, што большасць беларусаў у той час займалася менавіта апрацоўкай зямлі і гэта рыса не з'яўлялася вылучальнай.

Засведчана малаколькасная група імён-мянушак, якія паходзяць ад апелятываў, што характарызуюць гандляроў: *Прасоль* – рус., укр., рэг. бел. 'скупшчык мяса і рыбы для продажу ў розніцу' [1]; *Салоникъ* – 'прадавец солі' ? [1]; *Таргашъ*. Трэба адзначыць, што падобныя імёны-мянушкі сустракаюцца толькі ў канцы XVI ст.: сем разоў на тэрыторыі Магілёўшчыны і адзін раз на Віцебшчыне. Прычына бачыцца ў тым, што, магчыма, на Магілёўшчыне ў той час гандаль ішоў больш актыўна. М.В. Доўнар-Запольскі мяркуе, што XVII ст. – гэта эпоха не толькі паступовага заняпаду беларускага гандлю, а і ўласна віцебскага [2, с. 207, 226].

Зафіксаваны тры мянушкі, што ўтвораны ад апелятываў, якія абазначаюць рэлігійных служыцеляў: *Воготаз* – магч. рус. боготаз 'іканапісец'; *Жакъ* – ст. бел. 'служыцель у касцёле' [4]; *Панамаръ*.

Некаторыя імёны-мянушкі сустракаюцца спарадычна і абазначаюць асоб па сацыяльным стане (*Баярка* – тат., каз., туркм. баяр 'баяр, князь, дваранін' [1]; *Паненакъ*; *Солтанъ* – тат. 'султан' [1]) ці супрацьпастаўляюць багатых бедным (*Голобедка*; *Галякъ*, *Голы*; *Багаты*; *Багачъ* і інш.). Трэба адзначыць, што ад апелятываў шляхціч, пан, гаспадар, князь пры дапамозе фармантаў -аў/-еў/-оў утворана шмат патронімаў (напр., *Панаў*, *Гаспадароў*, *Князеў* і інш.), што тлумачыцца сацыяльным становішчам сялян і прыналежнасцю гараджан да прывілеяваных колаў.

Любы від дзейнасці чалавека, духоўны і матэрыяльны склад жыцця, узаемаадносіны з роднымі і суседзямі – усё гэта клалася ў аснову называння чалавека. Таму імёны-мянушкі могуць служыць гістарычнаму даследаванню жыцця народа не менш, чым іншыя гістарычныя помнікі культуры і быту, літаратуры і мовы.

Асобную групу складаюць этнонімы-мянушкі: *Жиденакъ, Жыдъ; Казаринъ; Латышъ; Литвинъ* – ст.-бел. 'літовец', 'жыхар Літвы' [1]; *Ляхъ; Мазуръ* – польск. *mazur* 'мазур, жыхар Мазовіі'; *Маскаль* – ст.-бел. 'падданы Маскоўскай дзяржавы' [1]; *Масквитинъ; Прусь; Татарынъ; Туракъ Хахол; Черкась (Чаркес); Шведъ Чехъ*

Зразумела, што сувязі беларусаў з рускімі, літоўцамі і палякамі маюць старадаўнія традыцыі, асабліва ў пагранічных раёнах. Па матэрыялах даследаваных намі пісьмовых помнікаў можам зрабіць наступны вывад: з рускімі жыхары Віцебшчыны і Магілёўшчыны мелі зносіны значна часцей, чым з палякамі ці літоўцамі (намі знойдзена 56 імён-мянушак, якія указваюць, што іх носьбіт 'маскаль' ці 'масквитинъ', 13 – 'Литвинъ', і толькі 3 – 'Ляхъ' ці 'Мазуръ'). Гэта абумоўлена гістарычнымі і географічнымі прычынамі.

У XVI ст. наплыв іншаземцаў, асабліва палякаў, быў нязначны, закон старанна ахоўваў інтарэсы ўраджэнцаў ВКЛ. І толькі ў канцы XVII – пач. XVIII стст. у выніку міграцыі рускіх старавераў на даследаванай тэрыторыі ўзніклі шматлікія рускія паселішчы; з развіццём прамысловасці рускія з'явіліся ў беларускіх гарадах. Трэба ўлічваць і тое, што тэрыторыя Віцебшчыны і Магілёўшчыны мае прамыя межы з Расіяй і Літвой.

Імёны-мянушкі могуць указваць не толькі на этнічную прыналежнасць носьбіта, але і на населены пункт ці канкрэтнае месца нараджэння або жыхарства. Намі зафіксаваны наступныя імёны-мянушкі: *Быхавец* – ад *Быхаў*; *Волынецъ* – ад *Валынъ*; *Lubines* – магч. ад *Любна*; *Магилевец* – ад *Магілёў*; *Палачанинъ* – ад *Полацк*; *Smolonik* – ад *Смаленск* або *Смальняны*.

Імёны-мянушкі не будучы афіцыйна замацаванымі называннямі, маглі змяняцца ў залежнасці ад месца і спосабу жыцця. Адна і тая ж асоба магла атрымаць некалькі мянушак. Напрыклад, аднаго чалавека маглі называць *Станька Рыбак* і *Станька Рыбак Прыхожы*. Зразумела, што найменне *Прыхожы* далучалася там, дзе яно магло выканаць намінацыйна-ідэнтыфікуючую функцыю (указаць на тое, што яго носьбіт – немясцовы, прышлы). Падобныя антрапонімы характарызуюць асобу як новага жыхара: *Навой; Новикъ; Новоселець*. Акрамя агульных указанняў на немясцовасць (*Бейманъ* – кірг. 'госць' [1]; *Захожий; Прыхожий*), імёны-мянушкі захавалі ўказанне на характар з'яўлення асобы ў населеным пункце (*Ардынецъ* – ордынецъ 'палонны, выкуплены з ардынскага палону'; *Бегинъ; Воротынецъ*). Цікавасць выклікаюць найменні *Земляк, Месникъ, Стараселець*. Зразумела, што падобныя называнні не выконваюць асноўнай функцыі імені – вылучальнай, але калі ў *Амеляна Земляка, Мацея Месніка і Балцера Стараселеца* былі прышлыя суседзі з такімі ж імёнамі, мянушка пачынае выконваць сваю функцыю.

Імёны-мянушкі маглі характарызаваць чалавека па сямейных адносінах: *Sirota; Swatko; Адинець* – ст.-рус. адінецъ 'адзінокі, бессямейны чалавек' [1]; *Дзядзинец, Дядька; Дзед; Здольникъ* – 'прыняты ў сям'ю з роўнай доляй' [1]; *Траян* – 'бацька траіх блізнят' [1]. Наступная група імён, на нашу думку, адрозніваецца ад вышэй пералічаных не толькі лексічна, але і функцыянальна. Гэтыя імёны-мянушкі надаюцца пры нараджэнні і ўказваюць на адносіны бацькоў да нованароджаных ці на чарговасць нараджэння дзіцяці: *Нечай* – 'дзіця, якога не чакалі'; *Пазнека, Познякъ* – 'дзіця, якое з'явілася позна'; *Петко; Седьмой; Шестакъ, Шостакъ*.

Імёны-мянушкі адлюстроўваюць сям'ю як неад'емную частку грамадскай сістэмы, вылучаючы сярод выхаваўчай, гаспадарча-эканамічнай, рэкрэацыйнай (узаемадапамога, падтрыманне здароўя) і іншых функцый беларускай сям'і асноўную – рэпрадуктыўную.

Імёны-мянушкі разам з іншымі помнікамі мовы могуць стаць адной з крыніц не толькі лінгвістычных, але і гістарычных, сацыялагічных і этнаграфічных даследаванняў. У іх асновах – жыццё далёкага мінулага: жывёльны і раслінны свет, з'явы прыроды і асаблівасці з'яўлення чалавека, прадметы быту і рамёствы, асаблівасці сямейных адносін і разумовых якасцей нашых продкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бірыла М.В.** Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апеятыўнай лексікі. – Мінск, 1968. – 508 с.
2. **Доўнар-Запольскі М.В.** Гісторыя Беларусі. – Мінск, 1994. – 510 с.
3. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978–1980. Т. 1–4.
4. **Насовіч І.І.** Слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1983. – 792 с.

S U M M A R Y

The article deals with one of the most ancient anthroponic forms – nickname. The brightest patterns of correlation of anthroponic foundations with lexical grounds are distinguished in the article. Manuscript memorials of a local business writing of Vitebsk and Mogilev regions of the XVI–XVIII th centuries served as materials for investigation. They are the source of learning not only the standards of social-business style but an alive conversational language too.

Поступила в редакцию 14.04.2004

УДК 808.2-085

Т.Г. Михальчук

Национальная специфика форм комплимента в русской художественной литературе и в русском общении

В русском языке много средств выражения комплимента. И все они в своих языковых формах обращены к собеседнику, ярко адресованы, а «я» говорящего в них отсутствует.

«Комплимент – одобрение нашей внешности, ума, поступка, работы» [1].

«Комплимент – это добрые слова, в которых подчеркиваются достоинства человека» [2].

«Комплимент – это одобрительный фатический речевой акт, направленный на формирование положительной эмоциональной реакции собеседника, отличающийся субъективностью оценки, наличием небольшого преувеличения достоинств собеседника и повышенной эмоциональностью» [3].

Среди советских и российских ученых свой вклад в изучение речевых актов комплимента внесли Н.И. Формановская, М.Ю. Федосюк, И.Г. Арутюнова,

И.Г. Дьячкова, Т.В. Шмелева, И.В. Панкратов, Е.В. Падучева, В.И. Карасик, Ю.Г. Тамберг и др.

В зарубежной науке внимание данной проблеме уделяли К. Allan, К. Bach, M. Harnish, T. Thomas, M. Clyne, D. Burton и другие.

1. **По комплиментарному признаку**, т.е. по тому предмету, черте, в адрес которой высказывается комплимент: – комплименты внешнему виду человека в целом; – комплименты, касающиеся возраста (преуменьшение возраста, указывающие на взрослость, на то, что собеседник неподвластен возрасту).

В художественной литературе XIX века часто встречаются следующие формы комплимента. Как хороша! Очень мила! Прелесть! – Это Ростова, та самая... – Как похудела, а все-таки хороша! (Л. Толстой. Война и мир). – Право, очень мила! – сказал Ростов Ильину, выходявшему с ним. – Прелесть какая женщина! – с шестнадцатилетнею серьезностью отвечал Ильин. (Л. Толстой. Война и мир).

Ср. в современной художественной литературе: Петя озадаченно посмотрел на портфель, потом на Наташу. Он смотрел долго и вдруг удивился: – Слушай, а у тебя потрясающие волосы. (В. Токарева. Уж как пал туман..., 235). – Привет, Коля, – поздоровался Ефимов. А я дочку твою вчера видел. Просто красавица вымахала. (В. Токарева. Неромантический человек).

– комплименты умственным, интеллектуальным способностям (уму, образованию, мудрости, остроумию, проницательности): – У вас этакий хороший мозг, и, право, жаль, что вы идеалист. (М. Горький. Сказки об Италии). – О, ты умный человек, Баймаган! (Д. Мамин-Сибиряк. Баймаган).

– комплименты, характеризующие внутренние, моральные качества человека: – О, спасибо, спасибо! Какой вы благородный! (А. Солженицын. Для пользы дела). – Дядюшка, вы золотой человек! (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

– комплименты, оценивающие способности и профессионализм: – Удачный мужик, нечего сказать: все на отличку делает. (Д. Мамин-Сибиряк. Верный раб). Послышались аплодисменты. Это молодой человек кончил играть. Ольга Михайловна вспомнила про гостей и заторопилась в гостинную. – Я вас заслушалась, – сказала она, подходя к пианино. У вас удивительные способности. (А. Чехов. Именины).

– комплименты физическим особенностям человека: комплименты имени; комплименты, относящиеся к месту жительства, жилищу, домашней обстановке; оценочные (Вы себе цены не знаете!).

2. **По адресованности** – адресованные непосредственно собеседнику; – в адрес близких собеседника; – касающиеся предметов, входящих в личную сферу собеседника: Жиров, скользя бочком за ней по коридору, к месту кошунства, спросил: – Скажите, вы какими духами душились? Замечательно приятные духи. (А. Толстой. Хождение по мукам).

3. **По степени прямоты / косвенности**: прямые комплименты, косвенные комплименты. Ср. косвенный комплимент: – Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня... Все красивые женщины общества будут там. – Не все, потому что вас там не будет; не все – сказал князь Ипполит, радостно смеясь... (Л. Толстой. Война и мир).

4. **По степени эмоциональности**: эмоциональные комплименты; – рациональные комплименты. Ср. эмоциональный комплимент: Гаев: Крошка моя. (Целует Ане лицо, руки). Дитя мое ... (Сквозь слезы). Ты не племянница, ты мой ангел, ты для меня все. (А. Чехов. Вишневый сад).

5. **По тональности**: серьезные комплименты, шутливые комплименты.

6. **По временной направленности**: – комплименты, направленные в прошлое; – комплименты, направленные в настоящее; – комплименты, на-

правленные в будущее. – Ах, как хороша ты была! – сказал он, качая головой: – Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались? – Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. Как же можно такое забыть... (И. Бунин. Темные аллеи).

7. По степени развернутости: – краткие; – развернутые: Я смутилась и сказала, чтобы скрыть испуг: – Вы хорошо выглядите. (В. Токарева. Почем килограмм славы). – А вот она, царица Петербурга, графиня Безухова, – говорила она, указывая на входившую Элен. – Как хороша! Не уступит Марье Антоновне; смотрите, как за ней увиваются и старые и молодые. (Л. Толстой. Война и мир).

8. По прагматической установке: – искренние; – неискренние: – Вадим, ты прекрасно выглядишь! – искренне восхищалась Райка, вскинув на него свои крупные наглые глаза. – Ты тоже, – сказал Вадим, чтобы быть вежливым. (В. Токарева. Старая собака).

– уместные; – неуместные: «Вы, говорит, мне, Иван Саввич, вроде как отец родной. И мастер, говорит, вы отличный. И личностью, говорит, очень вы мне покойную мамашу напоминаете, только что у ей усиков не было. (М. Зощенко. Паутина).

9. По особенностям языкового оформления: комплимент-сравнение: – Пелагея, Пелагея! Алька то у тебя... – апельсин! – звонко щелкнул пальцами Афонька-ветеринар. (Ф. Абрамов. Пелагея). – Вы, Nadine, сегодня прелестны, как роза! (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

– комплимент – риторическое восклицание: – Посмотри, посмотри на свою дочеру! Я посмотрела – глазам легче стало. Вот какая она у тебя красавица! (Ф. Абрамов. Пелагея).

– номинативная конструкция: – Благодарю вас, бесконечно благородная дама, столь же прекрасная, сколь и великодушная. (А. Куприн. Колесо времени).

– комплимент в сочетании с антикомплиментом; – комплимент с междометиями; – комплимент с обобщающими словами: – Очень уж красивая из себя издалась девка: кровь с молоком... Ну и уродилась девка, всему миру на украшение. Одним словом: крупитчатая. (Д. Мамин-Сибиряк. Крупитчатая).

– комплимент с уменьшительно-ласкательными формами; – комплимент с прилагательными в превосходной степени: – По-моему, у нас лучший в мире ресторан и самый прекрасный шеф-повар. Да и официантка не так плоха. (Л. Князева. Сердце ангела).

В английском, французском общении речевой акт комплимента в целом употребляется чаще, чем в русском. «Французских юношей высших классов учат выражать свое восхищение женским платьем или шляпой, причем делать это не раз, а много раз за вечер! Чтобы женщина нашла свое счастье в муже, нужно, чтобы он проявлял ей свою признательность и преданность» [1, с. 217].

Р.В. Серебрякова провела исследование, которое показало, что комплимент в русском и английском общении различается рядом существенных признаков: а) «Русские в основном обращают внимание на внешний фактор, что подтверждает популярность в русской коммуникативной культуре комплиментов внешнему виду человека. Для англичан же большую роль играют внутренние факторы, что проявляется в частом употреблении комплиментов моральным качествам человека, умственным способностям» [2, с. 22].

Это положение подтверждает многочисленные примеры из русской художественной литературы: – Ты, Леночка, замечательно выглядишь сегодня. Я тебе откровенно говорю. И капот идет к тебе, клянусь честью. (М. Булгаков. Белая гвардия).

Кроме того, в русском общении преобладают эмоциональные речевые акты комплимента, в то время как в английском общении используются пре-

имущественно рациональные комплименты: Когда мужчины видели столько красоты и меры – признак искусства, они **громко восхищались** Люсей и говорили, что она красивая и талантливая. Люся верила и делала вид, что не верит. (В. Токарева. Зануда).

В приведенном нами примере косвенно выражается эмоциональный накал комплимента, а также речь идет об ответной реплике на комплимент, характерной для русского общения.

б) Для русского общения характерно отклонение комплимента из-за неуверенности адресата в искренности комплимента; неуверенности в себе («комплекса неполноценности»), антипатии адресата к говорящему; неуместности комплимента в конкретной ситуации, ошибке в выборе предмета комплимента, чересчур явных комплиментов, а также фамильярности говорящего.

Не избегайте комплиментов. Искренние, лишённые преувеличения комплименты – очень приятный дар. Преувеличенный комплимент – обыкновенная лесть; как правило, она отталкивает, т.к. слышится как насмешка. В некоторых случаях невысказанный комплимент граничит с невежливостью, если не оценить яства, одежду, дизайн, причёски и другие усилия дам.

Желательно, делая комплимент даме, избегать затёртых фраз: *«У вас глаза, как звезды, зубки – жемчуг, а губки – коралл, шея лебедя, осиная талия, кошачья грация, точеные ножки, музыкальный голос, роскошные волосы, изящные ручки, ангельский характер»* и т.п. Лучше, чтобы комплимент не был банальным и самоочевидным *«Какой прекрасный у вас цвет волос...»*, а раскрывал не лежащие на поверхности достоинства, но видимые внимательному и доброжелательному взгляду.

Не нужно также повторяться, т.е. говорить два раза одну и ту же любезность. Мужчины тоже очень любят комплименты, но если женщина не видит повода к похвале, то не надо хвалить, ведь неискренний комплимент звучит как издевка и больно ранит.

Вообще поддерживайте в людях благородные мысли и чувства и говорите им чаще хорошие, добрые слова. Они действительно имеют волшебную силу, они открывают нам сердца людей, улучшают здоровье, настроение, говорите их чаще – они вам помогут [4].

«В современном российском обществе, – пишут М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, – стереотипной женской реакцией на комплимент является не благодарность, а отрицание, извинение, объяснение причин, т.е. отход от жанра комплимента в традиционном, «светском» его понимании [5]. М.Ю. Федосюк соглашается с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой и добавляет, что и сама положительная и оценочная реплика в подобных ситуациях скорее всего воспринимается адресатом как высказывание, выполняющее не фатическую, а информативную функцию, т.е. как похвала, а не комплимент [6].

Соглашаясь с вышеуказанными положениями о неприоритетности прямой эксплицитной фатики в современном российском социуме в целом, В.В. Деметьев внес уточнение: не принимаются, вызывают в ответ оправдания только прямые комплименты, косвенные комплименты принимаются [3, с. 45].

«Анализ случаев негативной реакции на комплимент показал, что в русском общении негативная реакция встречается гораздо чаще, чем в английской» [3, с. 13].

Отношение русских женщин к комплиментарным формам объясняется и историческими причинами. Б. Бушелева справедливо отмечает: «У нашего общества отношения с этикетом складывались довольно сложно. В далекие двадцатые годы позиция по отношению к нему была вполне однозначна: мы люди простые, рабочие, университетов не кончали, обхождению не обучены,

нам-де, революционерам, негоже рядиться в обветшавшее тряпье буржуазно-мещанской культуры. Выбросим этикет на свалку истории!» (Бушелева).

Справедливость этих слов демонстрирует художественная литература 20-х годов: *Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: «ротик», «ручки» или «ножки». Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти. Одна особа мне так и сказала: – Какие, к черту, ножки. Я, говорит, сорок первый размер бареток ношу, а вы, говорит, все свое. Подлец вы, говорит, а не человек. Вы, говорит, своей дурацкой чувствительностью мне жизнь губите. Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов. Она говорит: – Это, говорит, – в прошлое время избалованные дамы там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы».* (М. Зощенко. Прелести культуры).

Русские мужчины в 20-х годах разучились (или не научились) делать искусные комплименты женщинам. Ср.: мужчина из господ: [Шервинский:] Я просидел бы весь вечер в шинели у ваших ног. [Елена:] Ой, Шервинский, армейский комплимент! [Шервинский:] Помилуйте, это гвардейский комплимент. (М. Булгаков. Белая гвардия.); Мужчина из народа: – Хорошая, стройная походка. Другая идет, как верблюд, а эта ровно кладет ноги. Ать, два, ать, два. (М. Зощенко. Преступление и наказание).

в) В русском общении намного чаще отмечается отсутствие реакции на комплимент.

г) Р.В. Серебрякова отмечает, что «в русском коммуникативном поведении преобладает согласие с комплиментом, сопровождаемое **рациональной мотивировкой его справедливости**, в то время как в английской коммуникативной культуре наиболее распространенными типами реакций является выражение радости, удовольствия от полученного комплимента и благодарности» [3, с. 18].

Примеры из современной художественной литературы подтверждают этот факт. Так, героиня рассказа В. Токаревой проявляет нескромность в ответ на комплимент, как бы подтверждая свою исключительность: – Послушайте, – прочувственно и трезво сказал он. – Какое счастье встретить такую женщину, как вы! – **А таких больше нет**, – ответила Эля, незаметно наводя порядок на столе. (В. Токарева. Кошка на дороге).

Приведем пример ответа-объяснения («рациональной мотивировки») на комплимент, выраженный риторическим вопросом: – А сейчас какие перемены в жизни! Мама смотрела на Элю молитвенным взглядом и спрашивала: – Деточка, за что мне такое счастье? – **За прежние страдания**, – отвечала Эля. – **Закон компенсации**. – (В. Токарева. Кошка на дороге).

д) В русском общении (и в русской художественной литературе) встречаются грубые комплименты, например, за комплиментом может следовать грубое сравнение, которое «убивает» комплимент. Это неуважительное отношение к тому, кого хвалят: – Эля! Вы великий человек, – с убеждением говорила мама Игоря. – Вы можете приспособиться в любых условиях. – **Как ленточный глист**, – добавил Игорь, убивая пафос. (В. Токарева. Кошка на дороге).

«Для англичан большое значение имеет вежливость, в английской коммуникативной культуре не принято спорить с комплиментом, не зафиксировано грубых комплиментов» [3, с. 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Формановская Н.И.** Культура общения и речевой этикет. – М., 2002. – С. 211.
2. **Равич М.** Этикет. – СПб., 1999. – С. 128.

3. **Серебрякова Р.В.** Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах. – АКД. – Воронеж, 2002. – С. 3.
4. **Китайгородская М.В., Розанова Н.И.** Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – С. 128.
5. **Федосюк М.Ю.** Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 72.
6. **Дементьев В.В.** Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. – С. 77.

S U M M A R Y

The article reveals the typology of the compliment, considers the national peculiarities of paying the compliment in Russian Literature.

Поступила в редакцию 12.03.2004

УДК 811.161.1:81'36

А.В. Никитевич

Транспозиция в отношении к деривационному аналитизму. Глагол

Одним из самых актуальных вопросов теории номинативной деривации является вопрос о разграничении способов создания производных единиц [1, 2]. В области личного субстантива традиционно рассматриваются три способа аффиксация, транспозиция и деривационный аналитизм. Например, *богач*, *богатый человек*, *богатый* (сущ.), *тот, кто богат*. Причем, деривационный аналитизм представлен в двух типах образующих форм номинативного ряда – детерминирующей и предиктирующей. Разница между ними состоит в том, что первая является своеобразным аналитическим «расширением» производного аффиксации (*богач* – *богатый человек*), вторая – аналитическим «прочтением» производного транспозиции (*богатый* (сущ.) – *тот, кто богат*). Различаются указанные формы, как несложно заметить, также степенью конкретизации деривационных компонентов.

Номинативные ряды глагола имеют свою специфику. От номинативных рядов существительного, в частности, производных личного субстантива, их может отличать как состав образующих форм, так и своеобразие самих способов представления деривационной семантики [3]. В особенности это касается транспозиции и деривационного аналитизма, действие которых может взаимно дополнять друг друга.

Обоснование выделения для субстантива как минимум трех способов номинативной деривации сомнений не вызывает: «Если какая-то группа слов не способна выразить новое производное значение путем аффиксации и выражает его аналитически или транспозицией, *то можно быть уверенным* (здесь и далее выделено мною – А.Н.), что и те классификационно идентичные им слова, которые способны выразить данное производное значение путем аффиксации, *непременно выражают* его также аналитически и транспозицией» [4]. «Если аффиксация скована жестким бюджетом словообразовательных возможностей, *то это никак не относится* к ана-

литизму и транспозиции. В результате создаются условия, когда одна и та же производящая единица входит в синонимический ряд производных номинаций разной структуры с общим значением» [4].

В теории номинативной деривации указывается, что отличия транспозиции заключены в *изменении позиции без аффиксного преобразования производящей основы*, но не уточнено, играет ли (и какую?) при этом роль наличие вспомогательного (деривационного) слова. Ведь транспозиция в глагол без деривационных слов, вероятно, невозможна. Ср.: *пила – пилить, работать пилой, разрезать пилой; рубанок – Ø, рубать рубанком, строгать рубанком*. Следовательно, если смена синтаксической позиции и осуществляется, то посредством словосочетаний с различными типами глаголов в деривационной функции. Но это уже свойства деривационного (в чистом виде) или лексико-деривационного аналитизма. Другими словами, номинативная специфика глагола определяется тем, что *транспозиция в глагол осуществляется средствами деривационного аналитизма*. Помимо синтаксической позиции для глагольной номинации необходимы деривационные показатели глагольности. И, следовательно, для глагола нет принципиальной разницы между транспозицией и деривационным аналитизмом, а точнее, в глаголе данные средства синтезированы в едином способе номинации.

Косвенным подтверждением сказанному является характер примеров транспозиции, которые приведены в работах В.М. Никитевича. В основном транспозиция иллюстрировалась случаями субстантивной транспозиции. Ср.: *молодой – молодой* (сущ.), *доброе – доброе* (сущ.); транспозиция инфинитива опять же в субстантив: *купаться не всегда полезно* (ср.: *купание не всегда полезно*), *думать всегда полезно* (Ø). Хотя указывается, что «для всех их (частей речи – А.Н.) характерны транспозиция и деривационные сочетания» [4, с. 120]. «Ряд *лесная (опушка) – (опушка) леса* структурно складывается из словообразующей и транспонирующей форм. При словообразовательной недостаточности значение отношения (прилагат.) выражается только способом транспозиции падежной формы существительного (*опушка джунглей, конек крыши, ножка стола*). Косвенные формы падежей в обстоятельственной функции порядка (идти) *берегом*, (приехать) *летом* есть не что иное, как транспозиция в наречие» [4, с. 120].

Более рельефно на различия между транспозицией и деривационным аналитизмом указывают следующие высказывания В.М. Никитевича: «Способ номинации, при котором производное значение обусловлено только изменением позиции, не что иное, как транспозиция на уровне частей речи, или деривационная транспозиция» [4, с. 84]. «Среди способов номинативной деривации есть и такие, которые *внешне подобны* словообразованию, так как производная номинативная единица выступает «в одежде» *отдельного слова*» [4, с. 79]. «Возникает вопрос, можно ли без опасности беспредельно расширить понятие «словообразование», рассматривать как способ словообразования такую транспозицию, при которой *производное значение части речи возникает по существу в самой производящей единице...?*» [4, с. 106]. «...субстантиват *бедный* способен реализовать парадигматику (*самый бедный, более бедный*) и синтаксическую сочетаемость (*бедный духом*) производящего, а существительное *бедняк* такой способностью не обладает» [4, с. 106].

Большинство фактов из области субстантивной транспозиции позволяют прийти к выводу, что объединяющим транспозицию и деривационный аналитизм свойством является грамматическая природа. Однако среди типов глагольных словосочетаний есть и такие, которые относятся к аналитизму лексико-деривационному, могут содержать в своем составе не производящие еди-

ницы, а другие родственные слова, в частности, глаголы с другими префиксами, и, естественно, отражать различные модификации лексической семантики, происходящие и в коррелятивном глаголе. Такие словосочетания в деривационной функции представляют «неграмматическую» периферию этой словообразовательно-синтаксической системы. С другой стороны, «следует учитывать и ... факторы в развитии дискретных номинаций» [5]. В частности, В.М. Никитевич, указывая на процессы фразеологизации отдельных детерминирующих форм (*молодой человек*) и синтаксическую фразеологизацию предикцирующих форм (*кто сеет ветер, кто не работает*) писал: «Эти явления изоляции отдельных номинаций не нарушают системности номинативного ряда. В этом проявляется лишь общая закономерность, которая состоит в том, что не только собственно словообразование, но и транспозиция и аналитическая деривация одной своей стороной обращены к грамматике, а другой к лексике» [5, с. 247]. Поэтому-то большое количество дискретных соответствий производным глаголам, укладывающиеся в «прокрустово ложе» словосочетания, лексическим многообразием своих компонентов свидетельствуют об активном «давлении» со стороны лексики.

Если более углубленно рассмотреть вопрос о соотношении транспозиции и деривационного аналитизма, то можно увидеть, что транспозиция невозможна без соответствующего «окружения». Ср.: *Течь все увеличивалась* и *Вода продолжала течь*. Другими словами: при однословном означающем в выражении производного значения участвуют и синтаксические позиции других означающих. В глагольных словосочетаниях типа *играть на барабане*, *бить в барабан* имя существительное при транспозиции в глагол, во-первых, ставится в форме определенного падежа, во вторых, требует при себе определенного глагола или достаточно ограниченный их круг. Совершенно ясно, что словосочетания со словом *барабан* в предложениях типа *Вода попала в барабан*, *На барабане появились темные, жирные пятна* не могут выступить в деривационной функции, поскольку не соотносятся с глаголом типа *барабанить*. Вероятно, транспозиция и деривационный аналитизм на определенных участках тесно переплетены. Именная семантика по-разному может транспонироваться в другие классы слов [6]. Если, к примеру, взять названия музыкальных инструментов (*барабан, труба, скрипка, гитара, флейта, колокол, пианино*), то любопытно сравнить их деривационный потенциал:

1. *Барабан* – барабанщик, барабанить, барабанный бой, бой барабана.
2. *Труба* – трубач, трубить, трубный звук, звук трубы.
3. *Скрипка* – скрипач, Ø, играть на скрипке, скрипичный мастер (ключ), мастер по изготовлению скрипок.
4. *Гитара* – гитарист, Ø, играть на гитаре, Ø, звук гитары (*гитарный).
5. *Флейта* – флейтист, Ø, играть на флейте, Ø, звук флейты.
6. *Колокол* – Ø, тот, кто бьет в колокол, Ø, бить в колокол, колокольный звон, звон колокола.
7. *Пианино* – пианист, Ø, играть на пианино, Ø, звуки пианино.

Практически все имена существительные, обозначающие музыкальные инструменты, образуют суффиксальные названия лиц. Лишь отсутствует наименование того, *кто бьет в колокол(а)*. Для обозначения действия музыканта из приведенных семи слов лишь два имеют аффиксно образованные глаголы (*барабанить, трубить*), в остальных же случаях есть только один способ – транспозиция в глагол посредством словосочетания с выступающим в этом случае в деривационной функции глаголом *играть*. Ср.: Ø, *играть на скрипке*; Ø, *играть на гитаре*; Ø, *играть на флейте*; Ø, *играть на пианино*. Лишь для слова *колокол* имеется более конкретное и весьма специфическое словосочетание – *бить в колокол*.

Бедны и средства собственно словообразования для «перевода» данных имен существительных в имена прилагательные. Причем и возникающие здесь значения довольно специфичны и безусловно «избирательны»: *барабанный бой, трубный звук, скрипичный мастер (ключ), колокольный звон*. И лишь посредством транспозиции падежной формы существительного можно передать следующие «прилагательные» значения: Ø, *звук гитары* (*гитарный), Ø, *звук флейты*, Ø, *звуки пианино*.

Другая глагольная модель, ориентированная на иное предложное управление, связана с реализацией сочетаемости *играть во что-либо*. Ср.: *футбол – футболист*, Ø (ср. **футболить*), *играть в футбол, футбольный (мяч)*, мяч для игры в футбол. Здесь практически все имена на ...бол с легкостью образуют имена лица и прилагательные, но лишь словосочетанием с *играть* выражают действие.

О транспонирующей и детерминирующей формах

Как уже было отмечено, существует некоторое несоответствие между количеством способов номинативной деривации (3) и количеством образующих форм номинативного ряда (4). Существенно, что «различие между образующими формами в составе номинативного ряда в целом сводимо к разным способам выражения составляющих номинативной единицы (номе́мы)... Если исходить из основного различия между способами выражения номемы – цельнооформленности и раздельнооформленности, то противопоставленные по этому признаку единицы одного и того же ряда находятся друг к другу в отношении сужения – расширения. Сочетания *богатый человек* и (тот) *кто богат* могут быть интерпретированы как расширение слов соответственно *богач* и *богатый* (сущ.); сочетания (то) *что разумно*, (то) *что сказано* – расширение слов (в знач. сущ.) *разумное* и *сказанное* и т.д. Отсюда следует, что сами эти слова синхронно могут быть представлены как сужение сочетаний» [4, с. 128–129]. «Более сложную характеристику получает окружение – *распространение* единиц номинативного ряда. Различие в распространении вызывается прежде всего тем, что словообразующие формы как результат словообразовательной и семантической конденсации могут реализовать лишь отдельные семы производящего слова (утрачивают тождество семемы). Это приводит к тому, что реализуемые в них семы, создавая воспроизводимость, не всегда и не обязательно могут включаться и переходить в окружение ключевой номемы. Отчасти создаются грамматические ограничения или неспособность словообразующей формы к управляющему распространению. Другие же образующие формы, реализуя все «объектные» семы производящего, часто получают номинативную достаточность только в условиях распространения.

Расширение и распространение (эти понятия следует принципиально различать) существенно разделяют сферы влияния разных словообразующих форм, способных выступать в одном номинативном ряду. Существительные порядка *водитель, писатель, наборщик* обладают воспроизводимостью и номинативной достаточностью, так как включают указание на связь действия с объектом (объектами) в свою семантику. Сочетания как расширения таких слов – *кто водит, кто пишет, кто набирает* – получают номинативную достаточность лишь при распространении выраженным объектом (*кто водит автомашину, кто пишет художественные произведения, кто набирает шрифт*). При этом сочетание может передать все объектные связи мотивирующего глагола (*кто водит (ведет) самолет, кто водит дружбу* и т.п.)» [4, с. 129].

При рассмотрении номинативных рядов глагола возникает вопрос об уместности использования термина «детерминирующая форма», точнее, о гра-

ницах его использования. Во-первых, детерминирующая форма по определению представляет «каждую составляющую (семантическую и классифицирующую) отдельным словом» [4, с. 130]. Однако у производных глаголов нередко случаи, когда та или иная составляющая сама представляет дискретную структуру – сочетание слов. Ср.: *Ему пришлось некоторое время читать статьи по теории права (...почитывать...)*. Во-вторых, среди деривационных слов, отмечающих специфику различных словообразовательных значений, немало таких, которые «обращены» к лексике. Ср. корреляты глаголам, обозначающим 'действие, совершенное дополнительно': *получить дополнительно, докупить – купить в дополнение, присочинить – сочинить в добавление*. Слова *дополнительно, в дополнение* (сюда также относится *вдобавок*) представляют собой лексически ограниченную группу слов, которая вместе с тем достаточно последовательно маркирует указанное словообразовательное (или, более точно, лексико-словообразовательное) значение в составе целого ряда словосочетаний – коммуникативных эквивалентов (это особо подчеркнем), соответствующим глаголам. Ср.: *Ему удалось получить внебюджетные средства; ... получить дополнительно...* Однако данные словосочетания скорее всего являются фактом анализизма, не собственно деривационного, а анализизма, обращенного к лексике, лексико-деривационного. И таких примеров в сфере глагольной номинации немало.

В этой связи любопытно отметить, как В.М. Никитевич определял один из параметров отличия детерминирующей формы от предикцирующей. Последняя для номинативных рядов глагола неактуальна, так как сам термин подчеркивает возможность наличия «отношений микропредикации» [4, с. 133] у таких раздельнооформленных номинаций субстантива, как *кто богат* (богатый), *кто хитер* (хитрый) и т.п. Для дискретных глагольных номинаций, представляющих предикативность в «чистом» виде, нет необходимости именно в такой терминологии выделять одну из форм номинативного ряда. Но заслуживает внимания другой, собственно семантический параметр различий между двумя указанными образующими формами номинативного ряда. Отмечая, что «предикцирующая форма, как и детерминирующая, является неоднословной номемой» [4, с. 132] и что «ее можно также рассмотреть как лексическое выражение деривационного значения» [4, с. 132], В.М. Никитевич указывал, что «различие между ними состоит в том, что первая (предикцирующая – А.Н.) актуализирует обобщенность деривационного значения (кто), а вторая (детерминирующая – А.Н.) – его вещественность (человек, лицо)» [4, с. 132]. Естественно, для образующих форм субстантива это различие подкреплялось структурным (очевидна «разность» форм типа *богатый человек* и *кто богат*). Для номинативных рядов глагола при отсутствии (по указанной выше причине) предикцирующей формы как таковой, следует отметить различия в степени обобщенности деривационного значения между самими детерминирующими формами в пределах либо одного номинативного ряда, либо разных номинативных рядов, и, более того, между детерминирующими формами и такими неоднословными соответствиями производным глаголам, которые строго говоря, детерминирующими формами назвать нельзя. Поясним сказанное на примерах. Номинативный ряд глагола *слесарничать* включает, помимо самой словообразующей формы, как минимум три неоднословных коррелята: *быть слесарем, работать слесарем, заниматься слесарством (слесарным делом)*. Как видно, детерминирующие формы, деривационные сочетания различаются между собой степенью обобщенности самих деривационных слов. Можно было бы словосочетание с глаголом *быть*, как представляющее глагольную семантику наиболее отвлеченно,

назвать формой предикцирующей, если бы сам термин так явно не выделял тот признак, который является конституирующим для любого глагола (способность организовывать предикативность).

Таким образом, спецификой глагола как части речи определяется не только соотношение способов номинативной деривации, но и количество «образующих форм» в границах конкретного номинативного ряда.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кубрякова Е.С.** О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów*. Katowice, 2000.
2. **Улукханов И.С.** Мотивированное слово в синонимическом ряду // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów*. Katowice, 2000.
3. **Никитевич А.В.** К сопоставлению деривационных подсистем глагола в славянских языках // *Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў* (Любляна, 2003). – Доклады беларускай делегачыі. – Мінск, 2003. – С. 144–158.
4. **Никитевич В.М.** Основы номинативной деривации. – Минск, 1985. – С. 109.
5. **Никитевич В.М.** Субстантив в составе номинативных рядов: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1973. – С. 246.
6. **Никитевич А.В.** Отсубстантивные глаголы и их дискретные соответствия: семантика и комбинаторика составляющих // *Slavisches Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee*. – Munster-London-Hamburg, 2002. – С. 287.

S U M M A R Y

The article examines the questions, topical for the theory of word formation, which are connected with distinguishing between such means of nominative derivation, as transposition and derivational analytism.

Поступила в редакцию 4.04.2004

В.Ю. Бароўка

Міфалагічныя вобразы ў сучаснай беларускай прозе

Нямецкі філосаф Шэлінг прадказаў актыўнае выкарыстанне ў мастацтве наступных эпох міфалагічных вобразаў. Справядлівасць яго меркаванняў поўнаасцю пацвердзілася ў XX стагоддзі. Яркія прыклады звароту да міфалогіі ў літаратуры – творы Т. Мана, Р. Акутагавы, Ф. Кафкі, Дж. Джойса, Дж. Апдайка, Г. Маркеса, Ж. Амаду, А. Карпенцэра, М. Павіча і іншых. Запатрабаванасць міфалагічных вобразаў не выпадковая. Каштоўнасць міфа заключаецца ў багатых магчымасцях яго інтэрпрэтацыі. Письменнікамі новага часу ён успрымаецца як складаная семантычная структура, адзін з пластоў якой схаваны і чакае свайго вытлумачэння. Невыпадкова Томас Ман называў міф схемай, што ўзвышаецца над часам.

Актыўны зварот савецкіх пісьменнікаў да міфа і фальклора назіраўся ў 70-х гадах мінулага стагоддзя. Заканамерна, што менавіта ў канцы 70-х гадоў ў асяроддзі пісьменнікаў і крытыкаў распачалася дыскусія наконт перспектывы ужывання міфа, прытчы, фальклора ў літаратурнай творчасці. Крытык Леў Анінскі змясціў у «Літаратурнай газеце» артыкул з характэрнай назвай «Гірагу белетрызму!» [1], дзе рэзка выказаўся супраць празмернага ўжывання мастацкай умоўнасці, бо яна кампраметуе рэалізм, аддаляе пісьменніка ад жыцця, нагадвае тромб у сасудах аповеду. Адным з апанентаў Анінскага стаў вядомы пісьменнік Чынгіз Айтматаў, які гарача абараняў права аўтара на свабодны выбар мастацкіх прыёмаў і сродкаў. На думку Айтматава, «энергія міфа» сілкуе пісьменніцкую творчасць, бо «міф, які ўключаны ў рэалізм і які сам стаў рэальнасцю жыццядчування чалавека, – свежы вецер, што напаўняе ветразі часу і літаратуры» [2].

У беларускай прозе 70-х – пачатку 80-х гадоў міфалагічныя вобразы для адлюстравання рэчаіснасці плённа выкарысталі ў раманах «Пушча» В. Карамазы і «Неруш» В. Казько. Сучасная беларуская проза (а пад ёй маецца на ўвазе проза з сярэдзіны 80-х гадоў мінулага стагоддзя) нярэдка звяртаецца да вобразаў антычнай і пераважна нацыянальнай міфалогіі. Рэцэпцыя міфаў літаратурнай, у першую чаргу, тлумачыцца творчай індывідуальнасцю празаікаў, жыццёвым матэрыялам, аўтарскай канцэпцыяй свету і чалавека. Айчынная проза апошняга часу дала прыклады рознабаковага выкарыстання «энергіі міфа».

Некаторыя мастакі слова звяртаюцца да міфалагічных вобразаў, каб перадаць каларыт гістарычнай эпохі, асаблівасці светаадчування людзей. Найчасцей ў такой ролі выкарыстоўваецца міфалагічны матэрыял у гістарычнай, дакладней гісторыка-прыгодніцкай прозе Леаніда Дайнекі і Вольгі Іпатавай. Так, у раманах Л. Дайнекі «Меч князя Вячкі» (1987 г.), «След ваўкалака» (1988 г.), «Жалезныя жалуды» (1993 г.) часта згадваюцца язычніцкія багі (Пярун, Сварог, Дажбог, Карачун, Макоша, Ярыла, Род, лясун, вадзянік, ражаныцы), бо пісьменнік расказвае пра падзеі перыяду Сярэднявечча, калі нядаўна ахрыш-

чаны народ яшчэ добра памятаў язычніцтва. У пісьменніцкай інтэрпрэтацыі паганства прадстае як народная вера ў адрозненне ад хрысціянства, што было прынята князямі з далёкадучымі палітычнымі планамі. Міфалагічныя вобразы ў раманах Дайнекі фактычна безсэнсавых дэфармацый ўводзіліся ў творы. Толькі ў рамане «След ваўкалака» пісьменнік міфалагічны вобраз лярзваратня выкарыстоўвае ў ролі метафары, каб падкрэсліць бліскучыя дыпламатычныя і ваярскія здольнасці полацкага князя Усяслава, прызванага Чарадзеям.

Падзеі ў творах Вольгі Іпатавай «За морам Хвалынскім» (1987 г.), «Залатая жрыца Ашвінаў» (1999 г.), «Вяшчун Гедзіміна» (2000 г.), «Альгердава дзіда» (2001 г.) адбываюцца таксама ў часы Сярэднявечча. Расказваючы пра жыццё нашых продкаў ў XII–XIV стагоддзі, пісьменніца ўспамінае язычніцкіх багоў і бажкоў (Паляндру, Кадука, Рода, Лелю, Любчыка, Лялю, Мокаш, Перуна, Сварога, Вялеса, Зюзю, Жыжалея, Жыценя, паўночніка, начніц, лядашчыка, вадзяніка, русалак, Жытнюю бабу), каб стварыць гісторыка-псіхалагічны партрэт людзей таго перыяду, падкрэсліць іх светабачанне, аснову якога складаў анімізм. В. Іпатава згадвала таксама і пра індаеўрапейскіх і індускіх багоў Ашвінаў, Дашкапаці, Індру, Агні, каб даказаць, як гэта ў пачатку мінулага стагоддзя зрабіў у аповесці «Лабірынты» Вацлаў Ластоўскі, спрадвечную ўключанасць беларускай гісторыі і культуры ў сусветны кантэкст.

У сваім намінацыйным значэнні прадстаюць язычніцкія багі ўсходніх славян у эксперыментальным творы Зінаіды Дудзюк «Кола Сварога» (2003 г.), жанр якога аўтар акрэсліла тэрмінам «раман-рэканструкцыя». Сапраўды, пісьменніца паслядоўна рэканструіруе язычніцкую міфалогію, знаёміць з пантэонам паганскіх багоў, ўводзіць у раман апісанні быту (быт і звычаі багоў пры гэтым «ачалавечваюцца», супадаюць з бытам і звычаямі нашых продкаў), цытуе народныя песні. Персанажы паганскай міфалогіі становяцца сродкам пазнавальнай нацыянальнага космасу беларуса. На жаль, мастацкі дыскурс ў дадзеным творы практычна выцясняецца дыскурсам этнаграфічным, што істотна зніжае эстэтычныя вартасці твора.

Прытчавы пачатак з традыцыйна рэалістычным адлюстраваннем рэчаіснасці спалучаўся ў творах «Лесавік» і «Ваўкалакі» (1987 г.) А. Кажадуба, «Вочы начніцы» (1989 г.) У. Ягоўдзіка, «Пажар» (1990 г.) і «Тыя, што ідуць» (1991 г.) Я. Сіпакова, «Цкаванне вялікага звера» (1988 г.) і «Літоўскі воўк» (2003 г.) А. Наварыча, апавяданнях і аповесцяў 90-х гадоў «Адкуль з'яўляюцца яны?..», «Мацвеева лазня», «Росніца», «Шчэпаць попелу» А. Казлова і некаторых іншых. Галоўным героем аповесці «Лесавік» Алесь Кажадуба з'яўляецца стары лесавік, гаспадар лесу, ад яго імені вядзецца апавед пра падзеі. Лесавік – гэта ахоўны дух прыроды і яе розум, ён трывожыцца за лес ўсяго жывога, за будучыню чалавецтва, лепш за людзей ўсведамляе, што цывілізацыя апынулася перад маральным выбарам, перад свайго роду казаным каменем, ад якога ідзе пакручастая дарога далей і гладкая дарога ў Нікуды. Разбуральная дзейнасць чалавека зайшла вельмі далёка, цяжка даць адказ на пытанне, што чакае чалавецтва; тое добрае і дрэннае, што было раней, бяследна знікае. Філасафічнасць ўласціва таксама і апавяданню пісьменніка «Ваўкалакі», твору пра няспраўджанасць жаданняў, вобраз ваўкалака вырастае тут да ўзроўню вобраза экзістэнцыяльнага: спачатку ваўкалакі хочучы, але не маючы магчымасцей зноў стаць людзьмі, а потым яны ўжо не ведаюць, як і што ім трэба для гэтага зрабіць. У невялікім па памерах апавяданні Янкі Сіпакова «Пажар» вобраз Хатнічка, ахоўнага дамашняга духа, дапамагае больш ярка і эмацыянальна акцэнтаваць увагу на праблемах непerspектыўных вёсак, пакінутых дзецьмі бацькоў. Аўтар зазначае, што ў новыя часы не дзейнічаюць старыя правілы, Хатнічак ужо бяссільны перад напорам раз-

буральных паведаў часу. Навела «Яны ідуць» Я. Сіпакова ўяўляе сабой роздум над лёсам народа ў пераломны час, над сэнсам чалавечага жыцця. Белабог вядзе свой народ па свеце; хаця людзі і рухаюцца без адчування надзейнай перспектывы, аднак яны рухаюцца, а не стаяць на месцы. Паўнавартаснае жыццё, на думку аўтара, непадзельнае ад пошукаў яго сэнсу.

У апавесці Алеся Наварыча «Цкаванне вялікага звера» з падзагалоўкам «Палеская быль» абыгрываецца міфалагема «ваўкалак» і знаходзіць нечаканае сэнсавое вырашэнне. Ваўкалакам, выгнанцам па ўласнай волі становіцца дзедэцёр Леўка, які захацеў выжыць падчас Вялікай Айчыннай вайны. Леўка хаваўся ад людзей, ратуючы сябе, але адарванасць ад людзей зрабіла яго падобным да звера. Вобраз ваўка, ваўкалака надзвычай часта выкарыстоўваецца ў сучаснай прозе. І. Чарота лічыць, што гэты вобраз характарызуе ментальнасць беларусаў, бо ваўкалак (пярэварацень) – гэта ўжо не чалавек, але яшчэ не воўк ці наадварот. Неадназначнасцю інтэрпрэтацый вызначаецца вобраз ваўкалака ў рамана Наварыча «Літоўскі воўк», дзе расказваецца пра падзеі напярэдадні і падчас паўстання 1863 года на Палессі. З аднаго боку, ваўкалакамі ў пачатку твора людзі называюць рабаўнікоў, што пасяліліся ў лесе. З другога боку, ваўкалакі – людзі, якія хутка мяняюць свае перакананні (шляхціцы Стась Буевіч і Ежы Урбановіч). Раман мае назву «Літоўскі воўк», аднак асноўнае месца дзеяння ў ім – Палессе. Воўк па мянушцы Інсургент, якога падабраў і вырасціў аканом Урбановіч, а потым збыў з рук, у выніку чаго звер апынуўся ў зварыцы Друскенікаў, становіцца ўжо літоўскім ваўком, вобразам-сімвалам, неідэалізаваным увасабленнем характару беларуса, дзе пераплятаецца дабро і зло, удзячнасць і сляпыя інстынкты. За прыродны розум, загадкавыя паводзіны Інсургента лічылі ваўкалакам. Воўк – ваўкалак цэніць свабоду, ненавідзіць несправядлівасць і здраду, помсціць тым, хто адарваў яго ад родных мясцін. Паўстанцы Каліноўскага марылі пра вольнасць Радзімы, Інсургент таксама марыць пра свабоду, хоча вярнуцца ў родныя мясціны.

Міфалагічны вобраз у сучаснай прозе можа пазначаць сюжэтную накіраванасць твора. Так, у апавесці Уладзіміра Ягоўдзіка «Вочы начніцы» (1989 г.) персанаж язычніцкай міфалогіі – начніца – выступае ўвасабленнем зла ў жыцці сіраты Валерыка; імя героя знакамітай паэмы Гамера ў назве рамана Уладзіміра Гніламедава «Уліс з Прускі» (2000 г.) указвае на падзейную канву твора.

Своеасаблівую трактоўку міфалагічных вобразаў даў Адам Глобус у творы «Дамавікамерон» (1994 г.). Яго дамавікі і русалкі захоўваюць сваю сутнасную ролю, аднак «абрастаюць» бытавымі падрабязнасцямі сучаснага жыцця, што надае персанажам іранічнае адценне. Маларазумелай бытавой з'яве пісьменнік спрабуе даць постмадэрнісцкае іранічна-міфалагічнае тлумачэнне: кадук («Кадук») абазначае невядомую згубную сілу, вадзянік («Вадзянік») – гаспадар «спецглазні», які губіць сваіх кліентаў, дамавікі (згодна народнай міфалогіі яны могуць і дапамагаць і шкодзіць людзям) у пісьменніка – гвалтаўнікі, якія падсцерагаюць сваіх ахвяр у доме; русалкі – спакусніцы па чужой ці па ўласнай волі. У «Новым дамавікамероне» (1998 г.) А. Глобус стварыў арыгінальную сістэму вобразаў па ўзору міфалагічных, якая ў саркастычным стылі знаёміць з «нячысцікамі» нашых дзён (садыстамі, шантажыстамі, злодзеямі і г.д.). Для прыкладу, у навеле «Тэлефоннік» аўтар распавядае пра таямнічага тэлефонніка, які падслухоўвае размовы палюбоўнікаў па тэлефоне, а потым шантажыруе людзей з выгадай для сябе, у «Віхурніку» – пра такога «д'ябла», які падштурхоўвае дзяўчат да самагубства.

Горка-іранічным сэнсам напauняюцца міфалагічныя вобразы ў некаторых творах Віктара Казько. У рамана «Хроніка дзетдомаўскага саду» (1986 г.) у пажарах на Палессі пасля меліярацыі людзі абвінавачваюць нейкага Праметэя.

Праз удалую мастацкую дэталі (вобраз Праметэя) пісьменнік паказвае, што час можа многае ў чалавечым жыцці і памяці мяняць месцамі: герой часам ператвараецца ў злачынцу, ахоўнік прыроды – у браканьера ў законе і так далей. Персанажы язычніцкай міфалогіі (лесуны, чэрці) становяцца ў аповесці «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» (1991 г.) сімвалам анахронізму, увасабленнем кансерватыўных сіл, традыцыяналізму. Сэнсава-значную ролю адыгрываюць вобразы і матывы біблейскай і ўсходняй міфалогіі ў аповесцях «Прахожы» (1995 г.), «Да сустрэчы...» (1997 г.) і рамане «Бунт незапатрабаванага праху» (2002 г.) В. Казько, дзе аўтар выкарыстоўвае матывы прызваратніцтва персанажаў, сумяшчае часавыя і прасторавыя пласты, каб выявіць звышлагічныя асновы быцця. Праз міфалагемы і метафары на іх аснове пісьменнік падкрэслівае ў сваіх апошніх творах, што трансцэдэнтнай сілай, якая пануе над чалавекам і чалавецтвам, зараз стала цывілізацыя, таму светаадчуванне так званых станоўчых герояў аўтара мае трагічны характар.

Вельмі рэдка беларускія празаікі звяртаюцца да наслаення міфалагічных вобразаў, найчасцей такі прыём ужываецца ў творах філасофскага характару, асабліва В. Казько ў рамане «Бунт незапатрабаванага праху» і В. Быкавым у «прыпавесці» «Пахаджане» (1999 г.), дзе спалучаюцца элементы біблейскай і народнай міфалогіі. Героі Быкава шукаюць свой шлях, сваё месца пад сонцам, але іх дарога складаная, бо нават правадыры не ведаюць, куды варта ісці, і накіроўваюць людзей у процілеглыя бакі. Пісьменнік расказвае пра лёс народа ў постсавецкі час, яго пахаджане выклікаюць асацыяцыю з Маісеевым народам ў пошуку зямлі абяцанай і з паязджанамі з беларускага фальклора, вясельнымі поездам, які згубіўся ў завіруху, і з паязджанамі з твораў Янкі Купалы перыяду грамадзянскай вайны, што страцілі арыенціры ў сваім руху. У выніку такога наслаення міфалагем узмацняецца трагізм сітуацыі, а твор набывае біблейска-апакаліптычнае адценне.

Для Анатоля Казлова характэрна ўзнаўленне такіх фальклорных і этнічна самабытных пластоў нацыянальнага быцця і свядомасці, дзе яшчэ жывыя элементы міфалагічнага светабачання, асабліва выразна гэта выявілася ў яго прозе 90-х гадоў мінулага стагоддзя. У творах А. Казлова міфалагічны вобраз заўсёды заключае ў сабе пэўнае этычнае абагульненне, увагу пісьменніка прыцягваюць так званыя цёмныя сілы з народнай міфалогіі, што перашкаджаюць чалавеку (нячысцікі, злыя варажбіты). Свае маральныя імператывы героі пісьменніка сцвярджаюць праз духоўнае процістаянне сілам зла і цемры. Так, у апавяданні «Росніца» міфалагічная Росніца вымушана адступіць перад чыстым сумленнем і знаходлівасцю героя, яго палкім жаданнем застацца жывым.

Беларускія празаікі галоўным чынам звяртаюцца да ўсходнеславянскай і беларускай, радзей да біблейскай міфалогіі. Людміла Рублеўская, у адрозненне ад многіх паспрабавала інтэрпрэтаваць не толькі ўсходнеславянскія, але і антычныя міфы на беларускай глебе. Адзін з першых мастацка-герменеўтычных вопытаў Л. Рублеўскай – апавяданне «Лікантроп» (1994 г.) – быў у сэнсава-змястоўным плане традыцыйным для беларускай прозы. Герой твора, арыстакрат Леанард Варгун здольны ператварацца ў ваўка дзеля помсты за Радзіму. Цікавай і перспектыўнай спробай апрацоўкі вобразаў і матываў антычнай міфалогіі сталі апавяданні «Старасвецкія міфы горада Б*» (1996 г.), дзе праз агульначалавечае пазнаецца нацыянальнае. Вядомыя міфалагічныя персанажы атрымліваюць як бы другое жыццё, бо агульную схему міфалагічнай сітуацыі пісьменніца напаўняе «вечнымі» і надзённымі праблемамі. Як гэта ні парадасальна, але міфалагічны вобраз у Рублеўскай набывае канкрэтна-нацыянальнае аблічча. Паказальныя ў гэтых адносінах яе апавяданні «Ар-тэміда і Актэон», «Нарцыс і Рэха», «Сідон і траянцы», «Семела і Юпітэр». У пачатку твора Л. Рублеўская напамінае фабулу антычнага міфа, як у апавя-

данні «Нарцыс і Рэха»: «Прыўкраснага юнака Нарцыса пакахала німфа Рэха, якая была пазбаўленая дару мовы і магла толькі паўтараць чужыя словы. Нарцыс не ведаў кахання і прагнаў Рэха. Багі пакаралі пыхліўца: юнак закахаўся ва ўласнае адлюстраванне і загінуў. Рэха аплаквае яго і да сёння» [3]. Потым пісьменніца расказвае гісторыю, тыпалагічна блізкую да старажытнагрэчаскага міфа. Мікола Шпадаровіч, студэнт-медык, піша вершы і хоча імі праславіцца, ён прыехаў пагасціць у родны горад Б*. «! вось пан Мікалай штодзень адпраўляўся за горад, на рамантычныя разваліны замка, і складаў там вершы, успамінаючы Віёна і Шылера, Пушкіна і Лермантава і не ўсведамляючы, што натхненне яму можа даць толькі гэтая, пагарджаная ім, зямля, і ў замка гэтага была свая гісторыя, розная з той гісторыяй, якую вывучаў Мікалай у гімназіі і універсітэце...» [3, с. 155–156]. Мікалай звысоку глядзеў на сваё роднае: «Пра тое, што існуе нейкая літаратура на мясцовай гаворцы, пан Мікалай ведаў і нават аднойчы браў удзел у размове з двума мясцовымі настаўнікамі, якія даводзілі, быццам гаворка гэтая ёсць асобная, старажытная мова, што яе трэба развіваць, што трэба працаваць дзеля адраджэння культуры гэтага народа, так званага беларусінскага. Можа быць, і так, але найбольш пан Мікалай ненавідзеў кляймо свайго правінцыйнага паходжання, ненавідзеў свой тутэйшы акцэнт, ад якога ўпарта пазбаўляўся, спрабуючы выдаць хаця б за польскі. Часам ён ненавідзеў нават уласнага бацьку: за тое, што паходзіў са звычайнай мужыцкай сям'і, а галоўнае – што гэтага не саромеўся» [3, с. 155]. Прадаўшчыца мясцовай крамкі Ганулька закахалася ў маладога Шпадаровіча, «Ганулька мела семнаццаць пражытых гадоў, ціхмяны нораў і ніякай адукацыі. Умела Ганулька тонка прасці, з густам ткаць, выбіраць бульбу, жаць жыта ды звонка пляць і большую частку жыцця прабегала басаною па пыльных вулках горада Б* ды вакольных лясных сцяжынках» [3, с. 154]. Дзяўчына любіла назіраць, як Мікалай піша вершы, Шпадаровіч празваў яе «лясным духам», ён не лічыў вартай сваёй увагі. Сталічны пісьменнік параіў маладому Шпадаровічу не траціць дарэмна час «на гімназічныя літаратурныя практыкаванні». Ганулька не ведала, што здарылася ў яе куміра, але хацела выказаць словы «захаплення і шкодбы», аднак пан Мікалай прагнаў яе і абразіў. У адрозненне ад антычных персанажаў, жыццё Шпадаровіча і Ганулькі склалася праясна-прыстойна: Ганулька працягвала гандляваць у краме бацькі і захапляцца Шпадаровічам, выйшла замуж і нарадзіла пецярых дзяцей, а Мікалай Шпадаровіч назаўсёды выехаў з горада Б*, «выгадна ажаніўся з дачкой свайго прафесара, кінуў літаратурныя высілкі і трымае сваю клініку, дзе з задавальненнем лечыцца багацейкі ад атлусцення, істэрыі ды астэніі». «Старасвецкі міф» па сваёй форме – постмадэрнісцкі парафраз (ад грэч. *paraphrasis* – пераказ), бо сюжэт антычнага міфа вытрымліваецца толькі пункцірна, ідэйны патэнцыял твора павялічваецца за кошт праблематыкі, дапаўняецца «беларускай прапіскай», паколькі пісьменніца закранае тут даволі традыцыйныя праблемы айчыннай літаратуры: лёс інтэлігента ў першым пакаленні, узаемаадносіны бацькоў і дзяцей, стаўленне да нацыянальнай культуры. Міфалагічныя вобразы і матывы для Рублеўскай – удалы мастацкі сродак, каб паразважаць над філасофскімі і маральнымі пытаннямі. Напрыклад, у апавяданні «Семела і Юпітэр» пісьменніца звяртаецца да вечнага пытання: што лепш – быць нешчаслівым, але відушчым, кажучы словамі Якуба Коласа, ці шчаслівым, але сляпым? Згодна антычнаму міфу, Юпітэр паказаў зямную прыгажуню Семелу. Раўнівая жонка Юпітэра Юнона ўгаварыла Семелу папрасіць Юпітэра паказацца ва ўсім бляску зямной славы. Невыноснае для зямных вачэй відовішча спялліла Семелу. У творы Л. Рублеўскай героі маюць адваротныя антычным персанажам характарыстыкі: Семела (Аўгіння) – жанчына як бы не ад гэтага свету, спачатку яе больш захапляюць кнігі, чым рэальнае жыццё, што пад-

крэсліваецца пісьменніцай праз мастацкія дэталі: у гародчыку растуць не банальныя памідоры-бабы, «а пераселеныя з лесу і выгану кветкі, якія жыхары горада Б* лічылі за звычайнае пустазелле. Для плота ўзвышаўся царскі скіпетр, свяціліся дробныя кветачкі бабінага лета і чарнакораню, узбіраўся на сцены дома брумбель, калыхаў свой цёмны агонь скрыпень, трымцела пушыстае божае дрэўца і нават сядзела для ганка нетутэйшая расліна самшыт – жалезнае дрэва» [3, с. 165]. Да таго ж. Аўгіння мела слабы зрок. Прыезджы доктар, з якім жанчына выпадкова сутыкнулася, вылечыў яе. Аўгіння ўбачыла свет у яго рэальным абліччы. «прадметы наступалі на Аўгінню, бязлітасныя ў сваёй канкрэтнасці», знік рамантычны і гераічны арэол вакол бацькі і мужа, яе Юпітэр аказаўся няголеным тыпам з «чырвоным тупым тварам» і «з вачыма юрлівымі і чамусь спалоханымі». Жанчына прымае мудрае рашэнне пасля некаторых ваганняў: жыць далей, насуперак зласліўцам і недасканаласці свету. Рэаліі сучаснага беларускага і параўнальна недалёкага мінулага жыцця ў «Старасвецкіх міфах» іранічна падсвечваліся праз матывы антычных міфаў.

Абагулены сэнс робіць міф, па словах К. Леві-Строса, машынай па знішчэнні часу, бо ў міфе дзейнічае логіка партыцыпацыі, а не дэтэрмінацыі, што не ў апошнюю чаргу абумоўлівае папулярнасць міфа ў літаратуры. Грузінскі даследчык С. Сігуа трапна заўважыў, што, «як і самі міфы, адносіны да іх з'яўляюцца алагічным феноменам – бязмежным і бясконцым» [4]. Сучасныя беларускія празаікі аддаюць перавагу персанажам і матывам нацыянальнай, біблейскай і антычнай міфалогіі, пры гэтым іх цікавіць не сінтагматыка, а парадымматыка міфаў. Зварот да міфалагічных вобразаў наглядаецца часцей за ўсё ў творах гістарычнай, філасофскай і маральна-этычнай тэматыкі. Міфалагічныя вобразы ў гістарычнай прозе, як правіла, не трансфармуюцца, бяруцца ў нязменным выглядзе і ўзмацняюць нацыянальна-гістарычны каларыт. Пры распрацоўцы філасофскай і маральна-этычнай праблематыкі пісьменнікі істотна пераасансоўваюць міфалагемы і выкарыстоўваюць іх або ў якасці метафары, або дзеля іранічнай ацэнкі ці іранічнай падсветкі сучаснага жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аннинский Л.** Жажду беллетристики ! // Литературная газета, 1978, 4 марта. – С. 5.
2. **Айтматов Ч.** Кирпичное мироздание или энергия мифа? // Литературная газета, 1978, 29 марта. – С. 5.
3. **Рублеўская Л.** Сэрца мармуровага анёла. – Мн., 2003. – С. 153.
4. **Сигуа С.** Миф и логика. Структура прозы Константина Гамсахурдиа. – Тбилиси, 1984. – С. 108.

S U M M A R Y

The paper deals with the use of the mythological characters in the modern Belarusian historical, philosophical and moral prose. Their main functions (creation of national-historical couleur, metaphorization of reality, ironical evaluation of the life facts) are determined, and the preferential attention of the Belarusian authors to the paradigmatics (not to the syntagmatics) of the mythological characters is emphasized.

Поступила в редакцию 12.01.2004

Г.П. Хорошко

Историческое прошлое в драматической поэме «Крево» Н. Орочко

Среди поэтических жанров в современной белорусской литературе особое место занимает драматическая поэма. Это особый вид поэтического искусства, который объединяет в себе изначально традиционные роды литературы – эпос, лирику и драму. Некоторые белорусские поэты прошлого столетия охотно обращались к драматическому жанру. Среди них Я. Купала, А. Кулешов, М. Танк, К. Киреенко, В. Ковтун, Р. Боровикова, Н. Тулупова, В. Дюба и др. К этой форме драматического эпоса обратился и Н. Орочко, создавший такие известные в белорусской литературе драматические поэмы, как «Крево», «Курганье», «Мелодия Тавлая», «Судный день Скорины». Это свидетельство того, что форма драматического эпоса возрождается на новой основе в связи с переосмыслением национальной истории, стремлением к истокам народного самосознания.

В белорусской литературе Н. Орочко известен не только как поэт, но и как талантливый исследователь. Глубокое знание литературных процессов национальной и мировой поэзии в значительной степени помогло ему освоить тонкости драматического искусства. Свое отношение к избранному жанру Орочко-литературовед высказал в монографии «Беларуская савецкая паэма», где говорит: «Назрела острая необходимость творчески осмыслить новые эпико-структурные формы, смело войти в сферу поэтической условности, подняться к философскому, поэтному осмыслению одной из важных проблем века: судьбы земли, человечества и личностной святой принадлежности к ответственности за них [1]. Об этом говорят вышеуказанные драматические поэмы автора. Объективные исторические сюжеты в произведениях, несущие ярко выраженную драматичность обстоятельств, характеров, потребовали от поэта и адекватной формы. Поэзный драматизм особенно остро выступает в произведении «Крево», посвященном реальным событиям, которые имели место в истории нашего народа: заключении Кревской унии в 1385 году между Великим княжеством Литовским и Польшей – унии, которая предопределила политический и духовный упадок Белоруссии на целые столетия. В этой связи очень созвучными будут слова М. Карима, обращенные к литовскому поэту, Ю. Марцинкявичусу: «Его поэмы, отражающие современность, непременно соприкасаются с глубинными корнями, далекими источниками национального духовного бытия, а его исторические полотна всегда встревожены непокоем, порывами, светом современности. Поэт в своем творчестве будто разглядывает время с двух концов. Настоящее для него неизбежно прорастает из минувшего, а минувшее всегда таило в себе загадку будущего» [2]. Нечто подобное можно сказать и о поэмах белоруса Н. Орочко. К историческому материалу он подходит как художник-мыслитель, для которого история не только прошлое, но и настоящее и будущее. Возникает вопрос: почему поэт так пристально интересуется историей, почему так волнует она его? Должно быть, у всякого человека в определенный период жизни возникает особо горячее чувство кровного родства с родиной, народом, среди которого он появился на свет и прожил жизнь. Кроме того, для белорусской, как и для славянской поэмы в целом, всегда был характерен интерес к событиям исторического прошлого. Автору свойственен современный взгляд на прошлое, ощущение общности отдель-

ных эпох. У поэта присутствует дар пронизывать время глубоким духовным взглядом. Его лирические произведения, отражающие, казалось бы, современность, непременно соприкасаются с глубинными корнями, далекими истоками национального духовного бытия, а поэмно-исторические полотна всегда одухотворены непокоем, тревогой и светом современности. Внимание поэта направлено на кардинальные проблемы национального самосознания, исторической судьбы родного народа, его больших испытаний, основ и идеалов морали и этики. Осваивая материал сегодняшней жизни, тот мир, что составляет основу переживаний современника, поэт, как видим, почувствовал нужду в том, чтобы пополнить и освежить видение глубин исторической жизни народа, возродить его память о себе самом. К историческому прошлому обращена драматическая поэма «Крево», возвращающая нас к истокам национальной истории и ее урокам с высоты сегодняшнего дня. Историческое в поэме дается ярко высвеченным авторским сознанием, чувством, лирическим переживанием. Прошлое для поэта не есть бытие – «Пылінкі праху раздзьмувае час – І з мёртвага ўспыхвае жывое» [3]. Оно манит к себе не только трудной разгадкой того, «хто мы былі», а и желанием понять, «хто нашы нашчадкі? Які наш лёс далейшы ў барацьбе?» [3, с. 78]. Глубокое эпическое осмысление истории дает право назвать драматическую поэму «Крево» национальным эпосом в современном понимании. В ней присутствует ярко выраженный драматизированный способ подачи жизненного материала. Источником драматизма в «Креве» является социальное и национальное противоречие, духовное состояние человека, его внутренний мир. Поэма строится на действии, реализуемом в монологах и диалогах героев, авторских ремарках и развивающемся как отношение персонажей, конфликтно противопоставленных друг другу. Избранная автором драматическая форма дает возможность глубоко раскрыть внутренние противоречия человека в его отношениях с внешней средой и миром. Обращаясь к далекому прошлому, Н. Орочко помнит о настоящем, пытается найти в истории ключ к решению современных проблем. Автора интересует в связи с этим не только своеобразие национального субстрата и исторического опыта – исходя из конкретных фактов истории Белоруссии, в «Креве» он вырабатывает концепцию человека, являющегося для него причиной и следствием, движущей силой и целью всего исторического развития. В событиях прошлого поэт ищет духовно-созидательные силы. В достоинстве личности и народа он усматривает важнейшую опору, позволяющую с эпическим спокойствием, со всей полнотой и откровенностью затронуть универсальные проблемы бытия и добиться при этом впечатляющих результатов.

Сюжет драматической поэмы «Крево», как уже говорилось, заимствован автором из национальной истории XIV века. Это – заключение (14 августа 1385 г.) в стенах Кревского замка (Крево – бывшая столица удельного Кревского княжества XIV века) персональной унии и между княжеством Литовским и Польским королевством.

Н. Орочко в драматическом произведении «Крево» не отступает от этой исторической правды, наполняя ее новым смыслом и содержанием. Факт как таковой переосмысливается в поэме таким образом, что превращается в проблему поисков исторической истины. Автор не просто пересказывает события пятивековой давности, он стремится докопаться до их нравственного смысла, определить те испытания, моральные и духовные, через которые определяет себя народ и личность в сложных драматических обстоятельствах. Воспроизведение отдаленных от нас столетиями кревских событий, от которых, однако, во многом зависело быть или не быть родине – не только той, средневековой, но и сегодняшней, дало автору возможность, хотя и косвенно, но совсем недвусмысленно комментировать современность, раскрывать содержание драматических конфликтов нашего времени. И сюжет, и композиция в поэме Н. Орочко подчиняется логике развития авторской мысли.

События, описываемые Н. Орочко в драматической поэме, охватывают достаточно большой и напряженный исторический отрезок времени. Из истории (да из самого произведения) известно, что при осаде крестоносцами крепости в 1341 году гибнет Гедымин, великий князь Великого княжества Литовского, который настойчиво защищал границы княжества от нашествия крестоносцев, принимал непосредственное участие в политическом объединении и собирании земель древней Белоруссии и Литвы в единое государство. Как отмечают историки, «объединение осуществлялось на основе взаимодоговоренности, которая гарантировала сохранение особенностей местного самоуправления, хозяйственной и социальной жизни» [4]. После гибели Гедымина великим князем станет его сын Явнут. Однако его братья, Альгерд и Кейстут, видя, что авторитет власти падает, государство ослабевает, сговариваются против него. В то ответственное время Кейстут и Ольгерд стали править государством, т.е. делили власть между собой. Отец двенадцати сыновей (от княжны витебской Марии и княжны тверской Ульяны), воинствующий Ольгерд через 32 года оставил Кейстута одного. После смерти брата Кейстут признает Ягайло (сына Ольгерда) великим князем Великого княжества Литовского. Тот, в свою очередь, при помощи своих слуг расправляется с Кейстутом и делает покушение на Витовта, сына Кейстута, законного преемника великого княжеского престола и, надо сказать, более достойного претендента на королевскую корону. В поэме «Крево» Ягайло в центре всех событий. Он крестит литовцев, раздаёт каждому, кто добровольно примет католицизм, по белой холщевой рубахе. Даже его сородич Войшалок, основатель Лаврышевского монастыря, не обнаружил такого порыва в деле христианизации. На предложение крестоносского приходского священника Зигбера стать соучастником крещения Жмуди и Авкштайского Витовт отвечает такими словами: «Ах, вось вы што! Вам сніцца наша Жмудзь? Наднёманскія землі Чорнай Русі?», [3, с. 3] – так, согласно летописным источникам, нередко назывались земли современной Белоруссии, что вошли в состав Великого княжества Литовского. Черная Русь включала уезды – Новгородский, Лидский, Слонимский, Волковыский, Гродненский. В первой части драматической поэмы «Крево» Кейстуту перед смертью является призрак Явнута. И Кейстут скажет обиженному брату: «Грэшны перад небам, я ўсё ж святы перад сваёй зямлёй» [3, с. 81]. На это Явнут отвечает: «Ты ўсё гатовы імем асвятціць сваёй дзяржавы... Змову і захоп!» [3, с. 82]. Тогда, в 1345 г., Явнут убежит в Москву. Позднее он вернется на покаяние к братьям и будет жить в Заславле.

Однако нам кажется, что основу драматического конфликта поэмы «Крево» составляет не внешняя конфронтация противоположных сил, а действие внутреннее, которое происходит в сознании и в душе героев, в их диалогах и монологах-рефлексиях. Смысл конфликта сформулирован в диалогах Кейстута и Бирты. Кейстут, брошенный Ягайлом в темницу, говорит своей жене, что минувшей ночью он видел знамение:

Зайшла ў сон мой праз байніцу поўня.

А на той поўні на вілах

Брат брата

Трымае, покуль свет стаіць... [3, с. 92].

XIV век в Белоруссии – время борьбы за объединение земель Великого княжества Литовского, за укрепление государственности, время борьбы против посягательства на нее крестоносцев. В этом единении между белорусами и литовцами было много общего: географическая среда, природные условия, историческая судьба, давнее экономическое и военное сотрудничество, этнические связи, боевая солидарность в борьбе с немецкими крестоносцами и татаро-монгольским нашествием, культурное взаимодействие. Связанные общностью пути, белорус-

ский и литовский народы шли в героической борьбе за свою социальную и национальную независимость, формируя свое самосознание, вырабатывая философские и морально-этические взгляды на мир. Но это было и время внутренних распрей среди гедыминовичей, преследовавших власть, – тема, не раз становившаяся предметом трагедий как жанра высокой драматургии. Для примера можно привести произведение Ю. Марцинкявичюса «Миндаугас». В поэме-трагедии литовского автора ее герой Миндовг, добиваясь расширения Литвы и завоевывая новые земли, говорит словами горшечника, что прочный горшок «из одного куса глины лепят» [5]. Какой должна быть эта глина – основа основ? Старик, мастер своего дела, говорит, что звучат горшки тогда, «когда глина хороша и на любви замешена с любовью» [5, с. 80]. Для Витовта в поэме Н. Орошко «Крево» осознание пагубности насильственных акций в деле укрепления государства («Ці доўга натрывае тая моц, што ўзыходзіць на падступнасці, крыві?! Калі ж нам сілу ўзгадае ў княстве не меч крывавы, а...» [3, с. 128]) дополняется пониманием невозможности, нереальности борьбы только «чистыми методами» с миром зла и насилия, олицетворением которых в поэме является Ягайло.

Историография в прошлом часто изображала Ягайло как набожного, смиренно-мудрого властелина, который молился даже при Грюнвальде во время сражения с немецкими рыцарями. Но был ли в действительности таким набожным христианином Ягайло?

Из истории известно и другое: этот набожно-христианский (тогда еще православный, а после ставший католиком) повелитель заключил союз с жестоким врагом государства – крымской ордой – и пошел на Куликово поле, чтобы бить войско православного великого князя Дмитрия Ивановича. Что сдержало Ягайло в самый последний день? Константин Тарасов на страницах «Малодосці» (№ 9, 1980) высказал версию, что Ягайло побоялся отрицательной реакции Европы на союз христиан с мусульманским властелином против единоверца. Боялся Ягайло и другого: встречи на Куликовом поле с родными братьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичем, которые привели своих ратников на помощь Дмитрию Донскому.

Он боялся врагов и братьев. Он боялся своего дяди Кейстута и двоюродного брата Витовта. Боязнь рождает хитрость. Ради добычи и наживы нужно было устранить тех, кто хотел мира для государства. И набожный властелин «рукамі служак, жывацін прапойных» (Лысица и Кучук Жыбяндзя) совершает смертельный грех: убивает родного дядю. За Кейстутом на костер идет верный слуга, рослый с голубыми глазами юноша в долгой белохолщевой одежде, и меченосец, а не пленные, не враги государства, как велел обычай. В разговоре с приходским священником Зигбером Витовт говорит:

Бацька мой... Няўжо няма?
Няма мяжы для жорсткасці сляпой
Братазабойства...
Самавынішчэння! [3, с. 110].

Боязнь и хитрость, предназначенные, кажется, для самовыживания, ведут к самоистреблению. Люблинская и Брестская унии – завершение того, что начал Ягайло. В поэме «Крево», как и в ранее упомянутом нами «Миндаугасе» Ю. Марцинкявичюса, стоит вопрос, что является тем надежным первым кирпичиком, который ляжет в основу здания – государства? Ответ на него заключен в символических вещих словах, которые Кейстут передает своему сыну Витовту, выцарапав их на стене темницы в последнюю, пятую ночь перед насильственной смертью:

Ты цярпліва, як араты хлеб,
З зямель агульных нашых здабывай
Два словы –
Еднасць... братэрства [3, с. 100–101].

В передаче этих слов отцом сыну отчетливо видится аналогия с исторической преемственностью тех нравственных идеалов, на которые должны быть извечно основаны отношения между людьми. Витовт в поэме не однозначный, не односторонний, а многогранный и объемный человеческий характер. Автор не стремится создать нимб над чело́м этой исторической личности. Он выделяет в герое не только одно положительное, но и те определенные противоречия между человеческими чувствами и неотступным стремлением к власти, что, надо полагать, в то время и было вызвано необходимостью государственной централизации. Во время трагического выбора князь Витовт совершает нравственный суд над собой и своим близким, мучительно задумывается над сущностью бытия, над судьбой Отечества и ходом истории:

Які ж
Угатаваны тут вось, за мурамі,
З галінай роду Кейстута
І лёс
Супольнасці зямель Літвы Вялікай,
Жмойціі і Белай Русі –
Чую –
Як быццам хтось на калена,
Бяздумна, жорстка, слепа, безразважна
З галінай нашай родавай
І ход
Самой гісторыі... [3, с. 114].

Создавая образ Витовта, человека и государственного деятеля, автор «Крево» руководствовался мировыми и национальными традициями в раскрытии характера. Витовт – герой высокого плана, который, подобно своим братьям по духу – Гамлету, Годунову, Калиновскому – осмысливает в свете конкретно исторического опыта большие общечеловеческие истины. В душе Витовта борется желание понять все происходящее. Витовт понимает, что его цель, как и цель Ягайло, – это власть. Но, в отличие от Витовта, Ягайло более жестокий и коварный и вместе с тем хитрый соперник. Поэтому Витовту было нелегко его победить. Вспомним, что вынудило Ягайло пойти против Дмитрия с Мамаем? Желание расширить территорию государства? И это. Но было и нечто другое. Это – великая княгиня литовская, бывшая великая княгиня «хитромыслящая» Ульяна, мать Ягайлы:

У двор Ягайлы з мудрасцю вужыцы
Яна пускае дзікія намовы –
Каб мяккацелы сын не захістаўся!
Шчыруе для любімчыка Ягайлы,
Каб стол велікакняскі для яго
Паставіць на крыві... [3, с. 114].

В 1327 году тверчане восстали против ордынцев. Восстание подавил московский князь Иван Данилович, внук Александра Невского, известный как Иван Калита. С этого времени московский князь становится великим. Ягайло тоже мечтает о расширении власти. Эта мечта не покидает Ульяниного сына и в 1385 году. В поэме Н. Орочко Ягайло так объясняет, почему он идет в Краков, почему лишает Литву Великую политической независимости:

Унія – не толькі шчыт
Ад крыжакоў...
Я еду, каб адцяць
Уплывы пераможныя Усходу! [3, с. 153].

Вот почему так «звабна свецяцца зубцы кароны». Вот почему Ульяна, эта своеобразная леди Макбет, мечтает о короне для сына. По ее приказу дольщик Петруля приносит великому князю вещий знак – монету с образом невесты в короне. «А цяпер можна і ў міласцівыя рукі вялікага князя... Караля нашага!» [3, с. 144]. Он станет королем Польши и на сем лет подначалит Кракову Литовское государство. Хитростью он не допустит, чтобы корону надел Витовт Великий, владелец Белой и Черной Руси, Жмуди, Украины, Подляшья. Как видим, каждый персонаж в драматическом произведении естественно вписывается в историю народа, нации, так создается поэтический эпос – не в родовом и не в жанровом значении, а в синтезе и масштабности художественного мышления, в том, что мы называем эпическим мироощущением.

В лучших традициях классики автор показывает в «Крево» и народ. Это как бы своеобразный многоликий характер, через который воплощена история. В массовых сценах («На жэглішчы») народ возмущается, он плачет, желая освободить из темницы Витовта, и все же этой силе еще непросто в тех условиях существенным образом повлиять на ход событий. Тут трагедия народной жизни определена автором со всей остротой и настоящей художественной значимостью. В народе – все истоки исторического прогресса, и в то же время некто другой распоряжается и его мнениями, и его силой:

Народзе мой,
Ты ведаеш пра ўсё.
Пра лёс акружны наш, пра ганьбу, здраду,
Пра змовы і вязніцы...
Ды чаму
Так часта позніцца тваё збавенне?
З пашанай ты прыходзіш пасля смерці
Няўжо прыйсці з заступніцтвам сваім
Табе ў час – так цяжка?... [3, с. 107].

В композиционном строе поэмы «Крево» своеобразное место занимает «Послесловие, или Вопль короны Витовта», в котором выделяется политическая концепция власти. Мы раньше отмечали, что по «иронии судьбы» Витовт является законным наследником великокняжеского престола и более достойным претендентом на королевскую корону. За все это время он и не смог избавиться от вассальной зависимости польского короля – и в этом Н. Орочко видит не только драму одного конкретного человека, но и объективную драму самой истории.

В поэме «Крево» автор мастерски использовал принципы реалистического воспроизведения действительности. Поэт правильно несет к сознанию читателей субъективные причины кривских событий, потому что характеризует персонажей и мотивирует их поступки в соответствии с реальными фактами. Вместе с тем он обращается к средствам условности, символической притче, соединяя реальность и фантастический вымысел. Факт использования приемов условности в поэме «Крево» дает право утверждать, что историческая конкретика в принципе не противоречит даже самим средствам многозначительной условности, если у автора есть чувство меры и такта в ее использовании. Поэтика условности позволяет автору придать своему произведению многомерность, динамику, объемность воплощения (появление призрачных фигур Явнота, Войдылы). Эти условные обозначения, как своеобразный магический кристалл, высвечивают реальное мироощущение героев – без такого подхода

не было бы и самого замысла поэмы, тем более – драматической. Сегодня она как бы заново открывает неисчерпаемое богатство специфически условных форм и способов драматического обнажения коллизий, включая формы условной психологизации. Использование приемов и форм условности дает поэту возможность выявлять в «Креве» многообразие действительности, широкую гамму чувств и переживаний героев. Условность, как ни один другой прием, позволяет совмещать историю и современность, тем самым заставляя нас вновь задуматься о судьбах мира, о настоящем и будущем человечества, о судьбе своей Родины. На этом основании в ткань драматической поэмы автор вводит аллегорические притчи («Сон Ягайлы», «Паляўнічая быліца Кейстута»), которые являются «вещими» – предсказывают ход дальнейшего развития событий, придают содержанию философскую наполненность. Е. Гурская, анализируя поэму «Крево», приходит к выводу, что «основная конфликтная коллизия поэмы, ее герои, их поведение и характеры в целом соответствуют исторической правде». И тут же оговаривается: «Вместе с тем отдельные моменты в произведении вызывают определенное несогласие с автором». Так, по ее словам, не совсем соответствует выводам исторической науки мысль, прозвучавшая у Н. Орошко в монологе Кейстута, что Новогрудок «распацаў вялікі новы гмах дзяржаўнасці – адсюль і змагалася і ў свет пайшла Літва Вялікая» [3, с. 100]. Дальше критик утверждает, что «этот белорусский город, безусловно, имеет очень важное политическое значение на первом этапе становления Великого княжества Литовского. Однако то, что Новогрудку принадлежала ведущая роль в политическом объединении литовских и белорусских земель, не подтверждается историческими сведениями» [6]. На наш взгляд, критик высказывается несколько опрометчиво. В некоторых источниках по данному вопросу имеется достаточно убедительный материал, который говорит об обратном. Так, в «Обращении к белорусам мира», которое помещено в газете «Літаратура і мастацтва» от 10 августа 1990 года, говорится, что на белорусских землях со столицей в Новогрудке зародилось Великое княжество Литовское, которое выросло в мощное многонациональное государство. Об этом сказано и в «Гісторыі Беларусі» [7]. Но в данном случае (что касается поэмы Орошко и сферы художественного творчества вообще) можно исходить и из других принципов: художник волен характеризовать личность и строить концепцию, основываясь и на достаточно проработанной гипотезе, это его право. Свидетельство этому – «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери» А. Пушкина, «Миндаугас» Ю. Марцинкявичюса, «Хамутиус» А. Кулешова и др. Здесь, в «Крево», главную роль играет не только правда фактов, но и правда художественных образов, характеров, деталей. Но при этом социальные, исторические, национальные проблемы, что затрагивает Н. Орошко, не отходят в прошлое, не становятся объектом изучения лишь историков литературы – они актуальны и в наше время. Нам кажется, что главное для настоящего художника-реалиста состоит не в поиске формы ради нее самой, не в предпочтении, оказываемом одному какому-нибудь художественному приему или способу, не в его универсализации или абсолютизации, а в таком использовании всего многообразия средств художественной изобразительности, которое лучше всего способствует решению идейно-эстетической задачи произведения. В структуре «Крево» мастерски выписаны диалоги и монологи – важный атрибут драматического жанра. Они помогают ощутить главный мотив и конфликт произведения – поэтизацию борьбы за нравственное право человека на свободу своего разума, утверждение его права на протест против несправедливого мира.

Поэтическое слово автора звучит полнокровно и убедительно. Весьма богата лексика «Крево». Естественно звучит «святакрадства» вместо узаконенного толковым словарем и малопонятного читателю «святатцтва», в литературный обиход

вводятся лексемы «жэглішча», «зніч» - слова старые, ныне забытые... Такая лексика помогает воспроизвести в драматической поэме атмосферу того времени, о котором пишет автор, потому что, еще раз подчеркнем, в этом произведении сильна познавательная сторона, так как оно не только освещает еще одну страницу нашей истории, но и объясняет ее, находя духовную связь с современностью. История встает перед нами в собственной сущности, в достоверно воссозданной обстановке и атмосфере того времени, в национальном колорите и психологической мотивированности поступков и действий героев, в резко очерченных индивидуальных характерах.

Таким образом, анализ драматической поэмы Н. Орочко «Крево» показывает, что это произведение отличается живым ощущением далекой эпохи, богатством исторических реалий, щедростью словесной живописи, ритмико-интонационным многообразием, тонкой инструментальной стихом. Авторское повествование исполнено лиризма и вместе с тем, как произведение драматическое, строится на монологах, диалогах с использованием ремарок и всех прочих деталей, характеризующих жанровые очертания драматической поэмы. Сложная в композиционном отношении, включающая в повествовательную ткань как лирические медитации героев, так и драматически-напряженные сцены, поэма отличается единством речевой структуры, целостностью стиля. Если говорить о композиционном решении, то в «Крево» следует выделить основные ее закономерности. Произведение построено по законам драматического искусства: тут все рассчитано и взвешено, продумано по законам внутренней «симметрии», которая чувствуется во всех сюжетных линиях, связанных с образом центральных лиц, – это характерный признак данной жанровой формы. Определенная условность композиции драматической поэмы Н. Орочко – также наследие высокого художественного мастерства, поэтическое воззрение автора. Все вместе взятое дает право утверждать, что поэт умело, мастерски использовал возможности драматического жанра, синтезируя приемы эпика, лирики и драмы.

Творческий подход Н. Орочко к социальным и национальным проблемам, его умение находить конфликтную основу в драматической поэме «Крево» и в истории нашего народа, связывая с современностью, позволяет автору создать высокое художественное произведение не только по тематической своей сути и образной фактуре, но и по напряженности мысли и эмоциональности строя, прорывающихся в строфах подлинно высокой поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арочка М.М.** Беларуская савецкая паэма. – Мн., 1979. – С. 313.
2. **Літаратурная газета**, 1973, 12 декабря.
3. **Арочка М.** Курганне. Крэва. – Мн., 1982. – С. 77.
4. **Забытая слава. Кароткі агляд ваеннай гісторыі** // Звязда, 1992, 19 лютага.
5. **Марцінкявичюс Ю.** Миндаугас. Собор. – М., 1978. – С. 79.
6. **Гурская А.** Сувязі і сэрца // Польша, 1984, № 1. – С. 318.
7. **Гісторыя Беларусі** // Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Ч. 1. – Мн., 2000. – С. 75–101.

S U M M A R Y

The dramatic epic poem «Krevo» by N. Orochko is studied in this article. In this poem the author reveals virtual events which took place in our people's history, i.e. the signing of the Krevo Union by the Great Duchy of Lithuania and Poland in 1385.

Поступила в редакцию 14.11.2003

Игра как способ реализации дискурса персонажей в пьесах Гарольда Пинтера

Гарольд Пинтер является одним из ярчайших представителей современной английской драмы. Начав писательскую карьеру в конце 1950-х и почти сразу же добившись признания как у публики, так и у театральных критиков, Г. Пинтер по сей день остается популярным драматургом, чьи пьесы с успехом ставятся во многих странах мира. Сборники его пьес, переведенные более чем на 10 языков, неизменно находят своего читателя и вот уже более четверти века выдерживают множество переизданий. С начала шестидесятых Г. Пинтер пишет кино- и радиосценарии, занимается режиссурой, а также преподавательской деятельностью. Однако всемирную славу писателю, без сомнения, принес театр, верность которому Г. Пинтер сохраняет и по сей день.

К сожалению, несмотря на широкую известность и признание за рубежом, взаимоотношения Г. Пинтера с советскими и постсоветскими издательствами и театром всегда были непростыми. В результате творчество Г. Пинтера в нашем литературоведении мало изучено, число публикаций о нем крайне ограничено. В настоящее время существует лишь один сборник пьес Пинтера на русском языке, включающий в себя пять пьес, в то время как число драматургических произведений, написанных Г. Пинтером, превышает двадцать. Без сомнения, что Г. Пинтер был бы весьма интересен русскоязычной публике и в качестве автора эссе, очерков, публицистических выступлений, которые все еще не переведены на русский язык.

Следует отметить, что ни зарубежным, ни отечественным критикам не удалось прийти к единому мнению относительно принадлежности Г. Пинтера к какому-либо литературному течению или направлению. Советский исследователь В. Ивашева «прикрепляет» к Пинтеру ярлык модерниста, Д. Шестаков же говорит о пьесе «Сторож» как о примере «современной английской психологической драмы» [1]. Сам Г. Пинтер настаивает на своей непринадлежности к какому-то литературному течению. Большинство же исследователей относят произведения Пинтера к театру абсурда. На наш взгляд, данная позиция является излишне обобщенной, где выводы делаются на основе лишь формальных признаков.

Несомненным, однако, является тот факт, что пьесы Пинтера и Беккета имеют ряд общих черт. Их объединяет, в первую очередь, отношение ко времени, которое тянется мучительно долго, а также общность драматических приемов, как-то: наличие не фабулы, а лишь ее элементов, статичность действия, которое нередко вообще отсутствует, а также отчетливое нежелание героев общаться.

Однако, если Беккет и Ионеско «описывают коллизии «голового человека под голым небом», «человека вообще», «человека как такового», не связанного с конкретными общественными отношениями, ... угрожающий хаос мира, по Пинтеру, рожден вполне определенными общественными связями, которые ни на секунду не дают забыть о себе» [2].

Отголоски этого хаоса слышны почти в каждой пьесе драматурга. Именно потому Пинтер и приводит почти всех своих героев в Комнату (так называется

первая пьеса драматурга) или Убежище, за стенами которых они, казалось бы, могут чувствовать себя в относительной безопасности.

«Мои герои, – говорит парадоксалист Пинтер, – общаются для того, чтобы избежать опасности быть понятыми» [3]. На первый взгляд, налицо влияние «апостола молчания» Беккета, тем более, что по количеству молчания и пауз Пинтер лишь немногим уступает отцу театра абсурда. И все же между молчанием Беккета и молчанием Пинтера есть принципиальная разница. Герои Беккета молчат, ибо им нечего сказать друг другу. Персонажи Пинтера зачастую произносят реплики в телеграфном стиле или молчат потому, что боятся раскрыться и стать таким образом уязвимыми при нападении окружающих.

Персонажам Беккета страх неведом – ни на сырой земле, ни в мусорных баках. Постоянно готовые к отражению агрессии герои Пинтера, лишь попав в «зону молчания», чувствуют себя спокойнее и защищеннее. «Общение слишком опасно, – говорит в этой связи Пинтер. – Войти в чужую жизнь слишком страшно, но не менее страшно демонстрировать бедность своей души другому» [3].

Герои находят общение не только затруднительным, но и вселяющим ужас. Они стремятся уклониться от ловушек человеческого общения, пасуя перед необходимостью вступать в прямой контакт. Но рано или поздно встреча с внешним миром все-таки происходит. В такие критические моменты герои начинают *игру*, направленную на то, чтобы сохранить дистанцию между своим внутренним миром и разрушительной действительностью.

Теоретическое обоснование данного способа общения пинтеровских героев мы находим в работе Эрика Берна «Люди, которые играют в игры», где выдвигается идея о том, что люди используют игры, чтобы избежать ужасов истинной близости. *«Близость требует строгой осмотрительности и зачастую не приветствуется... Следовательно, чтобы [избежать] опасностей близости, большинство людей играет в игры, когда это возможно»* [4].

Об игре, но уже сугубо языковой, говорит Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях». Он определяет языковую игру как «определяющую модель коммуникации или конституции текста, в которой слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст» [5]. Целью языковой игры является устранение ловушек естественного языка путем терапии языковых заблуждений, перевод непонятных предложений в более совершенные, ясные, отчетливые.

Г. Пинтер, воспользовавшись формой языковой игры, качественно изменяет ее содержание. Языковые заблуждения не только не искореняются, но, напротив, активно культивируются героями, неохотно и неумело вступающими в процесс социализации.

Герои Г. Пинтера играют в болтовню на улице, используя ее как способ изоляции; игра в беседу помогает избежать проявлений враждебности; игра в вежливость стирает налет варварства; игра в любовь защищает от ненависти или безразличия; и, наконец, игра в искренность рассеивает ужасное чувство, что слова вообще не имеют значения.

Необходимо отметить, что игра как принцип организации и способ реализации дискурса может принимать различные частные формы. Один и тот же вариант игры, в свою очередь, может переходить из одной пьесы в другую, сохраняя неизменными основные признаки.

Одной из форм игры, реализуемой в пьесах Пинтера, является игра в вопросы, которая будет рассмотрена ниже.

Задавать вопросы, требовать ответы на них – одна из форм игры в пьесах Пинтера. Обычно она реализуется следующим образом:

1. Герой задает ряд несущественных вопросов, исключительно с целью поддержания языковой игры.

2. Герой задает каверзный вопрос, на который другой герой не в состоянии ответить.

В большинстве случаев оба персонажа уже знают все вопросы и ответы, и последовательность этих вопросов и ответов становится ритуализированной формой социализации героев. Подобное явление можно встретить в первом акте пьесы Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Здесь целью игры становится ответ на вопрос вопросом, и проигравшим является тот, кто произносит фразу, делающую невозможным очередной вопрос.

Розенкранц. Может, поиграем в вопросы?

Гильденстерн. А что это даст?

Розенкранц. Практику!

Гильденстерн. Не вопрос! Один – ноль.

Розенкранц. А это считается?

Гильденстерн. Что?

Розенкранц. Это считается?

Гильденстерн. Очко. За повторение. Три – ноль. Кон.

Розенкранц. Раз так, я не играю.

Гильденстерн. Чья очередь?

Розенкранц. А?

Гильденстерн. Очко. Не акай. Ноль – один.

Розенкранц. Кто теперь?

Гильденстерн. Почему?

Розенкранц. Почему нет?

Гильденстерн. Зачем?

Розенкранц. Очко. Без синонимов! Один – один.

Гильденстерн. Что, во имя неба, происходит?

Розенкранц. Очко. Без риторики! Два – один. [...]

Гильденстерн. А Бог есть?

Розенкранц. Очко. Не трепли все. Три – два. Кон. [...]

Розенкранц (голосом вопиющего в пустыне). ...Что это за игра?

Гильденстерн. И какие у нее правила? [6]

В случае с Пинтером, прежде всего в его ранних произведениях, особого внимания заслуживают два вида вопросительных игр – *объединяющая* людей и *разъединяющая* собеседников. Первая из игр направлена на установление контакта и, используя терминологию Романа Якобсона, может быть названа *фатической* (направленной на установление лингвистического контакта, нежели на передачу информации) [7]. Фатическая игра традиционна для начала многих ранних пьес Пинтера, где она принимает форму ритуализированной беседы за завтраком. Еда, подаваемая за завтраком, обычно не представляет интереса, но ритуал, стоящий за ней (кричащая в пустоту женщина и прячущийся за газетой мужчина), стал своего рода клише у Пинтера. Газета или комикс играют важную роль в ритуале утренней трапезы, особенно в ранних пьесах. Это – источник ежедневных сплетен, той пустой информации, которой наполняется речь героев: «У кого-то родился ребенок», «Восьмилетний мальчик убил кота!» и т.д. Современные авторы уделяют большое внимание газете из-за того эффекта отчуждения, который она производит на собеседников; как было замечено, газета является «одним из наиболее эффективных барьеров для коммуникации, когда-либо изобретенных человеком».

И у Беккета, и у Ионеско есть сцены, напоминающие фатические игры у Пинтера, где женщина, пытаясь достучаться до своего мужа, наталкивается на «барьер», созданный с помощью газеты. Похоже, всех троих искренне забавляет то ту-

пое усердие, с которым их герои пробираются сквозь бесконечные ряды пустой, ничего не значащей статистики.

Мистер Смит (глядя в газету): Вот чего я никак не могу понять. Почему в этом разделе, где пишут о рождениях, свадьбах и похоронах, всегда указывается возраст умерших, но никогда не говорится о возрасте новорожденных. Бессмыслица какая-то.

(Ионеско «Лысая певица»).

Вилли (читает): Его Светлость Высокопреосвященство Отец Карлос Хантер умер в ванной.

(Беккет «Счастливые времена»).

Бен: Эй! (Берет газету) Как насчет этого? Послушай только! (*Смотрит в газету*). Мужчина восьмидесяти лет хотел перейти дорогу. Но движение было очень сильным, понимаешь. Он не представлял, как он проскользнет. И он заполз под грузовик <...> От этого хочется плевать, правда?

(Пинтер «Глухой официант»).

Прослеживая эволюцию «пустых» разговоров в современном театре, начиная с Чехова, можно отметить, что Пинтер пошел дальше своих коллег. Он – мастер сплетен и избитого словоблудия. Основная трудность, возникающая при чтении подобных примеров фатического взаимодействия, состоит в сложности осознания читателем подобных диалогов, таких уныло банальных и душераздирающе тривиальных, собственно и являющихся ядром общения в каждой семье.

Второй вид вопросительной игры, подобно фатической, основанной на антиномии разговорчивого и немногословного партнеров, включает в свою схему активного и пассивного партнеров. Однако здесь молчание спровоцировано враждебностью активной стороны, включающей как одного, так и несколько героев. Цель этой игры – занять доминирующее положение. Вопросы, используемые здесь, могут быть охарактеризованы как *риторические*.

Если фатическая игра обычно находится в начале пьесы, то место *риторической* игры – кульминация действия. Собственно, наличие этой игры и определяет кульминацию. Непосредственному началу риторической игры предшествует борьба за физическое доминирование, в ходе которой явно обозначается конфронтация между героями.

Наиболее ярко риторическая игра реализована в пьесе «Теплица».

Хотя Пинтер изначально считал эту пьесу непригодной для публикации, центральная сцена допроса была настолько яркой, что послужила основой для отдельного очерка «Претендент» (1959).

В полном варианте пьесы мисс Каттс и Гиббс подвергают «жертвенного» Лэмба (lamb по-английски – агнец, ягненок) ужасающему испытанию, в ходе которого пытаются дезориентировать его с помощью огромного количества риторических вопросов (каждый из которых Стоппард классифицировал бы как запрещенный).

Допрос начинается с серии туманных вопросов, основанных на неопределенных психологических типологиях: «Могли бы Вы определить себя как легко возбудимого человека?... легко поддающегося переменам настроения?... социальную личность?» [3, с. 166].

То, что Лэмб затрудняется с ответом, кажется абсолютно естественным: «Ну, это зависит от того, что вы подразумеваете под ...»

Сбив его с толку таким образом, они продолжают атаку вопросами, не останавливаясь даже, чтобы послушать ответы:

Каттс: Вас часто беспокоят женщины?

Лэмб: Женщины?

Каттс: Мужчины.

Лэмб: Мужчины? Но я только собирался ответить на вопрос о женщинах...

Далее следуют вопросы, где необходим выбор между большим количеством понятий: «После рабочего дня чувствуете ли Вы себя уставшим, нервным? ... изрядно? ... раздражительным? ... на пределе? ... угрюмым?» и т.д.

После паузы Лэмб смиренно отвечает: «Ну, трудно ответить, действительно ...», за что подвергается наказанию душераздирающим звуком. На этом этапе вопросы становятся все более абсурдными: «Вы девственник? Вы всегда были девственником? От слова вена?» и т.п.

Завершается допрос еще одной серией альтернативных вопросов: «Женщины пугают вас? ...их одежда? ...их обувь?» и тому подобные 22 альтернативы, последние из которых заглушаются звуком оркестра.

Как и положено в таких играх, наиболее вероятным эффектом от подобной словесной атаки является состояние кататонии, в которое впадает атакуемый. В заключительной сцене «Теплицы» мы видим Лэмба с прикрепленными к телу электродами и наушниками, тихо сидящим, будто в кататоническом трансе. Чего он ждет? Кульминационной точкой самой сцены допроса является тот момент, когда Лэмб беспокойно ожидает следующего финального вопроса, готовый на любое сотрудничество; но вопроса более не последует, его ждет только безжалостная тишина.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что риторический и фатический способы ведения вопросительной игры служат для достижения диаметрально противоположных целей. В более поздних пьесах эти две игры смешиваются, перерастая одна в другую.

Комбинация этих двух игр зачастую производит сильнейший эффект на читателя. Пугающими являются те моменты, где герои ошибочно принимают риторическую игру за фатическую. Обратная же путаница служит для создания комического эффекта.

Примером подобной несообразности может служить начало пьесы «Любовник». Ричард спрашивает свою жену: «Твой любовник придет сегодня?» [8]. Такой вопрос явно попадает в категорию провокационных. Но он задан «дружелюбно», и ответом служит мягкое соглашающееся «У-гу» Сары («У-гу» и его разнообразные варианты – очень популярный ответ пинтеровских героев: он помогает избежать определенных «да» и «нет»).

Возникающая в данной ситуации путаница не приводит к обнажению конфликта. Напряжение возникает в тех ситуациях, когда герой сознательно варьирует дискурс с фатического уровня до риторического. Такую ситуацию мы наблюдаем в пьесе «Сторож»:

Мик: [...] Что ты мне посоветуешь?

Дэвис: М-да ... веселое дело с таким братцем...

Мик: Как?

Дэвис: Я говорю, он ...он вроде бы смешной тип, твой брат.

Мик: (уставился на Дэвиса) Смешной? Он?

Дэвис: Ну... смешной...

Мик: Чем же он смешной? (Пауза).

Дэвис: Что работы не любит.

Мик: Что ж здесь смешного?

Дэвис: Ничего. (Пауза).

Мик: По-моему, это не смешно.

Дэвис: Не смешно [2, с. 45].

Мик перескакивает с одной игры на другую, причем делает это в самый неожиданный момент, чем дезориентирует оппонента и одерживает победу.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что герои активно используют игру как форму речевого взаимодействия. Подобная форма «облегчает» процесс общения, маскируя истинные смыслы и намерения героев.

Игра в вопросы, рассмотренная выше, присутствует практически во всех пьесах Пинтера разных этапов его творчества. Форма игры в вопросы неоднородна, но включает два направления, имеющие противоположные задачи.

С помощью *фатической игры* герои вступают в процесс общения. Данная игра представляет собой набор клише, используемых для установления контакта. Ритуализированность как формы, так и содержания, а также прогнозируемость результата подобного взаимодействия объясняют широкое употребление фатической игры на начальном этапе беседы. Примечательным является тот факт, что эта беседа, как правило, происходит между близкими родственниками либо супругами, а отнюдь не незнакомыми людьми.

Риторическая игра реализуется в процессе «битвы за позиции» между двумя и более враждебно настроенными героями и представляет собой набор стандартных речевых способов установления доминирующего положения. Это обуславливает использование риторической игры в моментах наивысшего напряжения в пьесе: в то же время, риторическая игра – уже сама по себе «индикатор» кульминации.

Указанные выше типы игр могут встречаться в пьесах Гарольда Пинтера как в чистом виде, так и накладываться друг на друга, образуя более сложные игровые схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Денисов В.** Хорек под домашним баром // Современная драматургия, 1996, № 4. – С. 133.
2. **Пинтер Г.** «Сторож» и другие драмы. – М., 1988. – С. 6.
3. **Pinter H.** Plays. – London, 1985. – С. 28.
4. **Berne E.** Games People Play. – Harmondsworth, 1968. – S. 151.
5. **Витгенштейн Л.** Философские работы. – М., 1994. – С. 96.
6. **Стоппард Т.** Розенкранц и Гильденстерн мертвы. – СПб., 2000. – С. 16.
7. **Лингвистический энциклопедический словарь** / Гл. ред. **В.Н. Ярцева**, – М., 1990. – С. 357.
8. **Пинтер Г.** Возвращение домой. Любовник // Современная драматургия, 1996, № 4. – С. 137.

S U M M A R Y

The article deals with discourse as one of the aspects of poetics of the contemporary English playwright Harold Pinter. His plays and discourse strategies in particular are analyzed from the point of view of the theory of games.

Поступила в редакцию 15.12.2003

Об угловой неправомерности систем с функционально-коммутативными матрицами коэффициентов

Рассматриваем линейные системы

$$\dot{x} = A(t)x, \quad x \in \mathbb{R}^n, \quad t \geq 0, \quad (1)$$

с кусочно-непрерывными, ограниченными на промежутке $[0, +\infty)$ матрицами $A(t)$ ($A(t) \in C^0_{[0, +\infty)}$). Будем обозначать через $\lambda[f]$ – показатель Ляпунова [1, 2] кусочно-непрерывной на $[0, +\infty)$ вектор-функции или матрицы $f(t)$, $\sigma(A)$ – коэффициент неправомерности Д.М. Гробмана [2, с. 44; 3], $\lambda(A) \in \mathbb{R}^n$ – вектор характеристических показателей $\lambda_1(A) \leq \lambda_2(A) \leq \dots \leq \lambda_n(A)$ нормальной [1, с. 34] упорядоченной системы решений $X(t) = [x_1(t), x_2(t), \dots, x_n(t)]$ линейной системы (1) с показателями $\lambda_k = \lambda_k(A) = \lambda[x_k]$, $k = 1, \dots, n$, ее столбцов, $\alpha_k(t) \in (0, \frac{\pi}{2}]$ угол между вектором $x_k(t)$ и линейным пространством остальных $n-1$ векторов $x_i(t) \in X(t)$. Величину $\sigma_0 = \sigma_0(A) = \max_k \{ \lambda[\frac{1}{\alpha_k(t)}] \}$, следуя [4],

будем называть угловой неправомерностью системы (1).

Совместно с системой (1) рассматриваем возмущенную систему

$$\dot{y} = A(t)y + Q(t)y, \quad y \in \mathbb{R}^n, \quad Q(t) \in C^0_{[0, +\infty)}, \quad t \geq 0, \quad (2)$$

Известно [3], что $\lambda(A+Q) = \lambda(A)$ для всякой $Q(t) \in C^0_{[0, +\infty)}$, удовлетворяющей условию $\lambda[Q] < -\sigma(A)$. В работе [4] показано, что совокупности $\lambda(A)$ и $\lambda(A+Q)$ характеристических показателей систем (1) и (2) совпадают при выполнении более слабого условия, а именно, в случае, если $\lambda[Q] \leq -\sigma(A) < -\sigma_0(A)$.

Рассмотрим частный случай системы (1), когда матрица $A(t)$ функционально-коммутативная, т.е. для всех $t_1, t_2 \in [0, +\infty)$ удовлетворяет условию $A(t_1)A(t_2) = A(t_2)A(t_1)$. Возникает задача нахождения угловой неправомерности таких систем и выяснения вопроса, может ли угловая неправомерность у таких систем быть положительной?

Справедлива следующая

Теорема. Для систем с функционально-коммутативными матрицами коэффициентов $\sigma_0(A) \equiv 0$.

Доказательство. Известно [5], что систему (1) с помощью постоянного преобразования всегда можно привести к блочно-треугольному виду, причем диагональные элементы, принадлежащие одному и тому же блоку, будут между собой совпадать. Не ограничивая общности, будем считать систему (1) блочно-треугольной. Нормальная фундаментальная матрица такой системы может быть записана в виде $X(t) = \exp\left(\int_0^t A(\tau) d\tau\right)$, элементы этой матрицы будем обозначать через $x_{ij}(t)$, $i, j = 1, \dots, n$.

Вначале рассмотрим случай, когда матрица $A(t)$ состоит из одного блока, тогда $x_{ij}(t) \equiv 0$ при $i > j$, и $x_{ii}(t) \equiv x_{jj}(t)$ для любых $i, j = 1, \dots, n$. Обозначим через $\beta_k(t)$ угол между вектором $x_k(t)$ и подпространством векторов $x_1(t), x_2(t), \dots, x_{k-1}(t)$, ($k = 2, 3, \dots, n$), через $X_k(t)$ левую верхнюю треугольную матрицу размерности $k \times k$, полученную из матрицы $X(t)$ вычеркиванием последних $n-k$ столбцов и строк. С помощью известной формулы вычисления определителей (см., например, п.5 [6]), получаем

$$|\det X_k(t)| = \prod_{j=1}^k \|x_j(t)\| \prod_{j=2}^k \sin \beta_j(t).$$

Учитывая структуру матрицы $X(t)$, получаем

$$|\det X_k(t)| = \left| \prod_{j=1}^k x_{jj}(t) \right| \text{ и } \|x_1\| = |x_{11}|, \text{ тогда } \sin \beta_i(t) = \frac{|x_{ii}|}{\|x_i\|}, i=2, 3, \dots, k. \quad (3)$$

Найдем $\sin \alpha_k(t)$. Для этого рассмотрим матрицу $\bar{X}(t)$, полученную из матрицы $X(t)$ перестановкой столбцов таким образом, что $\bar{x}_i(t) = x_i(t)$ при $i \leq k-1$, $\bar{x}_i(t) = x_{i+1}(t)$ при $i = k, \dots, n-1$, $\bar{x}_n(t) = x_k(t)$, $k=2, \dots, n-1$. Учитывая, что при перестановке столбцов определитель не изменится, имеем

$$|\det X(t)| = |\det \bar{X}(t)| = \prod_{j=1}^n |x_{jj}(t)| = \\ = \prod_{j=1}^n \|x_j(t)\| \prod_{j=2}^{k-1} \sin \beta_j(t) \prod_{j=k+1}^n \sin \gamma_j(t) \sin \alpha_k(t),$$

где $\gamma_i(t)$ — угол между решением $x_i(t)$ и пространством решений $x_1(t), x_2(t), \dots, x_{k-1}(t), x_{k+1}(t), \dots, x_{i-1}(t)$, $i=k+1, \dots, n$. Тогда

$$\left| \prod_{j=1}^n x_{jj}(t) \right| = \prod_{j=1}^n \|x_j(t)\| \prod_{j=2}^{k-1} \frac{|x_{jj}|}{\|x_j\|} \prod_{j=k+1}^n \sin \gamma_j(t) \sin \alpha_k(t),$$

После сокращения получаем

$$\left| \prod_{j=k}^n x_{jj}(t) \right| = \prod_{j=k}^n \|x_j(t)\| \prod_{j=k+1}^n \sin \gamma_j(t) \sin \alpha_k(t). \quad (4)$$

Очевидно, что $\sin \beta_i(t) \leq \sin \gamma_i(t) \leq \sin(x_i(t), x_i(t))$, $i = k+1, k+2, \dots, n$. Поскольку

$$\sin(x_i(t), x_i(t)) = \left(1 - \frac{(x_i, x_i)^2}{\|x_i\|^2 \|x_i\|^2} \right)^{1/2} = \frac{((x_i)^2 - \dots - (x_{i-1})^2)^{1/2}}{\|x_i\|}, \text{ то}$$

$$\frac{|x_{ji}(t)|}{\|x_j\|} \leq \sin \gamma_i(t) \leq \frac{((x_{i1})^2 + \dots + (x_{in})^2)^{1/2}}{\|x_j\|}. \quad (5)$$

Из (4) получаем

$$\sin \alpha_k(t) = \frac{\prod_k^n |x_{kj}(t)|}{\prod_k^n \|x_j(t)\| \prod_{k+1}^n \sin \gamma_j(t)}. \quad (6)$$

Учитывая (5), имеем

$$\frac{\prod_k^n |x_{kj}(t)| \prod_{k+1}^n \|x_j(t)\|}{\prod_k^n \|x_j(t)\| \prod_{j=k+1}^n (\sum_{i=2}^j x_{ij}^2)^{1/2}} \leq \sin \alpha_k(t) \leq \frac{\prod_k^n |x_{kj}(t)| \prod_{k+1}^n \|x_j(t)\|}{\prod_k^n \|x_j(t)\| \prod_{j=k+1}^n |x_{ij}(t)|}.$$

После сокращения получаем

$$\frac{\prod_k^n |x_{kj}(t)|}{\|x_k(t)\| \prod_{j=k+1}^n (\sum_{i=2}^j x_{ij}^2)^{1/2}} \leq \sin \alpha_k(t) \leq \frac{|x_{kk}|}{\|x_k\|}, k \neq 1.$$

Рассмотрим отдельно случай $k = 1$. Обозначим через $\varphi_j(t)$ – угол между вектором $x_j(t)$ и подпространством векторов $x_2(t), \dots, x_{j-1}(t)$. Тогда

$$|\det \bar{X}(t)| = \left| \prod_1^k x_{jj}(t) \right| = \prod_1^k \|x_j(t)\| \prod_2^k \sin \beta_j(t) \sin \alpha_j(t).$$

Для $\sin \varphi_j(t)$ получаем следующие оценки

$$\sin \beta_j(t) = \frac{|x_{jj}|}{\|x_j\|} \leq \sin \varphi_j(t) \leq \sin(x_2, x_j) = \frac{(\|x_j\|^2 \|x_2\|^2 - (x_{12}x_{1j} + x_{22}x_{2j}))^{1/2}}{\|x_j\| \|x_2\|}. \quad (7)$$

Так как

$$\sin \alpha_1(t) = \frac{\prod_1^n |x_{1j}(t)|}{\prod_1^n \|x_j(t)\| \prod_3^n \sin \varphi_j(t)},$$

то учитывая оценки (7), имеем

$$\sin \alpha_1(t) \leq \frac{\prod_1^n |x_{1j}(t)| \prod_2^n \|x_j(t)\| \|x_2(t)\|^{n-3}}{\prod_1^n \|x_j(t)\| \prod_{j=3}^n (\|x_j\|^2 \|x_2\|^2 - (x_{12}x_{1j} + x_{22}x_{2j}))^{1/2}}. \quad (8)$$

Найдем угловую неправильность σ_0 .

$$\sigma_0 = \sigma_0(A) = \max_k \left\{ \lambda \left[\frac{1}{\alpha_k(t)} \right] \right\} \leq \max_k \left\{ \lambda \left[\frac{1}{\sin \alpha_k(t)} \right] \right\}.$$

$$\lambda \left[\frac{1}{\sin \alpha_k(t)} \right] \leq \lambda \left[\frac{\|x_k(t)\| \prod_{j=k+1}^n \left(\sum_{i=2}^j x_{ij}^2 \right)^{1/2}}{\prod_k |x_{kj}(t)|} \right].$$

Учитывая структуру матрицы $X(t)$, получаем $\frac{\sum_{i=2}^j x_{ij}^2}{|x_{kj}(t)|} \leq M t^j$, следовательно,

но, $\lambda \left[\frac{1}{\sin \alpha_k(t)} \right] \leq 0$, $k \neq 1$. Аналогично, воспользовавшись оценкой (6), λ

$\left[\frac{1}{\sin \alpha_l(t)} \right] = 0$. Отсюда следует, что $\sigma_0(A) = 0$ и теорема для случая одного блока доказана.

Рассмотрим общий случай матрицы $A(t)$. Предположим, что матрица $A(t)$

состоит из m блоков размерности n_i каждый, причем $\sum_{i=1}^m n_i = n$. Обозначим

$\sum_{i=1}^p n_i = l_p$, $p=1, \dots, m$. Найдем $\sin \alpha_k(t)$, где $k \neq 1, l_1+1, \dots, l_{m-1}+1$. Поскольку $X(t)$ –

блочно-диагональная матрица, причем каждый диагональный блок является треугольным, то рассуждая аналогично предыдущему случаю, получим, что $\sin \beta_k(t)$, $k=2, 3, \dots, n$, вычисляется по формуле (3). Тогда для нахождения $\sin \alpha_k(t)$ справедлива формула (6). Воспользуемся тем, что

$$\sin \beta_i(t) \leq \sin \gamma_i(t) \leq \sin(x_{l_j+1}(t), x_i(t)), \text{ если } l_j < i \leq l_j+1, j=1, 2, \dots, m.$$

Тогда

$$\frac{|x_{li}(t)|}{\|x_i\|} \leq \sin \gamma_i(t) \leq \frac{((x_{l_j+1})^2 + \dots + (x_{l_j+1})^2)^{1/2}}{\|x_i\|}$$

и оценка для $\sin \alpha_k(t)$ приобретает вид

$$\frac{\prod_k |x_{kj}(t)|}{\|x_k(t)\| \prod_k \left(\sum_{i=j-1}^j x_{ij}^2 \right)^{1/2}} \leq \sin \alpha_k(t) \leq \frac{\|x_{kk}\|}{\|x_k\|}, k \neq 1, l_1+1, \dots, l_{m-1}+1.$$

Рассуждая аналогично как для случая одного блока, получаем

$$\lambda \left[\frac{1}{\sin \alpha_k(t)} \right] = 0, k \neq 1, l_1+1, \dots, l_{m-1}+1.$$

Если $k = 1, l_1+1, \dots, l_{m-1}+1$, то для $\sin \alpha_k(t)$ получаем оценки, аналогичные оценкам (8), с тем изменением, что вместо $\sin(x_2, x_1)$ будем рассматривать $\sin(x_p, x_1)$, где $p=2, l_1, \dots, l_m$.

Следствие. Совокупности характеристических показателей систем (1) и (2) совпадают при выполнении условия $\lambda[Q] \leq -\sigma(A)$.

Доказательство следует из работы [4] и доказанной теоремы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ляпунов А.М.** Общая задача об устойчивости движения // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Л., 1956. Т. 2. – С. 27.
2. **Былов Б.Ф., Виноград Р.Э., Гробман Д.М., Немыцкий В.В.** Теория показателей Ляпунова и ее приложения к вопросам устойчивости. – М., 1966. – С. 17.
3. **Гробман Д.М.** Характеристические показатели систем, близких к линейным // Мат. сб., 1952. Т. 30, № 1. – С. 121–166.
4. **Изобов Н.А., Степанович О.П.** О свойствах коэффициента неправильности линейных систем // Дифференц. уравнения. 1990. Т. 26, № 11. – С. 1899–1906.
5. **Чеботарев Г.Н.** К решению в замкнутой форме краевой задачи Римана для систем и пар функций // Уч. зап. Казан. ун-та, 1956. 116, кн. 4. – С. 31–58.
6. **Виноград Р.Э.** Новое доказательство теоремы Перрона и некоторые свойства правильных систем // Успехи мат. наук, 1954. Т. 9, № 2. – С. 129–136.

S U M M A R Y

In this article a linear perturbed system of ordinary differential equations with functionally commutative matrix is considered. It is shown that the corner irregularity of such systems is equal to zero.

Поступила в редакцию 22.10.2003

УДК 519.852

Л.В. Командина

Прямой опорный метод решения специальной задачи дробно-линейного программирования

В данной работе, следуя [1], строится прямой опорный метод для задачи транспортного типа, ограничения которой включают линейные ограничения общего вида, а целевая функция является дробно-линейной. Метод является точным и релаксационным.

1. Постановка задачи. Критерий оптимальности. Рассмотрим сеть $S=\{I,U\}$, где I – множество узлов, U – множество дуг. Каждому узлу $i \in I$ поставим в соответствие число a_i – интенсивность узла, каждой дуге $(i,j) \in U$ припишем числа d_{ij} и d_{ij}^* – нижнюю и верхнюю пропускные способности. Число x_{ij} , удовлетворяющее неравенству

$$d_{ij} \leq x_{ij} \leq d_{ij}^*, (i,j) \in U, \quad (1)$$

называется дуговым потоком. Совокупность $x = (x_{ij}, (i,j) \in U)$ называется потоком на сети S , если выполняются условия

$$\sum_{j \in I^+} x_{ij} - \sum_{j \in I^-} x_{ji} = a_i, i \in I, \quad (2)$$

$$\sum_{(i,j) \in U} \lambda_{ij}^k x_{ij} = \alpha_k, k = \overline{1,l}, \quad (3)$$

где $I_i^+ = \{j \in I: (i,j) \in U\}, I_i^- = \{j \in I: (j,i) \in U\}, \lambda_{ij}^k, \alpha_k, (i,j) \in U, k = \overline{1,l}$ – заданные числа.

Пусть p_{ij} – прибыль от перевозки единицы потока, а c_{ij} – затраты на перевозку единицы потока по дуге $(i,j) \in U$, p и c – побочная прибыль и единовременные затраты процесса перевозок. Тогда рентабельность процесса перевозок выражается дробно-линейной функцией

$$f(x) = \left(\sum_{(i,j) \in U} p_{ij} x_{ij} + p \right) / \left(\sum_{(i,j) \in U} c_{ij} x_{ij} + c \right). \quad (4)$$

Рассмотрим задачу максимизации функции цели (4) при ограничениях (1)-(3).

Далее предполагается, что ранг системы (2),(3) равен $||I|-1|$, и что $\sum_{(i,j) \in U} c_{ij} x_{ij} + c > 0$ для любого потока. Решение задачи (1)-(4) называется оптимальным планом: $x^0 = x_{ij}^0, (i,j) \in U$.

Ранее доказано [2], что опорой сети такой задачи является частичная сеть $S_{оп} = \{I, U_{оп}\}$, причем множество $U_{оп} \subset U$ разбивается на два непересекающихся подмножества $U_{1оп}$ и $U_{2оп}$ так, что частичная сеть $S_{1оп} = \{I, U_{1оп}\}$ есть дерево сети S , и $|U_{2оп}| = l$. Каждая дуга $(i,j) \in U_{2оп}$ образует единственный цикл L_{ij} по дугам $S_{1оп}$, направление в котором определяется дугой $(i,j) \in U_{2оп}$. Для каждого цикла подсчитываются числа

$$R_k(L_{ij}) = \sum_{(\tau, \rho) \in L_{ij}} \lambda_{\tau, \rho}^k \operatorname{sgn}(\tau, \rho)^{ij}, \quad k = \overline{1, l},$$

где

$$\operatorname{sgn}(\tau, \rho)^{ij} = \begin{cases} +1, & \text{если } (\tau, \rho) - \text{прямая дуга в } L_{ij}, \\ -1, & \text{если } (\tau, \rho) - \text{обратная дуга в } L_{ij}, \\ 0, & \text{если } (\tau, \rho) \notin L_{ij}. \end{cases}$$

Затем составляется матрица

$$D(U_{оп}) = \begin{pmatrix} R_k(L_{ij}), & (i,j) \in U_{2оп} \\ k = \overline{1, l} \end{pmatrix},$$

для которой $R(U_{оп}) = \det D(U_{оп}) \neq 0$.

Пару $\{x, S_{оп}\}$ назовем опорным потоком. Опорный поток невырожденный, если $d_{ij}^* < x_{ij} < d_{ij}^*, (i,j) \in U_{оп}$. По опоре $S_{оп}$ найдем числа $(r_p)_k, k = \overline{1, l}$, и $(u_p)_i, i \in I$, из системы

$$\sum_{k=1}^l R_k(L_{ij}) (r_p)_k = \sum_{(\tau, \rho) \in L_{ij}} p_{\tau, \rho} \operatorname{sgn}(\tau, \rho)^{ij}, \quad (i,j) \in U_{2оп}, \quad (5)$$

$$(u_p)_i - (u_p)_j = p_{ij} - \sum_{k=1}^l \lambda_{ij}^k (r_p)_k, \quad (i,j) \in U_{1оп}, \quad (6)$$

и числа $(r_c)_k, k = \overline{1, l}$, и $(u_c)_i, i \in I$, из системы

$$\sum_{k=1}^l R_k(L_{ij}) (r_c)_k = \sum_{(\tau, \rho) \in L_{ij}} c_{\tau, \rho} \operatorname{sgn}(\tau, \rho)^{ij}, \quad (i,j) \in U_{2оп}, \quad (7)$$

$$(u_c)_i - (u_c)_j = c_{ij} - \sum_{k=1}^l \lambda_{ij}^k (r_c)_k, \quad (i,j) \in U_{1оп}. \quad (8)$$

Каждая из систем (5) и (7) имеет единственное решение, поскольку ее матрицей коэффициентов является невырожденная матрица $(D(U_{оп}))^T$. Числа $(u_p)_i$,

$(u_c)_i$, $i \in I$ легко находятся по правилам классического метода потенциалов из систем (6) и (8), если положить $(u_p)_1$, $(u_c)_1$ равными нулю.

По найденным числам вычислим оценки неопорных дуг по прибыли

$$(\Delta_p)_{ij} = (u_p)_i - (u_p)_j + \sum_{k=1}^l \lambda_{ij}^k (r_p)_k - p_{ij}, (i,j) \in U_H = U \setminus U_{оп}.$$

и по затратам

$$(\Delta_c)_{ij} = (u_c)_i - (u_c)_j + \sum_{k=1}^l \lambda_{ij}^k (r_c)_k - c_{ij}, (i,j) \in U_H$$

и общие оценки

$$\Delta_{ij} = (\Delta_p)_{ij} - f(x) (\Delta_c)_{ij}, (i,j) \in U_H \quad (9)$$

Наряду с потоком x рассмотрим поток $\bar{x} = x + \Delta x$. Приращение потока Δx согласно (2), (3) удовлетворяет системе

$$\begin{cases} \sum_{j \in I^+} \Delta x_{ij} - \sum_{j \in I^-} \Delta x_{ji} = 0, i \in I, \\ \sum_{(i,j) \in U} \lambda_{ij}^k \Delta x_{ij} = 0, \bar{1}, l. \end{cases} \quad (10)$$

Следуя [3], можно показать, что приращение целевой функции равно

$$f(x + \Delta x) - f(x) = - \sum_{(i,j) \in U} \Delta_{ij} \Delta x_{ij} / \left(\sum_{(i,j) \in U} c_{ij} x_{ij} + c - \sum_{(i,j) \in U_H} (\Delta_c)_{ij} \Delta x_{ij} \right). \quad (11)$$

Вектор $I = (I_{ij}, (i,j) \in U)$ называется допустимым направлением для потока x задачи (1)-(4), если найдется такое число $\Theta^0 > 0$, что все векторы $x(\Theta) = (x_{ij}(\Theta) = x_{ij} + \Theta I_{ij}, (i,j) \in U)$, где $\Theta \in [0; \Theta^0]$, являются потоками, т.е. для $x(\Theta)$ выполняются (1)-(3).

Используя опору $S_{оп}$, из (10) и (11) получаем

$$\frac{\partial f(x)}{\partial I} = - \sum_{(i,j) \in U_H} \Delta_{ij} I_{ij} / \left(\sum_{(i,j) \in U} c_{ij} x_{ij} + c \right). \quad (12)$$

Отсюда следует

Критерий оптимальности. Соотношения

$$\Delta_{ij} \leq 0 \text{ при } x_{ij} = d_{ij}^*, \text{ при } x_{ij} = d_{ij}, \Delta_{ij} = 0 \text{ при } x_{ij} \in (d_{ij}, d_{ij}^*), (i,j) \in U_H \quad (13)$$

достаточны, а в случае невырожденности опорного потока и необходимы для его оптимальности.

2. Улучшение потока. Пусть для опорного потока $\{x, S_{оп}\}$ соотношения (13) не выполняются. Заменим его на новый опорный поток $\{\bar{x}, \bar{S}_{оп}\}$, для которого $f(\bar{x}) \geq f(x)$. Итерация состоит из двух частей: замены потока $x \rightarrow \bar{x}$ и замены опоры $S_{оп} \rightarrow \bar{S}_{оп}$.

В первой части, следуя классическому симплекс-методу, в качестве допустимого направления I для потока x выберем вектор, вдоль которого достигает максимального значения $\partial f(x) / \partial I$ при симплексной нормировке

$$\sum_{(i,j) \in U_H} |I_{ij}|,$$

т.е. на каждой итерации будем изменять одну неопорную компоненту потока. Для этого на тех дугах, где нарушаются условия (13), отметим число Δ_{ij} , если $x_{ij} = d_{ij}^*$, число $-\Delta_{ij}$, если $x_{ij} = d_{ij}$, и число $|\Delta_{ij}|$, если $d_{ij} < x_{ij} < d_{ij}^*$, и выберем среди них

максимальное. Пусть оно определилось на дуге (i_o, j_o) . Тогда компоненты l_{ij} допустимого направления находим следующим образом. Полагаем

$$l_{i_o j_o} = -\operatorname{sgn} \Delta_{i_o j_o}; l_{ij} = 0, \text{ если } (i, j) \in U_{\pi} \setminus (i_o, j_o).$$

Для $(i, j) \in U_{2on}$ компоненты l_{ij} являются единственным решением системы

$$\sum_{(i, j) \in U_{2on}} R_k(L_{ij}) l_{ij} = -R_k(L_{i_o j_o}), k = \overline{1, l}.$$

Остальные $l_{ij}, (i, j) \in U_{1on}$, находим из условий баланса (10), где $\Delta x_{ij} = l_{ij}$.

Новый поток $\bar{x}$ строим в виде $\bar{x}_{ij} = x_{ij} + \Theta^0 l_{ij}, (i, j) \in U$, где Θ^0 – максимально допустимый шаг вдоль направления l . Очевидно, что ограничения (2), (3) на $\bar{x}$ выполняются. Значит, шаг определим так, чтобы на потоке $\bar{x}$ не нарушались ограничения (1):

$$\Theta^0 = \min_{(i, j) \in U_{on} \cup (i_o, j_o)} \Theta_{ij}, \Theta_{ij} = \begin{cases} (d_{ij}^* - x_{ij}) / l_{ij}, & \text{если } l_{ij} > 0, \\ (d_{ij} - x_{ij}) / l_{ij}, & \text{если } l_{ij} < 0, \\ \infty & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

Пусть значение Θ^0 определилось на дуге (i, j) . Опишем операции по замене опоры:

- Если $(i, j) = (i_o, j_o)$, то $\bar{S}_{on} = S_{on}$.
- Если $(i, j) \neq (i_o, j_o)$ и $(i, j) \in U_{2on}$, то $\bar{U}_{1on} = U_{1on}$, $\bar{U}_{2on} = (U_{2on} \setminus (i, j)) \cup (i_o, j_o)$.
- Если $(i, j) \neq (i_o, j_o)$ и $(i, j) \in U_{1on}$, $(i, j) \in L_{i_o j_o}$, то $\bar{U}_{1on} = (U_{1on} \setminus (i, j)) \cup (i_o, j_o)$, $\bar{U}_{2on} = U_{2on}$.
- Если $(i, j) \neq (i_o, j_o)$, $(i, j) \in U_{1on}$ и $(i, j) \notin L_{i_o j_o}$, то $\bar{U}_{1on} = (U_{1on} \setminus (i, j)) \cup (i_x, j_x)$, $\bar{U}_{2on} = (U_{2on} \setminus (i_x, j_x)) \cup (i_o, j_o)$, где дуга $(i_x, j_x) \in U_{2on}$ такова, что $(i, j) \in L_{i_x j_x}$.

На итерациях существенную роль играет матрица $D(U_{on})$. В случае а) $D(\bar{U}_{on}) = D(U_{on})$. В случае б) в $D(U_{on})$ столбец, соответствующий циклу $L_{i_o j_o}$, заменяем на столбец, соответствующий циклу $L_{i, j}$. В случае в), если дуга (i, j) не входит ни в один цикл, то матрица $D(U_{on})$ не меняется, в противном случае в ней изменяются столбцы, соответствующие циклам, которые содержат дугу (i, j) . И наконец, в случае д) заменяем столбец, соответствующий циклу $L_{i_x j_x}$ на столбец, соответствующий циклу $L_{i_o j_o}$, при этом изменяются столбцы, соответствующие циклам, содержащим дугу (i, j) .

Построением новой опоры заканчивается итерация метода.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Габасов Р., Кириллова Ф.М.** Методы линейного программирования. Ч. 1. – Мн., 1977.
2. **Командина Л.В.** Условная оптимизация потока / В кн.: **Габасов Р., Кириллова Ф.М.** Методы линейного программирования. Ч. 3. – Мн., 1980. – С. 158–169.
3. **Дежурко Л.Ф.** Дробно-линейная задача / В кн.: **Габасов Р., Кириллова Ф.М.** Методы линейного программирования. Ч. 3. – Мн., 1980. – С. 358–363.

S U M M A R Y

The transport problem of a special kind in network statement with fractional-linear objective function is considered. Taking into account specificity of a matrix of conditions and basic set, the direct basic algorithm of solving the task which is exact relaxing is under construction. The formula of an increment of objective function, the criterion of optimality are received.

Поступила в редакцию 21.01.2004

В.Л. Федотов

Биогеохимия кальция в ландшафте, сформированном на моренных суглинках Белорусского Поозерья

Кальций стоит в ряду химических элементов, играющих важную биологическую роль, – он необходим человеку, животным и растительным организмам.

В природе встречаются ландшафты, компоненты которых (почвы, воды, растения) могут характеризоваться как высоким, так и низким содержанием кальция, а это небезразлично для роста и развития растений, продуктивности животных и здоровья человека. Поэтому углубленное изучение биогеохимии кальция представляет значительный научный и прикладной интерес.

Особенно важно биогеохимическое изучение кальция в условиях ландшафтов лесной зоны. Господствующие здесь условия промывного водного режима, кислой реакции среды предрасполагают активную миграцию кальция в ландшафте, делают его дефицитным. Велико влияние кальция на геохимическую ситуацию в ландшафтах – его углекислые соли и основания воздействуют на реакцию почвенного раствора, на подвижность многих химических элементов в почве, на направленность почвообразовательных процессов.

Поведение кальция в природе во многом зависит от состава и свойств исходной горной породы, на которой сформирован ландшафт, его почвы.

Исследования имели целью – изучить закономерности содержания, миграции и аккумуляции кальция в компонентах (породы, почвы, растения, воды) ландшафта, сформированного на моренносуглинистых отложениях Белорусского Поозерья.

Моренные суглинки последнего (валдайского) оледенения распространены в основном в северной и западной частях Беларуси. Площадь почв, развивающихся на них, составляет 1,5 млн. га.

Вопросы биогеохимии кальция в условиях моренносуглинистого литогенеза Белорусского Поозерья изучены еще слабо, особенно, если говорить об углубленном комплексном подходе с изучением различных форм содержания кальция, с использованием приемов геохимического сопряжения. Отдельные отрывочные сведения по содержанию кальция в природных объектах приведены в [1–4].

Для исследования был выбран наиболее крупный и типичный для севера республики массив моренных суглинков в Сенненском районе, вблизи озера Сарпо, д. Павловичи. В указанном месте были проложены геоморфологические профили, охватывающие элювиальные (водораздел), транзитные (склоны), супераквальные (понижения) и аквальные (водные) элементарные [5] ландшафты, сопряжение которых и составляло геохимический ландшафт на моренносуглинистых отложениях. В каждом элементарном ландшафте для химических анализов были взяты пробы фитомассы, почв, природных вод, порода.

Взятие проб перечисленных объектов исследований, подготовка их к химическим анализам, выполнение самих анализов проводились с учетом общеприня-

тых методических требований [5, 6]. Для определения кальция в различных вытяжках (NH_4Cl , H_2O) применяли объемный трилонометрический метод.

Ниже приведены результаты собственных исследований биогеохимии кальция в объектах изученного ландшафта.

Моренные суглинки. Моренносуглинистые отложения севера республики обязаны своим происхождением последнему (валдайскому) оледенению. Будучи сравнительно молодыми геологическими образованиями моренные суглинки Поозерья по сравнению с аналогичными отложениями остальной части территории Беларуси менее промыты, менее выщелочены, с меньшей проявленностью процессов гипергенеза, т.е. логично предположить и их геохимическое своеобразие.

Проведенное нами изучение гранулометрического состава показало, что моренные суглинки представляют собой закономерное сочетание обломочных частиц различного размера: от тонкодисперсных частиц до крупных валунов. На глубине около 2-х метров моренные суглинки по механическому составу являют собой среднесуглинистые образования, содержащие 31,2–33,7% частиц $< 0,01$ мм, в т.ч. 13,8–15,1% ила ($< 0,001$ мм). Среди других механических фракций повышенными количествами выделяется фракция мелкого песка – 30,0–36,2%; меньше – крупной пыли – 13,3–18,4%. Вариации состава связаны с различными фациальными особенностями формирования морен, а также с различной степенью их гипергенного преобразования.

В пределах исследованного нами региона моренные суглинки (на глубине ~ 2 м) карбонатны, обильно вскипают от соляной кислоты; pH солевой вытяжки 7,5–7,6.

Данные наших анализов показали, что валовое содержание кальция (Ca^{++}) в моренных суглинках Белорусского Поозерья изменяется от 7,50 до 10,65% (табл. 1). Главными носителями этого щелочноземельного элемента являются карбонаты. В небольших количествах кальций фиксируется в роговых обманках, эпидотах, пироксенах и в других минералах.

Содержание CaO в моренных отложениях различных районов Беларуси колеблется по [3] от 0,21 до 19,27%, т.е. наши данные входят в указанный предел колебаний кальция в породах.

Наряду с общим содержанием кальция, мы определяли также обменный (вытяжка I н NH_4Cl) и воднорастворимый кальций; эти показатели дают информацию о формах содержания кальция в породах, о его геохимической подвижности.

Обменный кальций – это кальций поглощающего комплекса глинистых минералов. Его, по нашим данным, содержится в моренных суглинках 0,62–0,72% (или это составляет 7–11% от общего содержания кальция в породе).

Очень мало экстрагируется кальция из моренных суглинков дистиллированной водой – от 0,005 до 1,015%; по-видимому, эта форма кальция обязана в основном бикарбонату и хлориду кальция. Нами отмечены высокие количества воднорастворимого кальция в суглинках супераквальных ландшафтов.

Таким образом, соотношение валового, обменного и воднорастворимого кальция в исследованных моренных суглинках Белорусского Поозерья выглядит в среднем как соотношение 100 : 10 : 0,5.

Природные воды. Исследовалась вода озера Сарпо, а также вода со дна почвенных разрезов дерновых глееватых и глеевых, а также торфяно-глеевых почв и колодцев (д. Павловичи).

Как показали наши исследования, природные воды в условиях моренно-суглинистых отложений имеют слабощелочную реакцию (pH 7,1–8,0); сухой остаток солей составляет в воде почвенных разрезов 408 – 718 мг/л; в озере Сарпо – 185 мг/л. Отношение прокаленного остатка солей к сухому (51–67%)

говорит о значительном содержании в ней органики, по-видимому, в форме гуминовых кислот.

Содержание Ca^{++} в воде оказалось различным: в озере Сарро 37 мг/л, в колодцах – 102–132 мг/л, со дна почвенных разрезов – 73–92 мг/л. Данные свидетельствуют о высоких количествах этого катиона в природных водах, дренирующих моренные суглинки Белорусского Поозерья. Рассчитанные нами коэффициенты водной миграции (они в зависимости от источника воды изменялись от 2 до 4) свидетельствуют о сильной миграции кальция в исследуемом ландшафте [7].

Почвы. В биогеохимической цепи миграции и аккумуляции химических элементов важным звеном являются почвы.

Геоморфологические профили, проложенные нами, охватывали все типы почв, которые закономерно сменяли друг друга, начиная с водораздела и кончая понижением. На плакорных участках были дерново-подзолистые, на склонах – дерново-подзолистые смытые почвы; супераквальный элементарный ландшафт представлен дерновыми почвами различной степени заболоченности, а также торфяно-болотными почвами.

Содержание гумуса в перегнойном горизонте дерново-подзолистых почв элювиального ландшафта составляет 1,36–2,18%, с резким падением показателей в нижерасположенных генетических горизонтах. Реакция этих почв чаще среднекислая, хотя показатели pH колеблются в широком диапазоне – от 4,1 до 6,2. Емкость обменного поглощения катионов описываемых почв чаще 7–9 мг-экв./100 г, а степень насыщенности основаниями (для A_1) меньше 74%.

Ниже по геоморфологическому профилю расположены почвы транзитного ландшафта. Это – почвы склонов со смытым пахотным горизонтом; распахируется иллювиальный горизонт, поэтому пахотный слой содержит мало гумуса и имеет серовато-бурый цвет. Профиль этих почв маломощный – практически с метровой глубины уже идет карбонатный моренный суглинок – материнская порода.

Почвы исследованного нами элементарного супераквального ландшафта – это дерновые заболоченные и торфяно-болотные.

Дерновые заболоченные почвы отличаются повышенной гумусированностью перегнойного горизонта (5,17%), слабокислой реакцией (pH 5,8), значительной емкостью обменного поглощения катионов (до 30,2 мг-экв./100 г) и высокой степенью насыщенности их основаниями (> 85%).

Как составляющую супераквального ландшафта мы изучали и торфяно-болотные почвы. Слой торфа в указанных почвах небольшой, как правило, меньше метра, среднеразложившийся, чаще гипново-осоковый, слабокислый, низинный.

Теперь о содержании кальция в почвах. Как показали результаты наших анализов, валовые количества этого щелочно-земельного элемента в различных генетических горизонтах (A_1 , $A_{\text{пах}}$, A_2 , В, Т) изменяются от 0,45 до 4,0% (табл.1). Перегнойные горизонты почв элювиального ландшафта содержат кальция 0,60–0,81%; в подзолистых горизонтах отмечается уменьшение показателей, а в иллювиальных – их увеличение до 1,0–1,65%, т.е. содержание кальция довольно четко дифференцировано по вертикальному почвенному профилю как результат проявления биогеохимических процессов, вызывающих миграцию кальция из верхней части почвы и накопление его в иллювиальных горизонтах.

Нами выявлено, что почвы супераквального ландшафта в своих перегнойных горизонтах накапливают примерно в 2–3 раза больше кальция по сравнению с почвами водоразделов. Это связано с расположением гидроморфных почв в де-

прессиях рельефа и проявлением процессов геохимического сопряжения состава почв, с аккумулярующей ролью естественной растительности.

Отношение содержания кальция в перегонных горизонтах (элювиальных и супераквальных ландшафтов) к содержанию его в материнской породе составляет 0,1–0,3, то есть накопление кальция в верхней части почв за счет биогенного фактора значительно уступает потери этого элемента за счет выщелачивания.

Содержание обменнопоглощенного кальция в почвах колеблется в довольно широких пределах – от 0,015 до 2,48% и достаточно четко дифференцировано по элементарным ландшафтам и генетическим горизонтам (табл. 1, 2).

Таблица 1

Содержание кальция в почвах различных элементарных ландшафтов

№ почвенно- го разреза	Горизонт	Глубина взятия образца, см	Кальций (Ca ⁺⁺), %		
			валовой	обменный	водно- растворимый
а) элювиальный					
I	A ₁	7–20	0,60	0,018	0,0006
"	A ₂	30–40	0,45	0,007	0,0002
"	B	70–80	1,65	0,145	0,0092
"	B _c	120–130	8,30	0,56	0,0100
"	C	190–200	11,25	0,57	0,0090
II	A _{пах}	5–15	0,81	0,043	0,0044
"	A ₂	23–28	0,60	0,031	0,0026
"	B	47–57	0,99	0,037	0,0078
"	B _c	90–100	10,95	0,56	0,0110
"	C	190–200	7,65	—	—
б) транзитный					
12	A _{пах}	3–13	0,81	0,063	0,0052
"	B	37–17	1,20	0,137	0,0066
"	C	160–170	9,00	0,619	0,0155
в) супераквальный					
5	A ₁	6–20	1,74	0,35	0,0076
"	A ₁ B	25–35	1,50	0,21	0,0042
"	B ₁	45–55	1,40	0,09	0,0038
"	B ₂ g	85–98	1,20	0,163	0,0050
"	C	180–190	7,50	0,71	0,0056
14	A ₁	8–18	2,25	0,43	0,0252
"	B ₁ g	40–50	1,35	0,21	0,0070
"	B ₂ g	90–100	10,35	0,75	0,0136
"	C	180–190	10,65	0,72	0,0148
7	T ₁	20–30	3,20	2,48	0,1860
"	T ₂	70–80	4,00	2,48	0,0560
"	G	100–110	9,00	0,22	0,0120

Минимум обменного кальция обнаруживают подзолистые горизонты: отмечается обогащение им иллювиальных горизонтов, максимум же – в карбонатных суглинках.

Как видно из таблицы 2, почвы супераквального ландшафта в 4–5 раз больше содержат обменного кальция по сравнению с почвами элювиального и транзитного ландшафтов. Особенно много экстрагируется кальция (до 2,48%) в вытяжку хлористого аммония из торфов.

Таблица 2

**Биометрическая характеристика содержания различных форм кальция
в перегнойных горизонтах почв, %**

Элементарный ландшафт	Число проб	Обменнопоглощенный Са			Воднорастворимый Са		
		M lim	± m	Y	M lim	± m	Y
Элювиальный	14	<u>0,053</u> 0,018–0,105	0,004	75	<u>0,002</u> 0,0006–0,0044	0,0002	80
Транзитный	10	<u>0,043</u> 0,015–0,073	0,003	82	<u>0,002</u> 0,0004–0,0052	0,0006	110
Супераквальный	19	<u>0,267</u> 0,025–1,195	0,08	160	<u>0,007</u> 0,0012–0,252	0,0009	140

Показатели содержания воднорастворимого кальция в почвах невелики и составляют в среднем для почв элювиального и транзитного ландшафтов 0,002%. А для почв супераквального ландшафта 0,007% (табл. 2). Отмечается широкое колебание показателей (от 0,0004 до 0,025%). Об этом свидетельствуют и сравнительно высокие коэффициенты варьирования – 80–140%.

Закономерности распределения воднорастворимого кальция по генетическим горизонтам почв в общем аналогичны дифференциации обменного кальция.

Соотношение содержания валового, обменного и воднорастворимого кальция в перегнойных горизонтах почв элювиального ландшафта выглядит как отношение 100:7:0,3; в супераквальных ландшафтах оно несколько уже – 100:12:0,4, что связано с активной миграцией наиболее подвижных форм кальция с водораздельных участков, со склонов.

Растительность. Содержание кальция мы изучали в естественной (древесной и травянистой) растительности различных элементарных ландшафтов.

В условиях элювиального ландшафта нами были взяты и исследованы пробы растительной массы листьев и ветвей ольхи черной, ассоциаций: злаковой, злаково-бобовой, злаково-разнотравной и др. Как видно из таблицы 3, среднее содержание кальция в пробах фитомассы этого ландшафта составляет 0,15% при колебании показателей от 0,37 до 1,04; обнаружено относительно высокое накопление кальция листьями ольхи – до 1,04%. Средняя зольность растений водоразделительных участков невысокая – 5,2%.

В условиях супераквальных участков исследовались как пробы различных ассоциаций (злаково-осоковая, осоково-вейниковая, разнотравно-осоковая и др.), так и отдельные виды (гипнум, осока острая, листья и ветви ивы пурпурной, ольхи серой).

Установлено, что растительность супераквального ландшафта по сравнению с растениями водоразделов отличается большей зольностью (7,0%) и более высоким содержанием кальция – в среднем 0,68%. Различия статистически достоверны. Среди растений супераквального ландшафта сравнительно повышенным накоплением кальция (> 1,0%) выделяется хвощ болотный, гипнум, погремек.

Следует указать на невысокий коэффициент варьирования показателей накопления кальция в растениях супераквального ландшафта – 41%.

Нами исследовались также растения аквального ландшафта на примере макрофитов озера Сарро. Были взяты пробы фитомассы шелковника жестко-

лиственного, элодеи канадской, рдеста пронзеннолистного, камыша озерного, тростника обыкновенного, харовых водорослей.

Прежде всего следует отметить повышенную зольность макрофитов – в среднем 16,1% (табл. 3).

Таблица 3

Содержание кальция (Ca^{++}) в растениях, % на абсолютно сухое вещество

Элементарный ландшафт	Средняя зольность, %	К-во проб	lim	M	$\pm m$	Y, %
Элювиальный	5,2	9	0,37–1,04	0,51	0,02	52
Супераквальный	7,0	23	0,26–1,57	0,68	0,06	41
Аквальный	16,1	8	0,15–7,95	3,2	0,18	135

Различные виды водных растений существенно отличаются по содержанию кальция – мало этого элемента накапливается в тростнике обыкновенном (0,16%); относительно богаты кальцием рдест пронзеннолистный, элодея канадская, но больше всего кальция в харовых водорослях – 9,5%.

Таким образом, растения различных элементарных ландшафтов в условиях моренносуглинистых отложений севера Беларуси существенно отличаются по накоплению кальция. Это следует рассматривать, во-первых, как результат действия экологического фактора. С другой стороны, различия химического состава растений отдельного элементарного ландшафта связаны в большей мере с видовой принадлежностью растения.

Вычисленные коэффициенты биологического поглощения по [7] изменяются от 5 до 15, то есть в условиях геохимического ландшафта, формирующегося на моренносуглинистых отложениях Белорусского Поозерья, кальций – сильно накапливаемый элемент, а значит и велика роль растительности в биогеохимии кальция: макрофиты по существу являются своеобразным барьером на пути миграции кальция в ландшафте.

Таким образом, выполненные исследования по определению содержания кальция в природных объектах ландшафта, сформированного на моренносуглинистых отложениях севера Беларуси, выявили его биогеохимическое своеобразие. Почвообразующая порода являет собой средние пылевато-песчанистые суглинки, карбонатные, с высоким (до 10,65%) содержанием кальция; на долю подвижных форм кальция приходится около 10% от его валовых количеств.

Обогащенность природных вод, дренирующих почвы и моренные суглинки, кальцием следует рассматривать как результат высокой подвижности его в исследованном ландшафте; этот фактор может оказывать блокирующее влияние на поступление в растения таких химических элементов, с которыми кальций антагонистичен – калий, марганец, железо, бор. А использование жестких вод человеком может вызвать развитие мочекаменной болезни.

Содержание кальция (валового и подвижного) в почвах довольно четко дифференцировано как по генетическим горизонтам, так и по элементарным ландшафтам, отражая проявление элювиально-иллювиальных почвообразовательных процессов и процессов геохимического сопряжения состава объектов. Накопление кальция в гумусовых горизонтах почв за счет биогенного фактора значительно уступает потери этого элемента за счет выщелачивания.

Отдельные участки почв элювиального элементарного ландшафта содержат обменного кальция ниже критического порога обеспеченности кальцием (~ 20–30 мг/100 г), т.е. явно нуждаются в химической мелиорации – известковании.

В целом растительность исследованного ландшафта характеризуется повышенным накоплением кальция, особенно растения супераквального и аквального элементарного ландшафта, в условиях гомогенности среды произрастания решающее влияние на химический состав оказывает видовая принадлежность растения. Растения депрессионных форм рельефа могут квалифицироваться в качестве своеобразного барьера на пути миграции кальция в ландшафте.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беус А.А. и др.** Геохимия окружающей среды. – М., 1976. – С. 248.
2. **Ильин В.Б.** Элементный химический состав растений. – М., 1985. – С. 129.
3. **Лукашов К.И.** Геохимические провинции покровных отложений БССР. – Мн., 1969. – С. 430.
4. **Почвы Белорусской ССР** / Под ред. **Т.Н. Кулаковской, П.П. Rogового, Н.И. Смеяна.** – Мн., 1974. – С. 312.
5. **Глазовская М.А.** Геохимические основы типологии исследований природных ландшафтов. – М., 1964. – С. 230.
6. **Аринушкина Е.В.** Руководство по химическому анализу почв. – М., 1970. – С. 487.
7. **Перельман А.И.** Геохимия ландшафтов. – М., 1975. – С. 341.

S U M M A R Y

This article deals with the quantitative features of calcium content and its migration across the landscape formed in the ice loams.

Поступила в редакцию 3.02.2004

УДК 574.2+581.2

А.П. Гусев

Сукцессионные процессы в антропогенном ландшафте зоны отселения*

В результате аварии на Чернобыльской АЭС значительные территории Беларуси, Украины и России подверглись радиоактивному загрязнению. Наиболее загрязненные территории были выведены из хозяйственного оборота, а их население отселено. Прекращение антропогенного воздействия послужило толчком к развитию сукцессионных экологических смен, направленных на восстановление природных ландшафтов Полесья.

На основе исследований в зоне отселения можно судить о способности нарушенных ландшафтов Полесья самовосстанавливаться после снятия антропогенной нагрузки; о путях и закономерностях экологических сукцессий в бывших антропогенных ландшафтах; об устойчивости антропогенных нарушений и т.д. Выяснение общих закономерностей самовосстановления природных экосистем базируется на сравнительном анализе процессов, протекающих в различных ландшафтно-экологических условиях.

Полевые исследования включали: геоботаническую съемку травянистой растительности; учет естественного возобновления древесных и кустарниковых видов (на площадках 5x5, 10x10 м); изучение почвенного профиля и литогенной основы. Методика исследований подробно рассмотрена в [1]. Синтак-

* На примере поселков и деревень Ветковского района Гомельской области

сономическая диагностика в рамках системы Браун-Бланке выделенных сообществ выполнялась по [2, 3]. При классификации сообществ использовался метод Копечки-Гейни [4]. Название сообщества (группы описаний) давалось по доминанту (виду, имеющему наибольшее покрытие).

Исследовались следующие объекты селитебного ландшафта: пустыри, развалины зданий, бывшие огороды и сады. Природная основа во всех случаях – аллювиальный террасированный ландшафт (плоско-волнистый и волнистый рельеф; пески, подстилаемые супесями; глубина залегания уровня грунтовых вод 1,5–3 м).

Флора селитебного ландшафта зоны отселения включает 62 вида травянистых растений, представляющих 56 родов и 20 семейств. Преобладают представители семейств сложноцветных (37% от всех видов) и злаков (11,2%). Деревья и кустарники представлены 12 видами. Спектр жизненных форм имеет вид: терофиты – 13,6%, гемитерофиты – 12,3%, геофиты – 9,5%, хамефиты – 1,3%, гемикриптофиты – 48,3%, фанерофиты – 15,0% от всех видов. По способу распространения семян преобладают автохоры (71,1%), отмечаются анемохоры (24,1%) и редко зоохоры (4,8%). Особенности спектра жизненных форм, выделенных на территории селитебного ландшафта сообществ, приведены в таблице 1.

В ходе исследований были выделены следующие растительные сообщества

- 1) сообщество *Tanacetum vulgare* (селитебные пустоши, огороды);
- 2) сообщество *Calamagrostis epigeios*+ *Tanacetum vulgare* (селитебные пустоши, огороды);
- 3) сообщество *Chamaenerion angustifolium* (развалины зданий и сооружений);
- 4) сообщество *Urtica dioica*+ *Elytrigia repens* (зарастающие сады и огороды).

Синтаксономическая диагностика выделенных сообществ, показывает, что все они принадлежат к классу *Artemisietea vulgaris* Lohm., Prsg. et Tx. in Tx. 1950 em Koresky in Hejny et al. 1979 классификации Браун-Бланки. Следует отметить, что растительные сообщества, характерные для «обычного» селитебного ландшафта (принадлежащие к классам *Chenopodietea albi* Br.-Bl. in Br.-Bl., Rouss. et Negre 1952 em Lohm., J. et R. Tx. ex Mat. 1962, *Bidentetea tripartiti* Tx., Lohm. et Prsg. in Tx. 1950, *Plantaginetea majoris* R. Tx. et Prsg. 1950 и т.д.), на исследованной территории не были обнаружены.

Таблица 1

Спектр жизненных форм растительных сообществ селитебного ландшафта в зоне отселения (% от числа видов)

Жизненная форма	1	2	3	4	5
Терофиты	9,6	12,6	16,4	14,2	19,9
Гемитерофиты	3,4	6,3	10,0	5,5	16,0
Геофиты	15,9	8,8	12,5	25,2	9,8
Гемикриптофиты	71,1	72,3	61,1	55,1	54,3
Группы по способу распространения семян					
Анемохоры	16,0	21,8	20,0	39,0	19,0
Автохоры	80,6	74,8	77,0	61,0	81,0
Зоохоры	3,4	3,4	3,0	0	0

Примечание. 1 – сообщество крапивы двудомной и пырея ползучего; 2 – сообщество вейника наземного и пижмы обыкновенной; 3 – сообщество пижмы обыкновенной; 4 – сообщество иван-чая узколистного; 5 – пионерные группировки на асфальтированных участках.

Сообщество пижмы обыкновенной (*Tanacetum vulgare* L.) занимает территории пустошей селитебного ландшафта (бывшие огороды, рудеральные местообитания).

с сохранившимися песчаными почвами. Для него характерно доминирование пижмы обыкновенной. Присутствуют также полынь полевая (*Artemisia campestris* L.), ослинник двулетний (*Oenothera biennis* L.), полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.), полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.), костер кровельный (*Bromus tectorum* L.), икотник серо-зеленый (*Berteroa incana* (L.) DC.) тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) и другие. Общее проективное покрытие составляет 75–85%. В экологической структуре преобладают мезофиты и мезотрофы, доля которых составляет около 70% от общего числа видов (табл. 2).

Сообщество вейника наземного и пижмы обыкновенной (*Calamagrostis epigeios* (L.) Roth. + *Tanacetum vulgare* L.) представляет собой следующую стадию сукцессии, характеризующуюся сменой рудеральных видов злаками (вейник наземный имеет долю в покрытии 38,3%, встречаемость – 100%). Здесь уже появляются даже лесные виды (орляк, марьянник дубравный).

Таблица 2

**Экологическая структура растительности селитебного ландшафта
в зоне отселения (% от числа видов)**

Экологическая группа	1	2	3	4	5
Светолюбивые	81,0	88,2	95,6	82,5	98,9
Теневыносливые	19,0	11,8	4,4	17,5	1,1
Мезоксерофиты	9,8	5,9	13,2	1,9	6,7
Ксеромезофиты	16,5	23,5	33,7	10,5	21,5
Мезофиты	70,5	64,7	50,2	84,0	71,8
Гигромезофиты	3,2	6,3	2,9	3,6	0
Олиготрофы	3,3	3,0	5,9	0,9	0,7
Мезотрофы	67,9	81,6	85,9	59,5	97,2
Мегатрофы	28,8	15,4	8,2	39,6	2,1

Примечание. 1 – сообщество крапивы двудомной и пырея ползучего; 2 – сообщество вейника наземного и пижмы обыкновенной; 3 – сообщество пижмы обыкновенной; 4 – сообщество иван-чая узколистного; 5 – пионерные группировки на асфальтированных участках.

В развалинах домов формируется специфическое сообщество иван-чая узколистного (*Chamaenerion angustifolium* (L.) Scop. Иван-чай узколистный встречается во всех описаниях, имеет долю в покрытии 23,5–55,0%, встречаемость – 30–85%. Для растительности развалин также характерны: полынь обыкновенная, крапива двудомная, мать-и-мачеха (*Tussilago farfara* L.), мелколепестник канадский (*Erigeron canadensis* L.), вейник наземный, одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* Web.). Эти виды имеют постоянство 60–100%. Общее проективное покрытие травянистого покрова составляет 1–40%. В спектре жизненных форм преобладают гемикриптофиты (доля в покрытии – 44,7%) и геофиты (42,9%). Экологическая структура по сравнению с другими сообществами характеризуется повышенной долей теневыносливых видов и мегатрофов (таблица 2). Для этого сообщества также характерна относительно высокая доля анемохоров (39%). В ряде случаев отмечается появление пионерных видов травянистых растений внутри относительно сохранившихся зданий.

Сообщество крапивы двудомной и пырея ползучего (*Urtica dioica* L. + *Elytrigia repens* Nevski) наблюдается на территории заброшенных садово-огородных участков. Здесь доминируют многолетние виды (крапива двудомная, пырей ползучий, пижма обыкновенная, тысячелистник обыкновенный, вейник наземный) и активно протекают процессы естественного возобновления древесных пород (местами до 7000 шт./га).

На асфальтированных дорогах и площадках, насыпях щебня и битого кирпича наблюдается формирование пионерных группировок, в которых преобладают

(с постоянством более 60%) полынь обыкновенная, щетинник сизый (*Setaria glauca* (L.) P.B.), полынь полевая, цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus* L.), ослиник двулетний, мелкопестник канадский, синяк обыкновенный (*Echium vulgare* L.). Всего на таких экстремальных экотопах отмечено 33 вида (единично – 14). Травяной ярус здесь развит значительно слабее, чем в предшествующих случаях, его покрытие не превышает 30%. Естественное возобновление протекает крайне слабо – менее 100 шт./га (береза повислая, ивы).

Наиболее активно сукцессионные процессы протекают на территории селитебных пустошей и садово-огородных участков с сохранившимся почвенным покровом. Естественное возобновление древесных и кустарниковых видов здесь представлено 11 видами (деревья – 6, кустарники – 5). Общая численность естественного возобновления изменяется в пределах 300–6000 шт./га (преобладают береза повислая, клен ясенелистный, осина, ивы). Численность кустарниковых видов составляет 200–10000 шт./га. Преобладают малина и шиповник – 70%. На отдельных участках наблюдается сравнительно густой древесно-кустарниковый ярус. Наименее активно восстановительная сукцессия протекает в условиях каменистых и асфальтовых экотопов селитебного ландшафта (пустоши, развалины домов). Травяной покров, в котором большую роль играют малолетники, начал развиваться только на локальных участках, а естественное возобновление, несмотря на близость источников семян, представлено единичными экземплярами. В развалинах домов, несмотря на неблагоприятные условия местообитания, численность естественного возобновления выше – до 1000 шт./га. Подавляющую часть естественного возобновления здесь составляет береза, высотой менее 0.5 м (71,2%)

Таким образом, проведенные нами исследования показывают, что антропогенные комплексы в зоне отселения медленно и постепенно изменяются, путем естественных смен растительности, в сторону самовосстановления лесного ландшафта. В настоящее время растительные сообщества с преобладанием рудеральных и сеgetальных видов (как правило, терофитов и гемитерофитов) сменяются сообществами с преобладанием многолетних злаков (гемикриптофитов и геофитов). Естественное возобновление древесно-кустарниковых видов развивается практически по всей территории селитебного ландшафта, включая даже экстремальные экотопы – асфальтовые площадки и развалины зданий. В отдельных местах наблюдаются сомкнутые заросли (березово-осиновые, ивовые, кленовые) высотой до 5 м. Эти процессы протекают дифференцированно и их интенсивность зависит прежде всего от уровня начальной антропогенной трансформации ландшафтов территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гусев А.П.** Лесные экосистемы в условиях антропогенного воздействия (ландшафтно-экологические исследования). – Гомель, 2001. – 64 с.
2. **Braun-Blanquet J.** Pflanzensociologie. – Wien – New York: Springer-Verlag, 1964. – 865 s.
3. **Matuszkiewicz W.** Przewodnik do oznaczania zbiorowisk roślinnych Polski. – Warszawa, 1984. – 298 s.
4. **Копецкий К., Хейны С.** A new approach to the classification of antropogenic plant communities // Vegetatio, 1974. – V. 29. – P. 17–20.

S U M M A R Y

The article presents the result of studying ecological succession in zone of alienation (Vetkovski district of Gomei region). The lands in this zone have not been used for agricultural purposes. The connection between characteristics of regeneration's ecosystems and ecological condition of agricultural landscape is established, the change of vegetation in course of succession is considered. Plant association which are formed in the zone of alienation are described.

Поступила в редакцию 5.12.2003

Т.Ю. Крестьянинова, А.Г. Николаева, И.М. Прищепа

Опыт применения обучающих программ при реабилитации больных бронхиальной астмой

Общепризнанно, что успех в контроле хронического заболевания зависит от степени информированности пациента в сущности своего заболевания, понимания принципов лечения и адекватного поведения [1–6], что приводит к разработке и широкому внедрению разнообразных образовательных программ, в частности, для больных бронхиальной астмой (БА).

За рубежом выработаны и обоснованы разнообразные формы обучения больных [1, 2, 7–9]. В настоящее время, в Республике Беларусь предпринимаются активные попытки расширения сети астма-школ [10]. Вместе с тем в нашей стране не проводилось изучение эффективности применения образовательных программ для больных БА.

Цель данной работы – изучение эффективности применения обучающих программ при реабилитации больных бронхиальной астмой.

На базе отделения гипобарической терапии и бароклиматической адаптации Республиканского липидного лечебно-диагностического центра метаболической терапии, в соответствии с Международными рекомендациями [11] и опытом российских коллег [2, 7, 11], была организована астма-школа для взрослых пациентов с БА. К обучению в астма-школе было привлечено 104 больных БА (40 мужчин и 64 женщины в возрасте от 16 до 70 лет), которые составили основную группу. Средняя продолжительность заболевания в основной группе составила – 5,44±0,69 лет. У большей части больных была аллергическая форма БА – 44 человека (42,2%). По степени тяжести течения болезни больные распределялись следующим образом: 82 (78,9%) со среднетяжелым течением, 20 (19,2%) с легким и 2 (1,9%) с тяжелым течением БА.

Контрольная группа состояла из 31 больного БА различной степени тяжести (12 мужчин и 19 женщин в возрасте от 16 до 70 лет), находившихся под амбулаторным наблюдением, прошедших курс гипобарической терапии, но не прошедших обучения в астма-школе. Средняя продолжительность заболевания в этой группе составила 5,16±0,62 лет. Большая часть больных страдала аллергической формой БА – 13 человек (41,9%). По степени тяжести течения болезни распределялись следующим образом: 24 (77,4%) со среднетяжелым течением, 6 (19,4%) с легким и 1 (3,2%) с тяжелым течением БА.

Для оценки уровня базисных знаний больных о своей болезни использовалась анкета, разработанная с учетом Международных рекомендаций, включающая 3 вида ответов: «да», «нет», «не знаю» [2].

Для оценки характера течения заболевания были выбраны следующие параметры: число госпитализаций и вызовов скорой медицинской помощи, связанных с БА; потребность в противоастматических лекарственных препаратах.

Правильность техники использования дозированного аэрозоля оценивалась у всех больных при измерении ФВД.

Приборами индивидуального пользования больных БА считались: спейсер, пикфлоуметр, индивидуальный ультразвуковой ингалятор.

Для диагностики типа отношения к болезни использовали методику, разработанную в лаборатории клинической психологии научно-исследовательского института им. В.М. Бехтерева (г. Санкт-Петербург) [12]. С помощью данной методики диагностируется 12 типов отношения к болезни (ТОБ). При попадании в диагностическую зону одной шкалы определяется «чистый», нескольких шкал – смешанный или «диффузный» ТОБ. Шкалы объединены в три блока. Первый блок представляет собой адекватный тип реакции на болезнь и включает гармоничный, эргопатический и анозогнозический типы. Второй блок состоит из типов реагирования с интрапсихической направленностью: тревожный, ипохондрический, неврастенический, меланхолический и апатический. В третий блок включены типы реагирования с интерпсихической направленностью: сенситивный, эгоцентрический, паранойяльный, дисфорический.

Весь комплекс методов исследования проводили до, после и через 12 месяцев после обучения.

Обучение проводилось в «закрытых» группах из 8–10 амбулаторных больных БА в виде астма-школы, состоящей из цикла, включающего 8 семинаров. Занятия проходили в барозале отделения гипобарической терапии и бароклиматической адаптации 2 раза в неделю, перед сеансом баротерапии. Продолжительность каждого занятия – 1 час. Общая продолжительность цикла составила 1 месяц.

Анализ базисных знаний по данным проведенного анкетирования показал низкий уровень знаний больных о своей патологии. Всего 32,8% верных ответов на вопросы анкеты; 34,1% неправильных ответов и 33,1% ответов «не знаю». Большинство неправильных ответов и ответов «не знаю» было получено на вопросы, связанные с лекарственными препаратами. После обучения в астма-школе отмечено повышение уровня базисных знаний больных о своей патологии. Высокий уровень знаний по сравнению с исходным, сохранялся у больных спустя 12 месяцев, что свидетельствует об эффективности применяемой обучающей программы (табл. 1).

Таблица 1

Изменение уровня базисных знаний больных основной группы, %

Варианты ответов	До астма-школы	После астма-школы	Через 12 месяцев после астма-школы
Правильный ответ	32,8	75,3	67,1
Неправильный ответ	34,1	16,2	20,4
Ответ «не знаю»	33,1	8,5	12,5

При оценке техники использования ингалятора было выявлено, что только 47% больных правильно пользовались дозированным аэрозолем. Пациенты допускали следующие ошибки: неплотно обхватывали мундштук губами, не синхронизировали вдох с нажатием на дно баллончика, сразу дважды нажимали на дно баллончика, не задерживали дыхания после вдоха препарата. Спустя 12 месяцев после астма-школы 84% больных демонстрировали пра-

вильную технику использования дозированного аэрозоля. Остальные 16% больных допускали существенные ошибки при ингаляции.

При оценке изменения числа госпитализаций, вызовов скорой медицинской помощи, потребности в противоастматических препаратах была выявлена тенденция к их снижению. Так, в основной группе больных, за год, последующий курсу баротерапии и обучения, общее число госпитализаций снизилось в 1,97 раза ($p < 0,01$); число вызовов скорой медицинской помощи снизилось в 2,7 раза ($p < 0,01$). Количество полученных льготных рецептов уменьшилось в 1,6 раза ($p < 0,01$). При анализе амбулаторных карт, в течение года после курса баротерапии, у пациентов контрольной группы общее число госпитализаций снизилось в 2,1 раза и составило ($p < 0,01$). Число вызовов скорой медицинской помощи снизилось в 3 раза ($p < 0,01$); количество полученных льготных рецептов уменьшилось в 1,2 раза ($p < 0,01$) (табл. 2). Достоверных различий в течении заболевания между основной и контрольной группой больных выявлено не было, это говорит о том, что улучшение в течении заболевания скорее было вызвано курсом баротерапии, пройденным больными.

Таблица 2

Изменение числа госпитализаций, вызовов скорой медицинской помощи и количества льготных рецептов за период 2000–2002 гг.

	Основная группа (n=104) M+m		Контрольная группа (n=31) M+m	
	2001	2002	2001	2002
Общее число госпитализаций *	2,14±0,39	1,09±0,25	2,19±0,54	1,05±0,23
Число вызовов «03» *	3,13±0,84	1,17±0,34	2,65±0,69	0,87±0,23
К-во льготных рецептов *	16,86±3,55	10,57±2,57	20,57±2,93	17,81±2,70

Примечание. * в расчете на одного больного; $p < 0,01$

Среди больных основной группы только 8,7% использовали пикфлоуметры с целью контроля за своей болезнью; среди пациентов не было лиц, пользовавшихся спейсерами и ультразвуковыми ингаляторами. После курса обучения произошли изменения в использовании пикфлоуметров и спейсеров, 61,4% больных начали применять пикфлоуметры в повседневной практике и 29,8% пациентов начали пользоваться спейсерами. Отказ от использования ультразвуковых ингаляторов объяснялся больными их высокой стоимостью. В контрольной группе изменений в использовании приборов индивидуального пользования выявлено не было.

С помощью методики, разработанной в лаборатории клинической психологии научно-исследовательского психоневрологического института имени В.М. Бехтерева [12], до курса обучения, у 36 больных основной группы ($p < 0,01$) были диагностированы типы отношения к болезни адекватного блока. Из них у 9 больных ($p < 0,01$) был выявлен гармоничный тип, у 13 ($p < 0,01$) – эргопатический тип, у 14 ($p < 0,01$) – анозогнозический тип отношения к болезни. У 31 ($p < 0,01$) больного были диагностированы типы отношения к болезни блока с интрапсихической направленностью. У большинства из них, 22 чело-

века ($p < 0,01$), был выявлен неврастенический тип отношения к болезни, характеризующийся поведением по типу «раздражительной слабости». У 39 больных ($p < 0,01$) были диагностированы типы отношения к болезни интерпсихической направленности. При чем у 33 ($p < 0,01$) был выявлен паранойяльный тип, для которого характерна уверенность, что болезнь – результат чьего-то злого умысла. После обучения в астма-школе, где больные получали знания о своем заболевании, принципах терапии, правилах самоконтроля и самоведения, поведении в определенных ситуациях, имели возможность на протяжении длительного времени общаться с медицинскими работниками и друг с другом, типы отношения к болезни адекватного блока были выявлены у 61 больного ($p < 0,01$). Гармоничный тип, которому характерна трезвая оценка своего состояния, стремление содействовать успеху лечения, был выявлен у 58 больных ($p < 0,01$). Уменьшилось число лиц с патологическими типами отношения к болезни. Так только у 16 больных ($p < 0,01$) сохранились типы отношения с интрапсихической направленностью. Типы с интерпсихической направленностью сохранились у 27 больных ($p < 0,01$). Спустя 12 месяцев после занятий в астма-школе у больных основной группы сохранились изменения типов отношения к болезни (табл. 3). В контрольной группе достоверных изменений ТОВ выявлено не было.

Таблица 3

Изменение типов отношения к болезни больных бронхиальной астмой в процессе обучения в астма-школе

Тип отношения к болезни	До астма-школы (n=106)	После астма-школы (n=104)	Спустя 12 месяцев после астма-школы (n=104)
Адекватный блок	0,34±0,04*	0,59±0,04*	0,54±0,04*
Гармоничный	0,25±0,07*	0,95±0,02*	0,95±0,02*
эргопатический	0,36±0,08*	0,02±0,01	0,02±0,01
анозогнозический	0,39±0,08*	0,03±0,03	0,04±0,02
Блок с интрапсихической направленностью	0,29±0,04*	0,15±0,03*	0,18±0,03*
Тревожный	0,23±0,07	0,25±0,10	0,32±0,11
ипохондрический	-	-	-
неврастенический	0,71±0,08*	0,75±0,10*	0,68±0,11*
меланхолический	-	-	-
апатический	0,06±0,04	-	-
Блок с интерпсихической направленностью	0,37±0,04*	0,26±0,04*	0,28±0,08*
Сенситивный	0,10±0,04	0,07±0,04	0,1±0,05
эгоцентрический	0,05±0,03	-	-
паранойяльный	0,85±0,05*	0,95±0,04	0,89±0,06*
дисфорический	-	-	-

* $p < 0,01$

Таким образом, расширение объема знаний о своем заболевании, методах его лечения и профилактики обострений, появление уверенности и умения себя вести во время приступов удушья, нахождение в коллективе людей, страдающих одинаковой патологией, неформальный контакт с медицинским персоналом способствуют улучшению техники использования ингалятора, уменьшению психозмоционального напряжения у больных БА; приводит к гармонизации отношения к собственному здоровью, окружающей среде, медицинскому обслуживанию без применения специальных психотерапевтических методик; побуждает к применению приборов индивидуального пользования, свидетельствуя об эффективности выбранной обучающей программы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Булкина Л.С., Белевский А.С.** Образовательные программы для больных бронхиальной астмой: мировой опыт // Пульмонология, 1994, № 1. – С. 89–90.
2. **Булкина Л.С., Белевский А.С., Княжеская И.П., Сосина Е.Е.** Обучение больных бронхиальной астмой, находящихся под амбулаторным наблюдением // Пульмонология, 1996, № 1. – С. 25–30.
3. **Булкина Л.С., Белевский А.С., Княжеская И.П., Чучалин А.Г.** Влияние обучения больных бронхиальной астмой на течение заболевания // Тер. архив, 1996, № 12. – С. 30–35.
4. **Гаркалов К.А., Белевский А.С.** Медико-социальное значение обучения больных бронхиальной астмой // Пульмонология, 1996, № 4. – С. 28–33.
5. **Собченко С.А., Коровина О.В.** Обучение больных бронхиальной астмой в комплексе их лечения // Международ. мед. обзоры, 1993, № 2. – С. 120–123.
6. **Собченко С.А., Коровина О.В.** Опыт работы «Школы для больных бронхиальной астмой» // Пульмонология, 1991, № 3. – С. 14–19.
7. **Никулина И.Н.** Оценка эффективности педиатрической астма-школы по критерию частоты обострений бронхиальной астмы // Аллергология, 2001, № 3. – С. 12–17.
8. **Пунин А.А., Старовойтов В.И., Ковалева С.В., Голубков М.А., Борохов А.И., Козырев О.А.** Опыт реализации антиастматической программы в г. Смоленске // Пульмонология, 1999, № 1. – С. 68–71.
9. **Gary S. Rachelefsky, M.D.** Review of asthma self-management programs // J. Allergy clin. immunol., 1987, vol. 80, № 3(2). – P. 506–511.
10. **Суковатых Т.Н.** Обучение родителей в системе лечебной помощи детям, страдающим бронхиальной астмой // Пульмонология, 1996, № 2. – С. 91–93.
11. **Чучалин А.Г.** Бронхиальная астма. – М., 1997. Т. 2. – 400 с.
12. **Менделевич В.Д.** Клиническая и медицинская психология. – М., 1999. – 558 с.

S U M M A R Y

135 patients at the age of 16 to 70 years (basic group – 104 men, control – 31) were examined.

In the basic group the increase of the level of basic knowledge among the patients about their pathology after training is marked; the number of the patients using devices of individual usage as well as; the number of the people with adequate types of the attitude to illness ($p < 0,01$) has increased. Distinctions in character of the disease between the basic and control groups were not revealed.

Поступила в редакцию 8.10.2003

С.Г. Василенко, М.Н. Нурбаева, С.А. Сорокина

Показатели центральной гемодинамики и вегетативная регуляция сердца у подростков

Современные социально-экономические и экологические особенности жизни различных категорий населения Республики Беларусь привлекают внимание исследователей к одной из важнейших проблем здравоохранения и образования – охране здоровья детей и подростков. Общеизвестно, что здоровье формируется в раннем детстве, дошкольном и школьном возрасте и в дальнейшем определяет здоровье нации, ее интеллектуальный и трудовой потенциал. В связи с этой проблемой особое значение приобретает изучение комплекса социально-гигиенических и физиологических факторов, определяющих здоровье, работоспособность, физическое развитие и социальную активность подростков.

Реализация задач реформы школы в новых социально-экономических условиях ставит важные вопросы разработки обоснованной возрастной периодизации развития детского организма в целом и его отдельных систем, а также изучения адаптационных возможностей организма ребенка на разных этапах его индивидуального развития [1–6].

В соответствии с этим нам представлялось актуальным изучение показателей центральной гемодинамики и степени участия вегетативных звеньев в регуляции синусового ритма сердца у подростков в состоянии покоя и после физической нагрузки.

В 2001/2002 уч. году нами были обследованы 257 юношей и 198 девушек 15–17 лет, обучающихся в общеобразовательных школах Витебской области. У них определяли тотальные размеры тела, массу тела, артериальное давление (АД) и частоту сердечных сокращений (ЧСС) в состоянии покоя и после физической нагрузки (30 приседаний за 45 с), определяли систолический объем крови (СОК), минутный объем крови (МОК), общее периферическое сопротивление (ОПС), ударный (УИ) и сердечный (СИ) индексы, удельное периферическое сопротивление (УПС), среднее АД, должный минутный объем крови (ДМО) [1, 7, 8]. Вегетативный индекс (ВИ) определяли по формуле Кердо [8]. ВИ дает количественную информацию о регуляторных особенностях сердечной деятельности. Отклонения ВИ от нулевой линии рассматриваются как показатель напряжения адаптационных механизмов. Его положительное значение указывает на сдвиг вегетативного равновесия в сторону преобладания симпатического, а отрицательное – парасимпатического тонуса. Коэффициент выносливости (КВ) определяли по формуле Квааса. КВ характеризует тренированность сердечно-сосудистой системы. Увеличение КВ свидетельствует об ослаблении возможностей сердечно-сосудистой системы, а снижение – об усилении. У обследованных учащихся также проведена оценка адаптации сердечно-сосудистой системы к физической нагрузке по адаптационному потенциалу (АП) по Р.М. Баевскому и с использованием пробы Руффье [4].

Изучая основные показатели центральной гемодинамики у старших школьников, мы исходили из того, что АД – один из основных параметров кровообращения, на величине которого сказывается действие многих факторов, глав-

ным образом сердечного выброса и периферического сопротивления кровотоку. В то же время сердечный выброс служит прямым индексом способности сердца выполнять свою функцию и показателем, во многом определяющим состояние всей системы кровообращения [8, 9].

Статистическая обработка данных исследования проведена по А.И. Венчикову и соавт. [2]. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Показатели гемодинамики у подростков Витебской области ($M \pm m$)

ПОКАЗАТЕЛЬ	Возраст, годы					
	Юноши			Девушки		
	15	16	17	15	16	17
САД, мм.рт.ст.	119,5 $\pm$ 1,9	118,5 $\pm$ 1,5	121,2 $\pm$ 1,25	117,8 $\pm$ 1,64	116,0 $\pm$ 1,13	115,6 $\pm$ 1,1
ДАД, мм.рт.ст.	69,5 $\pm$ 1,4	70,4 $\pm$ 1,06	70,7 $\pm$ 0,86	72,0 $\pm$ 0,88	73,5 $\pm$ 0,6	71,6 $\pm$ 0,83
АД среднее, мм.рт.ст.	90,4 $\pm$ 1,3	90,6 $\pm$ 1,1	91,9 $\pm$ 1,0	91,2 $\pm$ 1,2	91,3 $\pm$ 0,83	90,1 $\pm$ 0,95
ЧСС в минуту	81,6 $\pm$ 1,5	77,2 $\pm$ 1,1	77,3 $\pm$ 1,3	85,5 $\pm$ 1,15	81,6 $\pm$ 1,22	82,1 $\pm$ 1,12
СОК, мл	74,1 $\pm$ 1,3	72,2 $\pm$ 1,1	72,6 $\pm$ 1,27	70,7 $\pm$ 1,09	67,5 $\pm$ 0,5	68,8 $\pm$ 0,77
УИ, мл/м	44,9 $\pm$ 0,95	41,95 $\pm$ 0,7	40,5 $\pm$ 0,54	44,2 $\pm$ 0,95	41,7 $\pm$ 0,38	42,0 $\pm$ 0,69
ДМО, л	4,04 $\pm$ 0,05	4,14 $\pm$ 0,04	4,4 $\pm$ 0,05	3,44 $\pm$ 0,09	3,5 $\pm$ 0,06	3,48 $\pm$ 0,07
МОК, л	6,04 $\pm$ 0,25	5,5 $\pm$ 0,16	5,6 $\pm$ 0,2	6,0 $\pm$ 0,16	5,5 $\pm$ 0,1	5,55 $\pm$ 0,12
СИ, л/мин м ²	3,7 $\pm$ 0,15	3,3 $\pm$ 0,11	3,2 $\pm$ 0,08	3,75 $\pm$ 0,13	3,4 $\pm$ 0,08	3,45 $\pm$ 0,08
ОПС, дин ссм ⁻⁵	1185,6 $\pm$ 52,8	1317,8 $\pm$ 41,9	1312,8 $\pm$ 29,2	1216,0 $\pm$ 32,6	1328,7 $\pm$ 23,0	1275,8 $\pm$ 25,0
УПС, дин ссм ⁻⁵ м ²	718,5 $\pm$ 34,7	775,2 $\pm$ 22,4	733,4 $\pm$ 19,2	760,0 $\pm$ 17,8	820,2 $\pm$ 9,9	777,9 $\pm$ 21,7
КВ, ед	1,7 $\pm$ 0,05	1,75 $\pm$ 0,07	1,6 $\pm$ 0,06	1,87 $\pm$ 0,06	1,92 $\pm$ 0,06	1,96 $\pm$ 0,06
ВИ, ед	12,3 $\pm$ 2,6	6,7 $\pm$ 2,0	8,5 $\pm$ 2,2	14,0 $\pm$ 1,7	10,0 $\pm$ 1,45	12,8 $\pm$ 1,82
АП, баллы	2,14 $\pm$ 0,04	2,1 $\pm$ 0,04	2,11 $\pm$ 0,05	2,1 $\pm$ 0,04	2,1 $\pm$ 0,04	2,12 $\pm$ 0,04

Как видно из таблицы, в возрасте 15–17 лет показатели АД существенно не различаются как у юношей, так и у девушек. В 17 лет систолическое АД (САД) у девушек значительно ниже, чем у юношей ($P < 0,01$). Диастолическое АД (ДАД) и среднее АД не имеют возрастно-половых различий. Следует подчеркнуть, что средние показатели САД и ДАД соответствовали возрастно-половой норме для подростков данного возраста, проживающих в Витебской области [2, 10, 11]. ЧСС во всех возрастных группах была выше у девочек, чем у юношей ($P < 0,05$), а СОК был выше у юношей ($P = 0,05$, $P < 0,01$), соответственно. Минутный объем крови существенно не различался у всех групп обследованных подростков и значительно превышал должный минутный объем крови, что говорит о неэкономичности кровообращения у обследованных школьников. Ударный индекс был одинаковым и у юношей, и у девушек, а сердечный индекс юношей 17 лет был ниже, чем у девушек этого возраста ($P < 0,05$). Показатели общего периферического сопротивления и удельного периферического сопротивления не имели достоверных половых различий. У юношей 15 лет МОК и СИ были выше, а ОПС – ниже, чем у школьников 16–17 лет ($P < 0,05$). Аналогичные изменения этих показателей наблюдались у девушек. Выявляемое снижение СИ у подростков от 15 до 17 лет согласуется с данными И.К. Шхвацабая и соавторов [8], но в то же время нами не отмечено достоверного увеличения общего периферического сопротивления, как об этом сообщают указанные авторы. Полученные данные о величинах ОПС согласуются с данными А.Н. Поборского и соавторов [5] о величинах ОПС у лиц молодого возраста, что подтверждает мнение о ярко выраженной тенденции к достижению дефинитивного уровня показателей центральной гемодинамики к 17 годам.

Наши данные, приведенные в таблице, показывают, что тренированность сердечно-сосудистой системы выше у юношей, чем у девушек ($P < 0,05$,

$P < 0,01$), во всех возрастных группах. Мы склонны объяснить этот факт более выраженным влиянием симпатической нервной системы на синусовый ритм сердца у девушек, что следует из анализа величин вегетативного индекса. Также следует отметить, что среди девушек было значительно меньшее количество лиц с отрицательными значениями ВИ (в 15 лет – 18,7 %, в 16 лет – 22,1%, в 17 лет – 23%), чем среди юношей (соответственно 30, 39, 37%).

Средние показатели адаптационного потенциала не имели существенных возрастно-половых различий у обследованных юношей и девушек (данные приведены в таблице). В то же время установлено, что имеются половые различия в распространенности различных уровней адаптации среди подростков 15-17 лет. Так, 64,25% юношей имели удовлетворительный уровень адаптации, а среди девушек этот показатель составил только 52,64%. Напряжение адаптации наблюдалось у 22,93% юношей и у 29,13% девушек. Неудовлетворительный уровень адаптации и срыв адаптации отмечен соответственно у 6,22% и 6,6% юношей и 11,24% и 6,99% девушек.

После физической нагрузки у всех обследованных юношей наблюдалось увеличение среднего АД на 10,1%, САД на 19,5%, ЧСС на 62,5%, СОК на 17,9%, МОК на 92,8%, одновременно отмечено уменьшение ОПС на 42,9%. Аналогичные изменения показателей гемодинамики наблюдались и у девушек (соответственно на 9,8, 19,7, 67, 20,2, 101,7, 45,2 процента). После физической нагрузки также отмечено значительное увеличение средних величин вегетативного индекса у всех обследованных. У юношей в 15 лет ВИ равнялся $52,6 \pm 1,5$; в 16 лет – $49,0 \pm 1,02$; в 17 лет $43,2 \pm 1,3$; у девушек – соответственно $48,8 \pm 1,0$, $52,5 \pm 0,83$ и $52,5 \pm 0,89$, что свидетельствует о выраженном влиянии симпатико-адреналовой системы на сердечно-сосудистую систему подростков в период физического стресса. Это же, вероятно, является причиной довольно высоких показателей индекса Руффье у этих возрастных групп школьников (у юношей в 15 лет – $10,2 \pm 0,45$; в 16 лет – $9,4 \pm 0,4$; в 17 лет – $9,0 \pm 0,42$, у девушек соответственно $13,2 \pm 0,48$; $13,4 \pm 0,49$; $12,4 \pm 0,45$), что говорит о невысокой физической работоспособности обследованных подростков. При этом следует отметить, что индекс Руффье был выше у девушек ($P < 0,001$), чем у юношей, что говорит о более высокой физической работоспособности у юношей во всех возрастных группах. Коэффициент выносливости после нагрузки увеличивался во всех группах подростков, но достоверные изменения КВ отмечены только у 17-летних подростков (у юношей КВ увеличился до $1,76 \pm 0,06$; $P < 0,05$, у девушек – до $2,3 \pm 0,07$; $P < 0,001$).

Уровень адаптационных возможностей подростков может служить одним из критериев оценки состояния здоровья в этом возрасте.

Из этого следует.

- к 17 годам показатели центральной гемодинамики достигают дефинитивного уровня;
- в подростковом возрасте отмечена неэкономичность функции кровообращения. Сердечно-сосудистая система девушек находится под большим влиянием симпатической вегетативной нервной системы по сравнению с юношами;
- в 15–17 лет наблюдаются половые различия в уровне показателей гемодинамики. Тренированность сердечно-сосудистой системы у школьников 15–17 лет выше у юношей, чем у девушек;
- юноши лучше адаптируются к дозированной физической нагрузке, чем девушки, что необходимо учитывать при организации занятий физической культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Василенко С.Г.** Валеология. Учебно-методическое пособие. – Витебск, 2002. – 115 с.
2. **Василенко С.Г., Беренштейн Г.Ф.** Методология и методы исследования морфофункционального статуса детей и подростков. Монография. – Витебск, 2002. – 90 с.
3. **Ильин А.Г., Агапова Л.А.** // Гигиена и санитария, 2000, № 5. – С. 43–46.
4. **Лебедева Н.Т., Цыбин А.К.** // Вопросы организации и информатизации здравоохранения, 1998, № 6. – С. 3–7.
5. **Поборский А.Н., Коваленко Л.В., Сафонов В.А., Тараканов И.А.** // Физиология человека, 2000, т. 26, № 5. – С. 128–136.
6. **Ямпольская Ю.А.** // Материалы V конгресса педиатров России «Здоровый ребенок». – М., 1999. – С. 558.
7. **Храмов Ю.А., Вебер В.Р.** Вегетативное обеспечение и гемодинамика при гипертонической болезни. – Новосибирск, 1985. – 129 с.
8. **Шхвацабая И.К., Глезер Г.А., Москаленко Н.П. и др.** // Кардиология, 1975, № 11. – С. 68–74.
9. **Тупицын И.О.** Возрастная динамика и адаптационные изменения сердечно-сосудистой системы школьников. – М., 1985.
10. **Беренштейн Г.Ф., Нурбаева М.Н., Полевой Д.А. и др.** // Здравоохранение Беларуси, 1993, № 8. – С. 54–58.
11. **Беренштейн Г.Ф., Павленко В.Н., Нурбаева М.Н. и др.** // Здравоохранение Беларуси, 1995, № 7. – С. 25–28.

S U M M A R Y

In the article the findings on the indices of hemodynamics and adaptation potentialities of the adolescents residing in Vitebsk province are presented.

The level of the adaptation potentialities of the adolescents may become one of the criteria of assessment of teenagers' state of health.

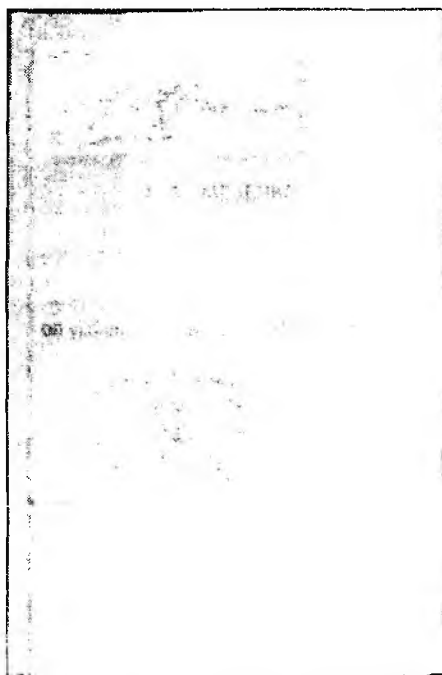
Поступила в редакцию 18.02.2004

А.Ф. Рогалев

Историко-топонимическое исследование

ИМЯ ВНУТРИГОРОДСКОГО ОБЪЕКТА В ИСТОРИИ. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в / **А.М. Мезенко**. – Мн.: *Вышэйшая школа*. 2003. – 301 с. Тир. 400 экз.

Книга «Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в.» профессора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова – известного специалиста в области белорусской ономастики Анны Михайловны Мезенко является продолжением начатых автором в 1980-х годах публикаций по истории урбанонимии Беларуси и открывает большие возможности для исследования многих процессов, происходивших в ономастической лексике на протяжении шести столетий.

В книге впервые не только в белорусистике, но и в славистике в целом осуществлено целостное описание урбанонимии практически всех регионов республики. Изложены новые интересные сведения о названиях улиц, переулков, площадей, рынков, скверов, храмов и других внутригородских объектов, что свидетельствует о высокой научной ценности этого труда.

Основную часть книги составляет словарь, в котором последовательно подаются названия внутригородских объектов, фиксировавшиеся в пределах Беларуси до начала XX века, т.е. до того периода в истории белорусской урбанонимии, который А.М. Мезенко называет *национальным*. Каждая словарная статья весьма информативна. В ней указываются населенные пункты, где фиксировался соответствующий урбаноним; само название подается в тех грамматических, словообразовательных и орфографических вариантах, в которых оно фиксировалось в источниках и документах; делается ссылка на источники. Всюду, где это возможно, словарная статья имеет указания на причину и обстоятельства появления урбанонима. При необходимости приводятся сведения исторического, географо-экономического, биографического и иного характера. Энциклопедичность всех без исключения словарных статей позволяет найти в них интересный фактический материал представителям самых разных наук – лингвистам, историкам, географам, этнографам.

Ценной стороной рецензируемого исследования является и то, что в нем не только раскрыто происхождение наименований, даны мотивации, но указаны имевшие место переименования объектов.

Историко-топонимическое исследование А.М. Мезенко опирается на богатейшие источники: акты, инвентари, летописи, писцовые книги, ревизии, хроники, энциклопедии, справочники, географические карты, схематические планы городов, данные девяти архивов, рукописных отделов библиотек, монографии старого и нового времени, статьи.

Перечисление всех населенных пунктов, в которых функционировало конкретное название географического объекта, важно само по себе и может быть использовано для выявления урбанонимических изоглосс и ареалов.

Безусловной ценностью книги является приведение в ней текстов из памятников письменности, содержащих урбаноним, поскольку именно тексты воссоздают силовое поле той эпохи, в которой было образовано именование объекта.

Обращает внимание и то, что автор уважительно относится к опыту предшественников – составителей разнообразных справочников по городам – и опирается при построении своей концепции словаря на те достижения, которые были в области топонимики, тем самым способствуя объединению этого опыта.

К числу удач автора следует отнести и введение в словарь экклезионимов, являющихся, пожалуй, самыми древними урбанонимами на территории Беларуси.

Кроме словаря, занимающего основную часть книги, в ней имеются необходимое предисловие о назначении словаря-справочника, обычные сведения о его структуре и построении словарной статьи; весьма полезный, например, для студентов или читателей-неспециалистов в ономастике список ономастических и урбанонимических терминов и очень обстоятельное «Введение» с общей характеристикой развития урбанонимии Беларуси в XIV – начале XX века.

В конце монографии, помимо традиционного «Заключения», находим очень любопытные наблюдения автора, озаглавленные как «Имена внутригородских объектов и менталитет белорусов».

Мы вполне согласны с А.М. Мезенко в том, что внутригородские названия нельзя считать случайными. Урбанонимы теснейшим образом связаны с историей, социальной организацией, политической жизнью, культурой общества. В урбанонимии нет и не может быть ничего, что было бы не связанным с историей данного народа или не имеющим к данному народу отношения. В ней зашифрован культурно-национальный опыт и этнические традиции.

А.М. Мезенко верно определила такую отличительную черту белорусской урбанонимии, как антропоцентричность (замкнутость на человеке и его деятельности). Что же касается прагматизма белорусов, также отраженного, по мнению А.М. Мезенко, в белорусской урбанонимии, то здесь с автором монографии мы согласиться не можем.

Восточные славяне никогда не были прагматиками. Их ментальность проникнута мечтательной созерцательностью и импровизацией. Прагматизм же свойствен как раз людям западной (атлантической) цивилизации. В европейской урбанонимии он проявляется, в частности, в значительно большей ее тематической организации и упорядоченности, по сравнению с восточнославянским (и белорусским в том числе) урбанонимиконном. Наличие, например, в Польше таких тематических групп урбанонимов, как фаунистические, флористические, литературные (по именам героев художественных произведений) и других, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении сделать систему внутригородских названий максимально стройной, упорядоченной и «читаемой» (в смысле – нацеленной на легкое и удобное ориентирование в городе). Белорусская же урбанонимия в этом плане, наоборот, характеризуется значительной тематической «разбросанностью» и даже алогичностью, что может в определенной мере соответствовать «манере мысли» типичного белоруса.

Впрочем, менталитет в урбанонимии отражается не прямо (непосредственно), а опосредованно. В большей степени урбанонимия связана с социально-экономическими условиями жизнедеятельности в каждый данный исторический период, что и проявляется в истории той же несвижской урбанонимии, которую А.М. Мезенко подробно анализирует как пример реализации специфического типа мышления, самосознания и мировидения белорусов.

Так, до конца XV – начала XVI века урбанонимия складывалась из названий земельных участков, пляцев, дворов, отдельных усадеб, угодий, строений, поскольку в городах фактически не было линейных объектов.

Изменение социально-экономических условий к началу XVI века привело к появлению улиц и, соответственно, их названий, развитию урбанонимной номенклатуры, структурно-грамматических типов урбанонимов и принципов номинации – от сугубо ориентационно-транспортных наименований и названий связанных с природными, социокультурными, культовыми и промысловыми объектами до антропонимических, мемориальных и идеологизированных урбанонимов. В советский период урбанонимия преимущественно обуславливалась господствовавшей государственной идеологией.

Сделанные замечания не умаляют достоинства книги А.М. Мезенко, которые проявляются и в том, что она представляет интерес не только для жителей Республики Беларусь, но также для поляков, литовцев, украинцев, россиян, в определенные периоды истории деливших с белорусами свою судьбу.

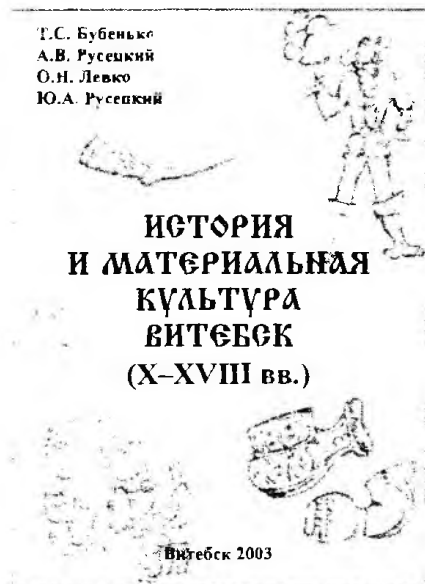
Следует сожалеть, что автор остановился только на донациональном периоде белорусской урбанонимии. Современное состояние последней настоятельно требует профессионального вмешательства. Однако это более пожелание, чем замечание.

Рецензируемая книга, без сомнения, найдет свое место в библиотеке ученых, занимающихся изучением топонимии, студентов-филологов и историков, учителей-словесников и всех, кто интересуется прошлым Республики Беларусь.

Являясь первым опытом составления исторического урбанонимического словаря, новая монография А.М. Мезенко, возможно, вызовет иные, помимо нашего, отзывы и мнения, что в целом будет содействовать активизации исследований в области исторической ономастики.

ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВИТЕБСКА (X–XVIII вв.): Курс лекций / Т.С. Бубенько, А.В. Русецкий, О.Н. Левко, Ю.А. Русецкий. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 150 с. Тир. 200 экз.

Как выглядел средневековый Витебск, как он развивался, чем занимались горожане, как был организован их быт – это вопросы, на которые нельзя найти ответ в скудных строках летописей и хроник. Это вопросы, на которые долгое время не могли ответить отечественные историки. Витебская земля бережно хранит свои тайны, тайны ушедших поколений. И лишь тем, кто научился читать ее, как книгу, земля слегка приоткрыла секреты старого города.

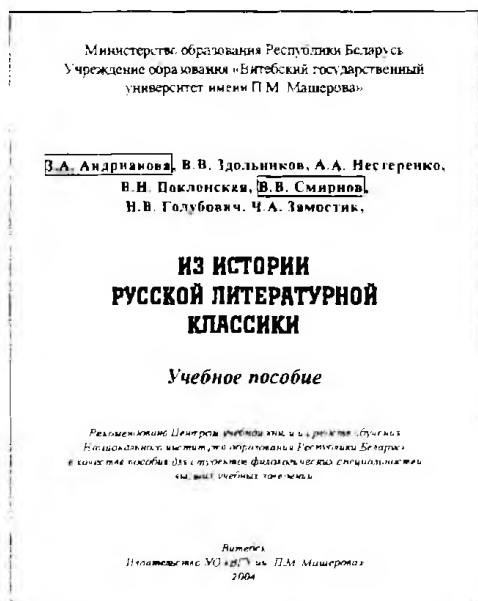
Учебное издание подготовлено на основе фактического материала, полученного в результате археологических раскопок в городе Витебске, проводившихся в 1964–1997 гг. Курс лекций охватывает политическую историю города на протяжении X–XVIII вв., эволюцию материальной культуры горожан на протяжении данного периода.

Издание рассчитано на студентов, обучающихся по специальностям исторического,

культурологического профиля, преподавателей высших и средних учебных заведений, учителей, научных работников и любителей-краеведов.

А.И. Матейон

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ. Учебное пособие / З.А. Андрианова, В.В. Здольников, А.А. Нестеренко, В.Н. Поклонская, В.В. Смирнов, Н.В. Голубович, Ч.А. Замостик. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 315 с. Тир. 500 экз.

Данное учебное пособие рекомендуется студентам филологических специальностей, изучающим русскую литературу в контексте мировой. Оно содержит современное осмысление историко-литературного процесса и творческих индивидуальностей писателей по древнерусской литературе XVIII века, творчеству А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого (XIX в.), по русской литературе рубежа XIX и XX веков, по творчеству М.А. Булгакова, А.П. Платонова, М.А. Шолохова. Пособие адресовано также учителям-словесникам.

Цель учебного пособия – не просто дать информацию о новых историко-литературных исследованиях и новых оценках известных классических произведений русской литературы XIX и XX столетий, а помочь студентам сориентироваться в потоке разноречивых суждений и толкований, выработать творческий подход к

осмыслению значимости и убедительности вносимых в привычную схему (оценку) коррективов. Эта общая задача неукоснительно решалась авторами всех глав, что соответствует жанру коллективного учебного пособия.

А.Н. Фенченко

Н.Н. Шкут

(к 60-летию со дня рождения)

Выпускнику художественно-графического факультета, кандидату исторических наук, доценту кафедры изобразительного искусства нашего университета Николаю Николаевичу Шкуту исполнилось 60 лет.

Родился Николай Николаевич 16 июля 1944 г. в д. Милишев Хойникского района Гомельской области в крестьянской семье. Его детство проходило в тяжелые послевоенные годы. Отец погиб на фронте, а мать, Анастасия Романовна, одна воспитывала троих детей, всем дала образование. Самый младший в семье – Николай уже в школе проявил большую любовь к рисованию и декоративно-прикладному искусству. Это и привело уроженца Полесья в 1961 г. в Витебский государственный педагогический институт.

3 ноября 1963 г. Николай Шкут, будучи студентом третьего курса художественно-графического факультета, был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Служба на пограничной заставе поспособствовала дальнейшему творческому успеху в области акварельной живописи. Этюды пейзажей эстонской природы, наброски, зарисовки сослуживцев-пограничников неоднократно выставлялись на выставках изобразительного искусства в городах Таллинне, Выборге, Ленинграде. Графические плакаты, пейзажи неоднократно печатались в газете «Пограничник».

После трехлетней службы в армии Н.Н. Шкут продолжил учебу на художественно-графическом факультете. В 1969 году после окончания института направляется на работу в Бобруйск. Работает мастером производственного обучения и преподавателем художественного цикла в Бобруйском художественном ПТУ-15. Николай Николаевич активно занимается изучением народного творчества, участвует в городских, областных, республиканских и международных выставках изобразительного искусства. Является постоянным участником выставок в павильоне профессионально-технического образования на ВДНХ СССР (г. Москва).

Стремление заниматься научной деятельностью привело его в 1973 году к соискательству сектора изобразительного искусства Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР. Сдав кандидатские

экзамены с высокой оценкой, соискатель Н.Н. Шкут поступает в очную аспирантуру сектора изобразительного искусства. Трудолюбие и целеустремленность Николая Николаевича приносят хорошие результаты. Под руководством известного (и единственного) в 1970-е годы белорусского доктора искусствоведения в области народного искусства, профессора М.С. Кацера он расширяет и углубляет свои знания по исследованию народных художественных промыслов.

За три года в аспирантуре Н.Н. Шкут подготовил кандидатскую диссертацию, посвященную традициям народного творчества в художественной промышленности Беларуси 50–70-х годов XX в. по специальности «Искусствоведение». После успешного окончания аспирантуры Николай Николаевич направляется на работу в Витебский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова на художественно-графический факультет в должности старшего преподавателя кафедры изобразительного искусства.

К сожалению, Совет по защите диссертаций в области искусствоведения в Академии наук БССР в середине семидесятых годов прошлого века был закрыт. Защищаться в Ташкенте, куда его направляли, Николай Николаевич отказался. Так как его диссертация была написана на стыке двух наук – искусствоведения и этнографии, то ему разрешили защищаться в Академии наук БССР по специальности «Этнография». Сдав дополнительно два кандидатских экзамена по всеобщей этнографии и истории, он успешно защитился в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. В 1979 г. ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук, а в 1984 г. присвоено ученое звание доцента по кафедре изобразительного искусства.

В 1980 году Николай Николаевич избирается деканом художественно-графического факультета. В эти годы много внимания он уделяет улучшению учебного процесса на факультете, воспитанию студентов, подготовке высококвалифицированных специалистов для образовательных школ республики. Н.Н. Шкут отличается большой человечностью, простотой и общительностью, готовностью внимательно выслушать и преподавателя, и студента, помочь в решении их проблем. Будучи с 1986 года доцентом на кафедре методики ИЗО, Николай Николаевич на высоком научном и методическом уровне читает курс лекций по русскому и белорусскому искусству, где не только дает необходимый уровень знаний студентам, но и привлекает их к научной и творческой работе, прививает любовь к народному творчеству и прекрасной белорусской природе своими акварельными листами. Многие выполненные под его непосредственным руководством научные работы студентов неоднократно отмечались высокими наградами на республиканских конкурсах.

Доцент Н.Н. Шкут – высококвалифицированный специалист. Обладая богатой художественной культурой, он отличается принципиальностью, новаторским подходом к решению тех или иных проблем образования и воспитания студентов. Николай Николаевич является автором 43 научных работ в области теории, истории и методики преподавания изобразительного искусства в художественных сферах образования, а также многочисленных методических пособий для студентов ХГФ, в том числе «Акварельная живопись. Натюрморт» (1999 г.), «Живопись маслом» (2000 г.). Его монография «Белорусские художественные промыслы», изданная в 1985 г. в издательстве «Наука и техника» (Минск), в том же году была представлена на книжной яр-

марке в Москве (ВДНХ СССР). Многочисленные экземпляры книги были приобретены в основном белорусскими эмигрантами Америки и Англии.

Научную работу Н.Н. Шкут успешно сочетает с творческой деятельностью в области акварельной живописи. В изобразительном творчестве он проявляет свой талант и высокое мастерство. Об этом, например, свидетельствует такой факт: когда еще в 1986 году он учился на художественно-графическом факультете повышения квалификации в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина, его академические и творческие работы получили высокую оценку со стороны видных московских художников-педагогов. В кругу жанров, к которым обращается художник Н. Шкут, им наиболее любимы лирический пейзаж, натюрморт, портрет. Серьезно работать в акварели начал более 25 лет назад, в годы преподавания в Бобруйском художественном училище. В последнее время художник работает практически без палитры, поиск цвета идет прямо на самом листе. Уже сформировался круг своеобразных авторских технических приемов, придающих акварелям своеобразие. Работы Николая Николаевича экспонируются не только на городских, областных, республиканских выставках, но и в Польше, Германии, Англии, Израиле, они охотно приобретаются любителями искусства и коллекционерами, а акварельные листы мастера находятся в Витебской городской картинной галерее. «Акварель должна радовать людей», – говорит художник и щедро раздаривает свои работы, что, в общем-то, нетипично для современных творцов.

Свой юбилей Николай Николаевич встречает в расцвете творческих сил, полный энергии и огромного желания реализовать новые творческие идеи. В этом ему способствует его жена – Валентина Лаврентьевна. О своих планах художник и ученый говорит очень просто: «Работать дальше, исследовать народное творчество Республики Беларусь, писать в акварели озерную Витебщину». И акварели, и народному искусству изменять не собирается.

За успехи в педагогической, научной и творческой работе Н.Н. Шкут награжден многочисленными грамотами, медалями ВДНХ СССР, знаком «Отличник народного образования БССР».

В настоящее время Николай Николаевич все свои знания, богатый жизненный и педагогический опыт передает молодому поколению. По его стопам пошли его дочери – Елена и Наталья. Впереди много работы. Хочется пожелать ему крепкого здоровья, человеческого счастья и дальнейших успехов в педагогической, научной и творческой деятельности.

Е.А. Василенко

А.А. Бочков

(к 50-летию со дня рождения)

Александру Александровичу Бочкову – заведующему кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидату философских наук, доценту исполнилось 50 лет со дня рождения и 26 лет научно-педагогической деятельности. Он родился 29 августа 1954 года в Калининской (Тверской) области Российской Федерации.

В 1972 году окончил среднюю школу в городе Иваново. Во время учебы в школе Александр Александрович проявлял большой интерес к гуманитарным наукам, склонность к анализу и самостоятельному мышлению.

После окончания СШ поступил в Ивановский государственный университет на факультет истории, обществоведения и английского языка.

После окончания с отличием университета в 1977 году работал ассистентом на кафедре истории и политической экономии Ивановского текстильного института. Еще в студенческие годы активно трудился в бюро молодежного туризма «Спутник» при Ивановском Обкоме ВЛКСМ. Деятельность Александра Александровича в этот период времени отмечена многочисленными почетными грамотами и благодарностями.

Заметив склонность и способности молодого ученого, руководство вуза направило его на стажировку в Ленинградский государственный университет. Она продолжалась 13 месяцев и проходила при кафедре философии ЛГУ им. А.А. Жданова.

В 1977–1979 годы Александр Александрович проходил службу на Дальнем Востоке в десантно-штурмовой бригаде. За успехи в боевой и политической подготовке, участие в спортивных мероприятиях бригады и округа был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ, службу закончил в звании старшины роты.

После прохождения военной службы Александр Александрович поступил в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ им. А.А. Жданова. Будучи молодым аспирантом, совмещал учебу с чтением лекций по философии на факультете математики ЛГУ. 15 сентября 1983 года им была успешно защищена кандидатская диссертация, по результатам которой присвоена научная степень кандидата философских наук.

После защиты Александр Александрович переехал на постоянное место жительства в г. Витебск. Как вспоминает наш юбиляр, уже на следующий день после переезда начал читать лекционный курс по историческому материализму и философии на худграфе ВГПИ им. С.М. Кирова. С этого времени началась долгая и увлекательная работа на многих факультетах нашего университета. В 1984 году был награжден дипломом первой категории как молодой ученый за участие в научной деятельности. На кафедре философии

А.А. Бочков работал в должности старшего преподавателя, затем доцента. В 1985–1987 гг. – декан факультета физвоспитания ВГПИ им. С.М. Кирова.

На протяжении работы в ВГУ Александр Александрович участвовал в общественно-просветительской деятельности Белорусского общества «Знание»: читал лекции в трудовых коллективах, школах, ПТУ города и области. За активную деятельность в областной организации общества «Знание» неоднократно поощрялся грамотами и ценными подарками.

В 1998 году Александр Александрович закончил юридический факультет Института современных знаний в г. Минске. После этого он стал заведующим кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Учебно-преподавательскую деятельность Александр Александрович постоянно совмещает с научной и методической. За 26 лет он опубликовал более 80 работ. Среди них учебные и учебно-методические пособия по философии, общей теории права и другим дисциплинам, научные статьи в различных журналах. Он постоянно участвует в международных и республиканских конференциях. К 85-летию ВГУ в декабре 2003 года ему была вручена почетная грамота Витебского областного управления юстиции.

Александр Александрович заслуженно пользуется уважением и любовью студентов. Многие из них, занимающиеся научной деятельностью под его руководством, были удостоены грамот 1-й, 2-й и 3-й категорий на республиканских конкурсах студенческих работ. Из этих достижений, как самые высокие, можно отметить несколько крупных побед, удостоенных 1-й категории. Это работа, полученная студентами физического факультета по теме «Философское обоснование взаимодействия биологических полей человека», а также работы студентов и молодых ученых юридического факультета О. Ячменевой, А. Крупенькина, А. Лузгина, П. Борботько, Т. Банденок и др.

Сейчас Александр Александрович полон творческих сил и энергии. Он разрабатывает и читает новые курсы – по общей теории права, истории политических и правовых учений; активно работает на факультете ИПК и ПК, разрабатывает тестовые задания, руководит научно-исследовательской деятельностью студентов.

Коллектив кафедры желает Александру Александровичу крепкого здоровья, оптимизма, творческих успехов и новых достижений.

Коллектив кафедры истории и теории права

24 чэрвеня 2004 г. адбылася рэспубліканская навуковая канферэнцыя «Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны», прысвечаная 60-годдзю вызвалення Віцебскай вобласці ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Арганізатарамі канферэнцыі выступілі кафедра гісторыі Беларускага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава і Віцебскі абласны краязнаўчы музей. У мерапрыемстве прынялі ўдзел больш за 40 чалавек: выкладчыкі ВУ, навуковыя супрацоўнікі архіваў і музеяў, краязнаўцы з Мінска, Кіева, Брэста, Віцебска і Віцебскай вобласці (з Оршы, Полацка, Расона, Глыбокага, Лепеля, Лёзна, Заронава і інш.).

Адкрыў канферэнцыю дэкан гістарычнага факультэта УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», доктар гістарычных навук, член-карэспандэнт Беларускай Акадэміі адукацыі, прафесар В.А. Космач, які прывітаў ветэранаў і ўдзельнікаў ад імя Савета ўніверсітэта, выкладчыкаў і студэнтаў гістарычнага факультэта, В.А. Космач падкрэсліў, што тэма Вялікай Айчыннай вайны будзе заўжды актуальнай, бо разгром фашызму стаў падзеяй сусветна-гістарычнага маштабу, якая мела цывілізацыйнае значэнне. З прывітальнымі прамовамі да ўдзельнікаў звярнуліся запрошаныя ветэраны С.М. Шабашоў, І.А. Мандрый, К.Л. Ваньковіч, якія ўспомнілі часы змагання нашага народа ў гады вайны.

Канферэнцыя мела міждyscyплінарны характар: былі прадстаўлены матэрыялы гістарычнага, краязнаўчага, архівазнаўчага, музеялагічнага характару, даклады літаратуразнаўцаў, распрацоўкі, прысвечаныя тэорыі і практыцы патрыятычнага выхавання. Удзельнікі абмеркавалі праблемы абароны г. Віцебска летам 1941 г., акупацыйнага рэжыму і паўсядзённага жыцця насельніцтва пад нямецкай акупацыяй, антыфашысцкай барацьбы на Віцебшчыне, вызвалення вобласці, развіцця пошукавага руху і інш. Найбольшую цікавасць выклікалі даклады С.Я. Новікава, В.А. Космача, С.І. Палякова, В.У. Акуневіча, В.П. Лютынскага, І.У. Нікалаевай, У.П. Каханкі, М.В. Півавара, Т.П. Марчык. Падводзячы вынікі, удзельнікі канферэнцыі прызналі неабходным працягнуць навуковую распрацоўку пытанняў, звязаных з ваеннай гісторыяй Віцебскага рэгіёна, зрабіць падобныя канферэнцыі рэгулярнымі, удзяляць больш увагі краязнаўчым аспектам пры вывучэнні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў школе і ВУ, у выхаваўчай працы. Працягам навуковага форуму стала адкрыццё экспазіцыі «Вялікая Айчынная вайна на Віцебшчыне». Матэрыялы канферэнцыі апублікаваны ў выдавецтве УА «ВДУ імя П.М. Машэрава».

А.М. Дулаў

На состоявшемся в августе Совете университета были подведены итоги приема абитуриентов в 2004 г. В принятом постановлении отмечается, что приемной комиссией проделана значительная работа по организации набора студентов на бюджетную и внебюджетную формы обучения. Своевременно был сформирован и утвержден план набора по специальностям и формам обучения, разработан порядок приема, определены виды и критерии оценки знаний абитуриентов на вступительных испытаниях, разработаны документы нормативного характера, касающиеся организации и работы приемной комиссии. Впервые за последние годы непосредственное участие в качестве председателей предметных комиссий и разработке экзаменационных материалов приняли участие пять деканов факультетов.

Проведена значительная работа по организации и проведению вступительных испытаний в виде тестирования. По предметам, выносимым на вступительные испытания, были созданы базы данных для формирования тестов, определена их структура и критерии оценки знаний абитуриентов, разработана и внедрена оригинальная программа генерирования экзаменационных тестов в день экзаменов; оснащены компьютерами, связанными в единую сеть, рабочие места технических секретарей; продолжила работу автоматизированная система «Абитуриент». В ходе вступительных экзаменов практически не было жалоб по вопросам приема. Абитуриенты не подали ни одной апелляции.

На 32 специальности дневной формы бюджетного обучения при плане набора 725 человек было подано 1787 заявлений, выдержали вступительные испытания 1676 абитуриентов, общий конкурс составил 2,46 чел. на место. На 21 специальность заочной формы бюджетного обучения при плане набора 285 человек было подано 1800 заявлений, выдержали вступительные испытания 1630 абитуриентов, общий конкурс составил 6,3 чел. на место.

И.В. Галузо

УДК 947.6

Бруцкі А.П. Калі неба плакала крывёю // Веснік ВДУ. 2004, № 3(33). – С. 3–10.

На фактычным матэрыяле, сабраным у розных раёнах Віцебскай вобласці, даследуюцца злавесная практыка генацыду, якую ажыццяўлялі ў гады Вялікай Айчыннай вайны гітлераўскія акупанты супраць беларускага народа, бязлітасна знішчаючы мірных жыхароў і палячы гарады і вёскі.

Бібліягр. – 3 назв.

УДК 316.728 + 316.628

Русецкий Ю.А., Гащенко Л.А. Ценностно-мотивационные детерминанты получения второго высшего образования // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 11–19.

Исследуются ценностно-мотивационные детерминанты получения второго высшего образования, а также гражданско-патриотическая позиция студентов ИПК и ПК при УО «ВГУ им. П.М. Машерова».

Библиогр. – 6 назв.

УДК 947.6(=512.1) «20»

Канапанскі І.Б. Становішча татараў у БССР у 20–30-я гады XX стагоддзя // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 20–25

У разглядаемы перыяд меры, якія прымала Савецкая ўлада па нацыянальным будаўніцтве, не палепшылі становішча татар, паколькі не ўлічваліся іх традыцыйны род заняткаў, культура, права на веравызнанне. Разглядаюцца таксама выпадкі рэпрэсій 1930-х гадоў, якія закранулі прадстаўнікоў татарскага народа.

Бібліягр. – 8 назв.

УДК 940.5 (430)

Субботин О.Г. Бавария и рейх: «федеративный конфликт» 1923–1924 гг. // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 25–30.

Показан «федеративный» конфликт между Баварией и рейхом в 1923–1924 гг. Рассматриваются взаимоотношения властей и политических партий на уровне центра и земель.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 947.6 «1924–1939»

Осипович А.И. Научно-технический и информационный обмены между Великобританией и БССР в 1924–1939 гг. // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 30–35.

На основе архивных материалов показан позитивный и негативный опыт научно-технического сотрудничества и обмена информацией между Великобританией и БССР в 1925–1939 гг., в которых участвовали с обеих сторон известные ученые, государственные учреждения и общественные организации.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 336.6(476)

Байнев В.Т., Дадеркина Е.А. Теоретические основы полезностной оценки эффективности инноваций // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 36–41.

Рассмотрена возможность и целесообразность принятия в качестве альтернативы главному рыночному критерию оценки эффективности инноваций – максимуму прибыли, полезностного критерия. При этом в качестве полезностного эффекта выступает абсолютная экономия совокупного (живого и овеществленного труда), а потребительно-стоимостная эффективность определяется в виде достигнутого эффекта и затрат совокупного труда.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 330.8

Шахнович Е.С. Эволюция экономических систем: критерии оценки // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 42–46.

Аргументированно обосновываются границы возможного применения цивилизационного подхода в исследовании эволюции экономических систем.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 334.7

Орлов В.И. Современные концепции предпринимательской деятельности: концептуальный статус и социальные функции // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 46–53.

Рассматриваются структурно-нуклеарный, инновационно-деятельностный и другие подходы к классификации различных концепций сущности предпринимательства и его социальных функций.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 940 5(430) «1919»

Борботько П.В. Правотворческая деятельность фракции СДПГ по вопросу принятия конституции в немецком Национальном собрании в 1919 году // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 54–58.

Работа посвящена проблеме изучения правотворческой деятельности политических партий Веймарской Германии. На основе анализа объемного документального материала делаются выводы об успехах и неудачах борьбы фракции СДПГ в 1919 г. за утверждение ее идей в конституционном праве Германии после Ноябрьской революции.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 342.731

Бочков А.А., Ивашкевич Е.Ф. Законодательство России и Беларуси в области свободы совести и религиозных организаций // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 58–64.

Работа посвящена анализу законодательства России и Беларуси в области свободы слова и религиозных организаций. Рассматриваются проблемы и перспективы дальнейшей интеграции России и Беларуси в этой сфере, унификации их законодательства. Показана позитивная роль религии в борьбе за мир, против терроризма, за равноправие народов.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 340 (051)

Дервод В.В. К вопросу о сущности доктрины в качестве источника права // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 65–69.

Определяется понятие правовой доктрины, ее сущность, рассмотрены основные формы существования правовой науки в качестве источника права в Республике Беларусь. Кроме этого, показываются основные свойства данного правового явления, которые позволяют ему занять свое довольно неоднозначное место во всей системе белорусского права и оказывать влияние на правообразующие и правореализационные процессы.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 371.39

Керножицкая И.Е., Шаркова О.Б. Дополнительное образование детей в современной школе // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 70–75.

Статья посвящена актуальной проблеме – усилению педагогического влияния школы на своих воспитанников через использование потенциала дополнительного образования. Авторы предлагают современные подходы к определению его сущности в школе, рассматривают его функции и роль в развитии личности школьника, анализируют опыт педагогического коллектива школы № 25 г. Витебска по решению задач дополнительного образования.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 004.65

Адаменко Н.Д., Оганджян О.П. Подготовка будущих программистов к работе с сетевыми базами данных // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 76–81.

На основе контекстно-знакового подхода рассмотрено содержание спецкурса «Сетевые базы данных» для специальности 1-31 03 03-02 14 «Прикладная математика. Методика преподавания математики и информатики». обеспечивающее эффективное усвоение основных концепций, методов проектирования баз данных и способов разработки программного обеспечения для создания корпоративных систем обработки информации.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 808.3-54

Ольшанский О.Е. Лексические опрощения суффиксальных существительных в русском языке // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 82–87.

Рассмотрено явление лексического опрощения на материале суффиксальных производных в русском языке. При этом отмечаются и случаи взаимодействия языковых форм.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 808.86 = 927(09)

Несцяровіч В.І. Дыялектная аснова легенды Мерадж з Кітаба Хасяневіча (1832) // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 87–92.

Аналізуецца адзін з выдатных помнікаў усходняй мусульманскай літаратуры – легенда Мерадж, змешчаная ў Кітабе Хасяневіча (1832), вывяляецца дыялектная аснова твора.

Бібліягр. – 9 назв.

УДК 808.26-3

Ляшкевіч В.М. Імя-мянушка як крыніца экстралінгвістычнай інфармацыі // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 92–96.

Імёны-мянушкі Віцебшчыны і Магілёўшчыны XVI–XVIII стст. з’яўляюцца неад’емнай часткай лексічнай сістэмы мовы і ўтвараюць своеасаблівую падсістэму з уласцівымі спецыфічнымі сродкамі, заканамернасцямі змянення, функцыянавання і распаўсюджвання. Імёны-мянушкі ўтрымліваюць інфармацыю пра шляхі гістарычнага развіцця народа, яго ўзаемаадносіны з іншымі этнасамі, асаблівасці рассялення, адметнасць культуры, мовы, светапогляду.

Бібліягр. – 4 назв.

УДК 808.2 – 085

Михальчук Т.Г. Национальная специфика форм комплимента в русской художественной литературе и в русском общении // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 96–101.

Работа посвящена средствам выражения комплимента в русском общении и в художественной литературе.

Выявляется типология комплимента, определяется национальная специфика выражения комплимента, а также специфика времени.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 811 161.1:81'36

Никитевич А.В. Транспозиция в отношении к деривационному анализу. Глагол // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 101–106.

Рассматриваются актуальные для теории номинативной деривации вопросы: соотношение различных способов создания номинативных единиц, специфика «образующих форм» номинативных рядов глагола. Структурные и семантические особенности глаголов, образованных от слов различных частей речи, и их дискретные соответствия – различные типы словосочетаний в деривационной функции – через систему соответствующих номинативных рядов обнаруживают глубокое взаимодействие грамматики, лексики и словообразования, номинативных способов транспозиции и деривационного анализа.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 882.6 – 3 (091) «20»

Бароўка В.Ю. Міфалагічныя вобразы ў сучаснай беларускай прозе // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 107–112.

Аналізуецца выкарыстанне міфалагічных вобразаў у сучаснай беларускай прозе гістарычнай, філасофскай і маральна-этычнай тэматыкі, вызначаюцца іх асноўныя функцыі (стварэнне нацыянальна-гістарычнага каларыту, метафарызацыя рэчаіснасці, іранічная ацэнка жыццёвых з’яў) і падкрэсліваецца, што айчынным аўтарам дадаюць перавагу не сінтагматыцы, а парадыгматыцы міфалагічных вобразаў.

Бібліягр. – 4 назв.

УДК 882.6–1

Хорошко Г.П. Историческое прошлое в драматической поэме «Крево» Н. Орочко // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 113–120.

Исследуется драматическая поэма «Крево» Н. Орочко, в которой автор показал реальные события, имевшие место в истории нашего народа: заключение Кревской унии в 1385 году между Великим княжеством Литовским и Польшей. Избранная поэтом драматическая форма позволила Н. Орочко не только показать исторический момент заключения Кревской унии, но и глубоко раскрыть внутреннее противоречие человека в его отношениях с внешней средой и миром.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 820–2

Андреев А.Н., Канторович О.К. Игра как способ реализации дискурса персонажей в пьесах Гарольда Пинтера // *Веснік ВДУ*, 2004, № 3(33). – С. 121–126.

Рассматривается один из аспектов поэтики произведений современного английского драматурга Гарольда Пинтера – дискурс персонажей, анализируемый в контексте теории игр.

Библиогр. – 8 назв.

УДК. 517. 926. 4

Сурин Т.Л., Шерегов С.В. Об угловой некорректности систем с функционально-коммутативными матрицами коэффициентов // *Веснік ВДУ*, 2004, № 3(33). – С. 127–131.

Рассматриваются линейные системы

$$\dot{x} = A(t)x, x \in R^n, t \geq 0, (1)$$

с кусочно-непрерывными, ограниченными на промежутке $[0, +\infty)$, функционально-коммутативными матрицами $A(t)$. Доказано, что для таких систем $\sigma_0(A) \equiv 0$, где $\sigma_0(A)$ – угловая некорректность системы (1).

Библиогр. – 6 назв.

УДК 519.852

Командина Л.В. Прямой опорный метод решения специальной задачи дробно-линейного программирования // *Веснік ВДУ*, 2004, № 3(33). – С. 131–134.

Рассматривается транспортная задача специального вида в сетевой постановке с дробно-линейной целевой функцией. Учитывая специфику матрицы условий и опорного множества строится прямой опорный алгоритм решения задачи, который является точным релаксационным. Получены формула приращения целевой функции, критерий оптимальности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 550.47 (476)

Федотов В.Л. Биогеохимия кальция в ландшафте, сформированном на моренных суглинках Белорусского Поозерья // *Веснік ВДУ*, 2004, № 3(33). – С. 135–141.

Изучены закономерности содержания, миграции и аккумуляции кальция в объектах ландшафта на моренносуглинистых отложениях – породе, природных водах, почвах различных рядов увлажнения. Полученные данные позволяют говорить о геохимическом своеобразии исследованного ландшафта по кальцию.

Табл. – 3. Библиогр. – 7 назв.

УДК 574.2+581.2

Гусев А.П. Сукцессионные процессы в антропогенном ландшафте зоны отселения // *Веснік ВДУ*, 2004, № 3(33). – С. 141–144.

В работе приведены результаты изучения процессов экологической сукцессии на территории селитебных ландшафтов (поселки и деревни), находящихся в зоне отселения (Ветковский район Гомельской области). В ходе исследований установлены особенности формирования растительного покрова

в условиях различных антропогенных экотопов: садово-огородные участки, развалины зданий и т.д. Рассматриваются результаты изучения фитоценотической и экологической структуры растительных сообществ, а также состава и численности естественного возобновления древесно-кустарниковых видов в селитебном ландшафте зоны отселения.

Табл. – 2. Библиогр. – 4 назв.

УДК 616.248

Крестьянинова Т.Ю., Николаева А.Г., Пришени И.М. Опыт применения обучающих программ при реабилитации больных бронхиальной астмой // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 145–149.

Показано, что применение обучающей программы приводит к повышению уровня базисных знаний о своей патологии, улучшает технику использования дозированного аэрозоля, увеличивает число больных, применяющих приборы индивидуального пользования, увеличивает число лиц с адекватными типами отношения к болезни ($p < 0,01$). Однако, не сказывается на характере течения заболевания.

Табл. – 3. Библиогр. – 12 назв.

УДК 613.95

Василенко С.Г., Нурбаева М.Н., Сорокина С.А. Показатели центральной гемодинамики и вегетативная регуляция сердца у подростков // Веснік ВДУ, 2004, № 3(33). – С. 150–154.

Приводятся данные о показателях гемодинамики и адаптационных возможностях организма подростков, проживающих в Витебской области. В подростковом возрасте отмечена неэкономичность функции кровообращения. В 15–17 лет наблюдаются половые различия в уровне показателей гемодинамики. Тренированность сердечно-сосудистой системы у школьников 15–17 лет выше у юношей, чем у девушек. Уровень адаптационных возможностей подростков может служить одним из критериев оценки состояния здоровья в этом возрасте.

Библиогр. – 11 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Аганджанын Вольга Пятроўна	– магістр педагагічных навук, метадыст вучэбнага аддзела ВДУ імя П.М. Машэрава
Адаменка Наталля Дзмітрыеўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры інфарматыкі і інфармацыйных тэхналогій ВДУ імя П.М. Машэрава
Альшанскі Алег Яфімавіч	– кандыдат філалагічных навук, прафесар кафедры агульнага і рускага мовазнаўства і тэорыі і гісторыі літаратуры Славянскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
Андрэеў Анатолій Мікалаевіч	– доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі літаратуры БДУ
Арлоў Валерый Іванавіч	– кандыдат філасофскіх навук
Асіповіч Аляксандр Іванавіч	– аспірант кафедры ўсеагульнай гісторыі БДПУ імя М. Танка
Байнеў Валерый Фёдаравіч	– доктар эканамічных навук, прафесар кафедры менеджменту БДУ
Барбоцька Павел Валянцінавіч	– старшы выкладчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
Бароўка Ванда Юльянаўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Бачкоў Аляксандр Аляксандравіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
Бруцкі Анатоль Паўлавіч	– публіцыст, член Саюза журналістаў Рэспублікі Беларусь
Васіленка Сяргей Генрыхавіч	– кандыдат медыцынскіх навук, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнай культуры і спорта ВДУ імя П.М. Машэрава
Гашчанка Леанід Аляксеевіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Гусеў Андрэй Пятровіч	– дацэнт кафедры экалогіі ГДУ імя Ф. Скарыны
Дадзеркіна Алена Анатольеўна	– выкладчык ВДТУ

Дзерваед Віталій Валер’евіч	– старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава
Івашкевіч Алена Францаўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
Камандзіна Ларыса Уладзіміраўна	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Канапацкі Ібрагім Барысавіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі БДПУ імя М. Танка
Кантаровіч Аксана Канстанцінаўна	– магістрантка кафедры тэорыі літаратуры БДУ
Кернажыцкая Іна Яфімаўна	– дацэнт кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Крэсцьянінава Таццяна Юр’еўна	– аспірантка кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Ляшкевіч Вольга Міхайлаўна	– выкладчык кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Міхальчук Тамара Грыгор’еўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры рускай мовы МДУ імя А. Куляшова
Несцяровіч Віктар Іванавіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дэкан факультэта беларускай філалогіі і культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Нікалаева Ала Генрыхіаўна	– загадчык аддзяленнем гіпабарычнай тэрапіі і баракліматычнай адаптацыі Рэспубліканскага ліпіднага лячэбна-дыягнастычнага цэнтра метабалічнай тэрапіі
Нікіцевіч Аляксей Васільевіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай мовы ГрДУ імя Я. Купалы
Нурбасва Мар’яна Нурмухамедаўна	– кандыдат медыцынскіх навук, дацэнт кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Прышчэпа Іна Міхайлаўна	– доктар біялагічных навук, прафесар, загадчык кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Русецкі Юрый Аркадзьевіч	– кандыдат гістарычных навук, дырэктар ІПК і ПК пры УА «ВДУ імя П.М. Машэрава»

**Сарокіна
Святлана Анатольеўна**

– настаўніца біялогіі СШ № 28 г. Віцебска

**Субоцін
Алег Генадзьевіч**

– аспірант кафедры ўсеагульнай гісторыі БДПУ імя
М. Танка

**Сурын
Таняна Леанідаўна**

– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт
кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ
імя П.М. Машэрава

**Фядотаў
Уладзімір Лявонавіч**

– кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры
батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава

**Харошка
Генадзь Парфір’евіч**

– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры
беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава

**Шаркова
Вольга Барысаўна**

– намеснік дырэктара па выхаваўчай рабоце
СШ № 25 г. Віцебска

**Шахновіч
Алена Сяргееўна**

– выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі ВДУ імя
П.М. Машэрава

**Шэрэгаў
Сяргей Віктаравіч**

– старшы выкладчык кафедры геаметрыі і матэма-
тычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АҮТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстаных матэрыялаў, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СІ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадкавым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15);
для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.